

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 2(26)

2022
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2022 № 2(26)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

А.А. Бочков (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурценков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, И.А. Фурманов,
И.И. Шматков, В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vvsu.by
http://www.vvsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

П Р А В О

- Борботько П.В., Шматков И.И.** Эволюция идейно-правовой доктрины в программных документах СДПГ и ННП 3
- Гуминский М.Н.** Понятие и виды гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ 13
- Янч В.В., Любченко О.А.** Социальный контроль: сущность, назначение, взаимодействие с правом 18
- Ложкина Т.Е., Могилёва Е.В., Первакова А.С.** Правовое регулирование кибербуллинга в России и зарубежных странах 24

Э К О Н О М И К А

- Богатырёва В.В., Сергеевич Т.В.** Тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь 30
- Калиева Г.Т., Сапаргалиев Х.У.** Цифровая трансформация коммерческих банков в Казахстане 35
- Побяржина Т.П.** Оршанский район как центр экономического роста Витебского региона 41
- Костюкова С.Н., Пашкевич Н.А.** Концепция асимметричной информации: содержание, последствия и пути их минимизации для подрядчика на рынке строительно-монтажных работ 47

П С И Х О Л О Г И Я

- Ростовцева М.В., Богомаз С.Л., Каратерзи В.А., Потапёва Ю.Л.** Тренировка профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожных станций 57
- Лупекина Е.А., Бондаренко М.С.** Социальные и личностные особенности женщин, планирующих прерывание беременности 64
- Морожанова М.М.** Концептуализация понятия «переживание» в контексте стратегий постнеклассической науки 71
- Ткачёв И.В.** Подходы к определению понятия коммуникативной компетентности в психологии 78
- Крестьянинова Т.Ю., Тишутин Н.А.** Содержание психологической готовности к обучению в учреждении высшего образования у студентов различных специальностей 85

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2022 № 2(26)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
A.A. Bochkov (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschik,
L.F. Tratshevskaya, I.A. Furmanov,
I.I. Shmatkov, V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

L A W

- Borbotko P.V., Shmatkov I.I.** The Evolution of the Ideological and Legal Doctrine in the Program Documents of the SDPG and the GPP 3
- Huminski M.N.** The Concept and Types of Guarantees in the Field of Counteraction to Illegal Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances 13
- Yanch V.V., Liubchenko O.A.** Social Control: Essence, Purpose, Interaction with Law 18
- Lozhkina T.Ye., Mogileva Ye.V., Pervakova A.S.** Legal Regulation of Cyberbullying Abroad and in Russia 24

E C O N O M I C S

- Bogatyreva V.V., Sergiyevich T.V.** Labor Relations Development Trends in the Republic of Belarus 30
- Kaliyeva G.T., Sapargaliyev Kh.U.** Digital Transformation of Commercial Banks in Kazakhstan 35
- Pobiarzhina T.P.** Orsha District as a Center of Economic Growth in Vitebsk Region 41
- Kostiukova S.N., Pashkevich N.A.** The Concept of Asymmetric Information: Contents, Consequences and Ways to Minimize Them for the Contractor in the Market of Installation and Construction Works 47

P S Y C H O L O G Y

- Rostovtseva M.V., Bogomaz S.L., Karaterzi V.A., Potasheva Yu.L.** Training Professionally Significant Qualities of Railway Station Operation Personnel 57
- Lupekina E.A., Bondarenko M.S.** Social and Personal Characteristics of Women who Plan to Terminate their Pregnancy 64
- Morozhanova M.M.** Conceptualization of the Concept of Experience in the Context of Post-Nonclassical Science Strategies 71
- Tkachov I.V.** Approaches to the Definition of Communication Competency in Psychology 78
- Krestyaninova T.Yu., Tishutin N.A.** Contents of Students' Psychological Readiness for University Studies 85

Эволюция идейно-правовой доктрины в программных документах СДПГ и ННП

Борботько П.В., Шматков И.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Для изучения становления государства и права Германии XX века актуальной является тема теоретической разработки направления совершенствования законодательства в период трансформации страны от феодальной монархии к демократической республике.

Цель работы – определить основные подходы законодателя, представленного политическими партиями Германии, к созданию правовой системы Веймарской республики.

Материал и методы. Данная статья написана на основании анализа стенографических протоколов рейхстага за 1919–1923 годы, публикаций немецких политических деятелей, издававшихся в указанное время. Методами исследования являются логический, конкретно-исторический, анализ, синтез.

Результаты и их обсуждение. Представители Немецкой народной партии (ННП) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ) опубликовали значительное количество исследований в сфере развития правовой системы Веймарской республики в первые годы ее существования. Заявления и речи их представителей, сделанные в рейхстаге, показывают постепенную трансформацию правовых воззрений в сторону создания правового государства.

Заключение. Подходы, разработанные представителями ННП и СДПГ, легли в основу дальнейшего развития законодательства не только в период Веймарской Германии, но и во время послевоенного строительства.

Ключевые слова: Веймарская Германия, Веймарская республика, ННП, СДПГ, правопонимание, правотворчество, Гёрлицкий съезд, конституция, законодательство, полемика, рейхстаг.

The Evolution of the Ideological and Legal Doctrine in the Program Documents of the SDPG and the GPP

Borbotko P.V., Shmatkov I.I.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

To study the shaping of the state and law of Germany in the twentieth century, the topic of theoretical development of the direction of improving legislation during the transformation of the country from a feudal monarchy to a democratic republic is relevant.

The purpose of the article is to determine the main approaches of the legislator, represented by the political parties of Germany, to the creation of the legal system of the Weimar Republic.

Material and methods. This article is written on the basis of an analysis of the Reichstag verbatim protocols for 1919–1923, publications of German politicians published at the indicated time. The research methods are logical, concrete-historical, analysis, synthesis.

Findings and their discussion. Representatives of the German People's Party (GPP) and the Social Democratic Party of Germany (SDPG) published a significant amount of research on the development of the legal system of the Weimar Republic in the early years of its existence. The statements and speeches of their representatives, made in the Reichstag, show a gradual transformation of legal views towards the creation of a constitutional state.

Conclusion. The approaches developed by representatives of the NPP and the SDPG formed the basis for the further development of legislation during the period not only of Weimar Germany, but also during the post-war construction.

Key words: Weimar Germany, Weimar Republic, SDPG, NNP, legal understanding, law-making, Görlitz Congress, constitution, legislation, controversy, Reichstag.

В июне 1920 г. было сформировано правительство К. Ференбаха [1, S. 382–383]. Социал-демократы в нем не приняли участия и были замещены министрами от Немецкой народной партии (что вызывает необходимость рассмотреть их программные документы более подробно). Однако это не стало постоянной практикой, потому что, как позже поняли лидеры немецких демократов и партии Центра, без участия социал-

демократов правительства 1920–1922 гг. были обречены на неудачу.

Оказавшись в оппозиции, СДПГ постаралась привлечь к себе внимание общественности внесением на рассмотрение рейхстага большого количества законопроектов, касавшихся улучшения социального, экономического и правового положения широких слоев общества. Это, в свою очередь, вызвало активное участие в реформировании социального законодательства со сто-

роны Центра и НДП. На развитие правотворческого процесса в Германии негативное влияние оказало объединение 20–24 сентября 1922 г. НСДПГ и СДПГ. Это привело к усилению в рядах социал-демократии левого крыла. Объединение способствовало еще большему расхождению во взглядах членов партийной коалиции на вопросы права и правовой культуры [2].

Глубокие изменения произошли и в правовых доктринах СДПГ и Центра. Например, став канцлером, Й. Вирт (Центр) выступил с лозунгом «враг находится справа» [3, с. 183]. Это привело к увеличению разногласий в партии и изменению направленности ее правотворческой деятельности в рейхстаге.

Цель работы – определить основные подходы законодателя, представленного политическими партиями Германии, к созданию правовой системы Веймарской республики.

Материал и методы. Данная статья написана на основании анализа стенографических протоколов рейхстага за 1919–1923 годы, публикаций немецких политических деятелей, издававшихся в указанное время. Методами исследования являются логический, конкретно-исторический, анализ, синтез.

Результаты и их обсуждение. В партийной полемике СДПГ конца 1919 – начала 1921 г. высказывались идеи о том, что старую программу необходимо либо откорректировать и сделать приближенной к новым политическим и правовым реалиям, либо принять новый программный документ, ориентирующий партию на властные структуры и работу в них. А. Браун, видный деятель СДПГ, занимавшийся вопросами работы профсоюзов, боровшихся совместно с социал-демократами за более активные социальные реформы, представитель правого крыла партии писал в своей статье «Пришло ли время для ревизии партийной программы?» следующее: «Задачей партийного съезда будет решить, пойдем ли мы теперь на создание партийной программы, или мы эту задачу должны отсрочить» (здесь и далее перевод выполнен нами. – П.Б., И.Ш.) [4, S. 4]. По его мнению, многое говорило в пользу каждой из этих двух точек зрения.

Правое крыло немецкой социал-демократии было полностью согласно с ним. Например, Э. Бернштейн высказывался относительно того, что новая программа должна носить в большей степени, чем Эрфуртская, конкретный характер. Как он отмечал, новый программный документ должен больше внимания обратить на те аспекты, которые в 1891 г. носили спекулятивный характер (начиная с вопросов построения республики и до проблем социализации экономики и права) [5, S. 24]. Нака-

нуне нового Гёрлицкого съезда партии, который должен был рассмотреть вопрос о новой программе, А. Браун предлагал: «Только два требования Эрфуртской программы не подлежат обсуждению, поскольку, пожалуй, господствует общее пожелание, что эти программные положения не следует менять. Это 3 и 4 требования рассматриваемой программы...» [5, S. 24–25].

Э. Бернштейн выделил круг вопросов, который следует обсудить на предстоящем съезде для того, чтобы разработать новый программный документ, где звучали бы прежде всего «вопросы немецкой конституции; вопросы демократии и политических прав; парламентаризм и политическая система советов; взаимоотношения профсоюзов и советов рабочих и служащих; социализация производства и торговли; финансовая и налоговая политика; земельная политика и котировка земли; правоведение (образование судебных органов и процесс в судах, основы гражданского и уголовного права); самоуправление; здравоохранение; образование и общая культурная политика; охрана труда; общественный порядок и служба безопасности; торговая политика; политика по национальному вопросу; внешняя политика; расовый вопрос; социалистический интернационал» [5, S. 29].

Доклады по отдельным вопросам программы для обсуждения в Гёрлице готовили наиболее влиятельные и представительные члены партии, известные своими печатными трудами, а также члены фракции социал-демократов в рейхстаге и видные функционеры в кабинете министров. Так, разработкой философских основ будущего программного документа СДПГ занимался К. Форлендер, известный своими работами «Кант и социализм» (1900), «Ранняя биография Канта» (1918). Свои взгляды он позже обобщил в исследованиях «Народная история философии» (1921), «Введение в философию» (1924), «История социалистической мысли» (1924). Рассматривая эволюцию идеологической платформы программы германской социал-демократии, берущей свое начало в работах Ф. Лассалья, К. Маркса, Ф. Энгельса, он отмечал необходимость сохранения в программных документах СДПГ тех требований, которые записаны в преамбуле Эрфуртской программы и которые «мы можем отнести к требованиям, касающимся также и вопросов права» [6, S. 10–11].

Члены правительственных кабинетов социал-демократов в составе Веймарской коалиции Р. Шмидт, Р. Виссель, Г. Граднауер, В. Кайль, Г. Мюллер детально изучали следующие программные вопросы: «Социализация» и «Построение организации для восприятия социальных и экономических интересов рабочих» (Р. Шмидт), «Будущая экономическая политика» (Р. Виссель),

«Защита и строительство демократии» (Г. Граднауэр), «Налоговый вопрос» (В. Кайль), «Страхование рабочих» (Г. Мюллер).

Р. Шмидт, бывший министр продовольствия в правительствах Ф. Шейдемана и Г. Бауэра и экономики в кабинетах В. Мюллера и Й. Вирта, плодотворно исследовал вопросы права и законотворчества. Он решительно выступал за поддержку положений Эрфуртской программы относительно права государства превратить частную капиталистическую собственность на средства производства в общественную. Кроме того, он отмечал серьезные, с его точки зрения, недостатки прежнего программного документа, а именно отсутствие требований о праве рабочих на 8-часовой рабочий день, на охрану их труда, на создание рабочих палат, государственной рабочей службы и фабричной инспекции. Р. Шмидт предлагал включить в программу партии следующее положение: «Контроль за всеми промышленными предприятиями, исследование и регулирование работ по найму в городе и на селе через государственную биржу труда, осуществляется биржами труда района и рабочими палатами» [7, S. 47].

В качестве примера, показывающего наилучший образец по охране труда, приводился законопроект социал-демократической фракции 1890 г. По нему низовую структуру органов по охране труда должны были образовывать назначаемые для отдельных районов палаты. Состав их должен был набираться из равного представительства рабочих и предпринимателей. Самая главная задача данных органов контроля заключалась бы в создании арбитражных судов, которые занимались бы улаживанием споров между рабочими и предпринимателями. Биржи труда должны были строиться по территориальному признаку и объединять в каждом округе от 200000 до 400000 жителей. Всю систему бирж труда должна была возглавить Государственная биржа труда с функциями контроля за предприятиями, биржами. Р. Шмидт отмечал, что, в принципе, данная идея закреплена в тексте Веймарской конституции [8, S. 124], однако существует необходимость ввести эти требования в программный документ СДПГ в виде следующего положения: «Производственные советы будут являться низшей формой рабочего самоуправления на уровне предприятий. На уровне областей будут создаваться окружные рабочие советы, объединяющиеся в экономические палаты. Высшим уровнем советов будет являться государственный совет экономики» [8, S. 127].

Р. Виссель, известный своей книгой «Экономическое самоуправление» (1919), изучавший вопросы торговли и экономической теории и посвятивший им в 1929 г. ряд своих работ,

занимал пост министра экономики в правительствах Ф. Шейдемана и Г. Бауэра. Он готовил тезисы выступления на съезде по теме «Будущая экономическая политика». В них он предлагал акцентировать внимание на следующих правовых проблемах немецкой экономики: плановая организация налогового законодательства, декларирование автономии экономики, принятие новых положений о налогах с наследства и налогах с имущества, передача частной собственности на средства производства в собственность органов, которые представляют общество. Путем к осуществлению данных целей ему виделось сотрудничество буржуазии и пролетариата в плано-организованной экономике [9, S. 59–60].

Г. Граднауэр, занимавший должность министра внутренних дел в правительстве Й. Вирта, опубликовавший свои работы «Конституция и конституционная борьба» (1909) и «Немецкое народное хозяйство» (1921), свои взгляды относительно защиты демократии в Германии основывал на том положении, что несчастья страны начались с того, что правящие классы во время войны отказывали народу «в проведении конституционной реформы и реформе избирательного права» [10, S. 61]. Он выступил апологетом Веймарской конституции, заявляя, что она является «самой демократической конституцией в мире, ... несет государственно-буржуазное равноправие не только рейху, но и гарантирует его также для всех земель и для общин» [10, S. 62]. Им указывались также такие достижения немецкой социал-демократии, как закрепление основных положений о народном суверенитете в законодательстве, деятельности правительства и органов государственного управления. В качестве основных достижений последних лет им отмечались отмена палат господ и «первых палат» (как органов власти в землях), выборов, основанных на классовом подходе, цензовых выборов; превращение ранее бессильного общенемецкого рейхстага в высшую отдельную ветвь власти; введение принципа равного и общего права выборов в рейхстаг; справедливое распределение избирательных округов; политическое равноправие женщин [10, S. 62].

Кроме того, Г. Граднауэр настаивал на активной пропагандистской работе против «демократических преобразований» в советской России. Он заявлял, что пагубная борьба немецких коммунистов и независимых социал-демократов против демократии, их путчистская политика уменьшили силу «удара» СДПГ в вопросе расширения демократии и совершенствования вопросов государственного права Германии, помогли реакции найти повод не проводить дальнейшие политико-правовые изменения в обществе.

Министр внутренних дел критиковал советский опыт по установлению диктатуры пролетариата, напоминая основное положение Эрфуртской программы о том, что социал-демократия борется против привилегий отдельного класса. Таким образом, он отвергал право немецких рабочих на установление своей диктатуры.

В. Кайль, министр юстиции во втором правительстве Й. Вирта, рассуждал о налоговом праве. По его мнению, формулировка 10-го пункта Эрфуртской программы отличалась неясностью. В ней говорилось о постепенном росте подоходного и общественного налогов, налога на наследство (в зависимости от степени родства), о ликвидации всех косвенных налогов, которые жертвуют общими интересами в интересах какого-либо предпочитаемого меньшинства. В. Кайль отмечал недостатки в позициях фракции СДПГ в 1906 и 1909 гг. по вопросам о финансовой реформе В. Штенглшена и Г. Бюлова. Социал-демократия не смогла тогда отстоять прогрессивный налог на наследство и введение детского и супружеского наследства. Причиной этому послужили разногласия в самой партии. Левые социал-демократы выступили с идеей, что предложения черно-голубого блока Г. Бюлова неприемлемы. Они высказались против введения данного прогрессивного налога на наследство, массового налога на предметы потребления и налогов на средства передвижения, поскольку, по их мнению, они были несправедливы и способствовали идеям милитаризма. Правые члены партии стояли на тех позициях, что отклонение прогрессивного налога на наследство будет противоречить данному пункту программы, потому что в таком случае интересы предпочитаемого меньшинства не будут соответствовать общественным целям [11, S. 110–111].

Эта дискуссия возобновилась на Веймарском съезде СДПГ. На съезде фракция социал-демократов в рейхстаге согласилась на «взнос сопротивления» и налог на владение [12, S. 104]. Резолюция съезда была довольно туманной и неясной. Принятая 336-ю голосами против 140, она гласила, что партия должна отклонить налоги на владение, которые служат предосудительной цели, если они принимались без ее голосов, и что она должна принять их в случае, если бы они, в результате отклонения, были заменены еще более неблагоприятными для рабочего класса налогами. Частично эта неясность, по мнению В. Кайля, устранялась положением о том, что «существующие косвенные налоги, обременяющие рабочий класс, необходимо упразднить и заменить прямыми, без учета того, с какими целями используются государственные налоги» [12, S. 105]. Этим «обходился» вопрос об их сборе с милитарист-

скими целями. Далее в резолюции указывалось, что представители социал-демократии должны голосовать за косвенные налоги, так как назначение прямых налогов является лишь возмещением косвенных. Данная политика была названа политикой наименьшего зла.

Поскольку новое государство, образованное после революции, требовало более глубокой разработки налогового права, В. Кайль предлагал ввести в новую программу следующие требования, касающиеся налогового законодательства: 1) обложение налогом, в первую очередь, ренты с капитала; 2) расширение подоходного налога согласно учету экономической жизнеспособности подлежащих обложению объектов; 3) замена налогов с дохода общим, постепенно растущим имущественным налогом с удержанием долгов, которые должны служить более строгому учету обоснованного дохода; 4) постепенно растущий налог с имущественного прироста, дополняющийся через обложение налогом того, что превосходит границы минимального потребительского дохода; 5) установление законной части наследства государства с наследства, которое превосходит одну минимальную сумму, постепенно поднимающуюся при понижении числа наследующих потомков (если нет в наличии близких кровных родственников) [11, S. 110–111].

Г. Мюллер, бывший глава правительства в 1920 г. и председатель партии в 1919–1927 гг., в своих работах выступал с идеей о том, что Эрфуртская программа вопрос о страховании рабочих трактовала весьма неопределенно: «...установить общее государственное страхование рабочих с участием рабочих в управлении» [13, S. 139]. Рассматривая историю СДПГ после съезда 1891 г., он отмечал, что полемика, проходившая на Мюнхенском съезде партии 1902 г. и на женских конференциях, не дала результата. Причиной этому было различие в точках зрения СДПГ и профсоюзов на социальное страхование. Профессиональные организации рабочих требовали унификации страхования и его распространения на всех рабочих. Современная система страхования, по его мнению, страдала основным недостатком – была «расщеплена» на отдельные ветви, когда независимо друг от друга работали различные носители страхования; круг охваченных страховой регистрацией людей все еще не был унифицирован; часть рабочих находилась в подчинении особых нормативных инструкций о страховании служащих. Г. Мюллер отметил, что статьи 161 и 163 Веймарской конституции [13, S. 140], касающиеся данного вопроса, порождают много новых неясностей и проблем. Например, должно ли страхование производиться при помощи взносов

страхуемого, или необходимо производить его за счет средств государства? «Государственный закон не видит разницы между убытками, которые возникают из-за длительного влияния вредных для здоровья обстоятельств или внезапной потери трудоспособности», – отмечал он [13, S. 139–140]. Это должно было привести к увеличению размера пенсий, выплачиваемых по инвалидности, а вместе с рожаящими женщинами предлагалось страховать и их детей [13, S. 139–140].

Член СДПГ А. Пфюльф готовила к съезду 1920 г. материалы по вопросу о правах женщин. Современное ей общество она характеризовала как общество «совершенных прав человека» [14, S. 76] и предложила заменить 5-й пункт программы 11-ю требованиями. А. Пфюльф утверждала, что в Версальском мирном договоре, наряду с негативными статьями, есть и положительно влияющие на права женщин в Германии. Так, 7-й пункт статьи 427 требовал равной зарплаты без различия пола за труд равной стоимости, а 9-й пункт – права участия женщин в службе надзора за обеспечением выполнения законов и инструкций по охране труда. Версальский договор, кроме этого, фиксировал защиту работниц, ограничение продолжительности рабочего времени, ночной работы, труда на вредном производстве, перерыв в работе до и после родов, необходимость проведения социальных реформ, которые вызвали бы разгрузку матерей и домашних хозяек. Естественным, с его точки зрения, для выполнения данных положений было бы включение женщин в законодательные органы власти и их право на деловое сотрудничество с мужчинами [14, S. 79–80].

Как она заявляла, основные требования, которые необходимо было бы зафиксировать в программе, были следующие: «равное право для женщин на жизнь через работу»; дальнейшая защита работниц при заботливом сотрудничестве с трудящимися женщинами. Матерям необходимо было предоставление права на декретный отпуск, который начинался бы за восемь недель до родов и заканчивался через два года. Предлагалось также признать материнство «буржуазно-государственной повинностью»; ввести государственные надбавки на детей; создать дома матери, которые будут содействовать матерям в воспитании внебрачных детей; разгрузить матерей безупречной работой детских садов; активно привлекать матерей, как компетентных лиц, при всех общественных мероприятиях, касающихся несовершеннолетних детей; преобразовать полицию в отдел санитарных мероприятий по борьбе с проституцией; провести все социально-гигиенические работы, которые противодействуют проституции; работать по сексуальному

воспитанию; «духовно освободить» домохозяек [14, S. 80].

В полемике приняли участие практически все члены партии. Их критике подверглись пункты 1, 2, 3, 5, 6 программы, касавшиеся норм государственного права, пункт 8, затрагивавший вопросы правосудия, и 10 – предусматривавший мероприятия по налоговому праву. Отдельное место в дискуссиях заняли вопросы, поднятые доктором С. Фюртом и П. Хиршем. Каждый из них ввел в круг обсуждаемых вопросов новую, по сравнению с Эрфуртской программой, тему: «Борьба с земельными спекуляциями» (С. Фюрт) и «Жилищный вопрос» (П. Хирш).

Предложения по борьбе с земельными спекуляциями сводились к тому, что она должна проходить в рамках общей работы партии по вопросу о социализации земли и ее недр. Таким образом, это будет более подробно регламентировать вопросы, связанные с земельным правом. Большая роль в данном процессе должна принадлежать налоговому законодательству, которое должно быть настолько разработанным и подробным, чтобы «трудно было найти покупателя, который пожелал бы платить больше цены преимущественной продажи» [15, S. 143–144]. Если бы этого удалось добиться, то земля «уже не окупалась бы у второго покупателя» [15, S. 143–144]. Этим, по мнению С. Фюрта, был бы решен вопрос о спекуляциях. Путь для достижения поставленной цели он предлагал следующий: ввести право преимущественной продажи земли, что подразумевало под собой преимущественное право государства и общин на продажу земли во всех видах сделок при установленной законом цене (исходя из количества лет владения ею) [15, S. 143–144]. Данное положение должно было, в первую очередь, отразиться на ипотечной собственности, когда земля не продается в прямом смысле слова, а является объектом кредитования и получения ренты в виде выплат договаривающихся сторон [15, S. 145–146].

Основной проблемой жилищного законодательства П. Хирш видел быстрый рост цен за наем квартир, что негативно отражалось на малоимущих слоях общества в условиях кризиса. Как заявлял он, чем выше квартирная плата, тем хуже и меньше почему-то площадь квартиры. Ими поглощалась все большая часть доходов квартиросъемщика. Все это порождало проблему дороговизны и переполненности квартир, невыполнение норм гигиены, что сказывалось на здоровье граждан. Государство должно, по мнению П. Хирша, взять на себя право создания льготных условий экспроприации земель, используемых для жилищного строительства, установления правил застройки, разработки законодательства по борьбе с зе-

мельными спекуляциями и инструкций о целевом использовании зданий. Для облегчения положения слабо защищенных законодательством слоев общества предлагалось детально разработать вопросы кредита, арендного права, образовать центральный орган власти, ответственный за решение всего квартирного вопроса [16, S. 146–147].

Вопрос о разработке нового программного документа СДПГ стоял на повестке дня двух партийных съездов. Первоначально О. Браун выступил на заседании 10 октября 1920 г. в Касселе [17, S. 187–197]. В своей речи он отметил, что новая «программа, к разработке которой официально приступает избранная с этой целью комиссия, должна быть принята еще и с целью выполнения ее правительством» [17, S. 187–197]. Им были названы основные тезисы, которые должны были быть включены в новую программу: борьба против любых партикуляристских прав земель, отрицание права церкви вмешиваться в государственные дела и государства в церковные, дальнейшее уравнивание в правах женщин и мужчин, социализация собственности на предприятия и средства производства и т.д. [17, S. 187–197].

В целом по вопросам права О. Брауном была высказана общая позиция всей программной комиссии, состоявшей из Э. Бернштейна, А. Пфюльфа, А. Брауна, Г. Кунова, Г. Граднауэра, В. Кайля, Г. Мюллера и Г. Молкенбура. Новая программа, как отмечает большинство исследователей, должна была помочь социал-демократии выйти из глубокого партийного кризиса, идеологически защитить СДПГ от влияния крайних левых организаций и помочь осуществить идеологический поворот от классового противостояния к классовому сотрудничеству. Программная комиссия ориентировалась на позицию Лондонского Интернационала, который в своем Гентском манифесте от 5 ноября 1920 г. выступил против прав «капиталистического рабства и за построение демократического социализма» [2, S. 103].

Первый проект новой программы СДПГ был опубликован 17 июня 1921 г. После этого началась дискуссия, завершившаяся принятием программы на съезде в Гёрлице [17, S. 101–106]. В ней уже уделялось больше внимания этическим вопросам. Так, например, марксистское понимание о необходимости социалистической революции заменялось идеей о «прогрессивных преобразованиях общей капиталистической экономики» [17, S. 101]. Отрицая классовую борьбу, заменяя ее «борьбой силы духа пролетариата, вооруженного всеми видами духовного оружия, всеми моральными возможностями» [17, S. 103], лидеры СДПГ ставили новые акценты не только в понимании правовых проблем Веймарской республики, но и

способов их решения. Так как данные положения были приняты большинством участников съезда, то можно заключить, что именно Гёрлицкая программа свидетельствовала об изменении самой правовой культуры рядовых членов и самой СДПГ по правовой проблематике. Социал-демократы отмежевались от принятия идеи о возможности применения любых радикальных средств для достижения своих целей и переходили к правотворческой деятельности в рамках существующих государственных институтов власти [17, S. 101–106].

Новой для немецкой социал-демократии стала и трактовка термина «народ». Теперь под ним подразумевались рабочие, служащие, крестьяне, учителя, интеллигенция, художники, адвокаты, чиновники, предприниматели, директора предприятий, собственники и иные слои населения [17, S. 101–106]. Главным для них было принятие идеи об «общественной нужде» рабочих. Данная трактовка термина помогала социал-демократам сделать требования программы приемлемыми для всего общества. Этим, с одной стороны, ликвидировались недостатки Эрфуртского документа, а с другой – иначе и не могла поступить партия, находящаяся у власти. Только так можно было сохранить коалицию с НДП и Центром, добиться победы на выборах в органы государственной власти.

Практическая работа партийных функционеров партии Центра в органах верховной и местной государственной власти в 1919–1921 годах привела к тому, что многие положения программы 1918 г. были выполнены. Изменившаяся экономическая, политическая, социальная, культурная ситуация в стране требовала принятия новой программы партии. На съезде партии в Берлине (15–17 января 1922 г.) был принят новый программный документ Центра [18, S. 54–66]. В преамбуле к программе указывалось, что требования, выдвигаемые в ней, выработаны не с корыстной целью – бороться за власть, а исключительно в интересах морали и развития права. Идеалом политики провозглашалась деятельность «истинных» христианских обществ. Именно «христианский взгляд», христианская идеология должны были составить базу для понимания и разрешения государственных проблем, выработки позиции партии во властных структурах в случае ее перехода в оппозицию. Признавалась только конституционная деятельность, и отрицалось любое насильственное свержение существующей власти. Довольно туманно отмечалась необходимость сохранить «государственную мысль» [18, S. 54].

В противовес либеральной интерпретации идеи о границах государственной власти выдвигался тезис о том, что она имеет своим пределом

естественное право и божественные законы; подчинению ей и исполнению государственного долга придавался исключительно моральный оттенок. Центр заявлял что это всего-навсего «требования совести» [18, S. 54–66]. Форма государственного устройства, с точки зрения партии Центра, должна была определяться народом и, соответственно, признавалась необходимость построения «народного государства» [18, S. 54–66]. Это должно было породить среди населения чувство ответственности за судьбы государства и развивать систему самоуправления и участия людей в общественных делах. Подобно социал-демократам Центром выдвигался лозунг о том, что недопустимо господство какого-нибудь класса или касты, неприемлемо ограничение правоспособности граждан по половому признаку. Выдвигалась идея о том, что государственное строительство в целом должно соответствовать «немецкому характеру» [18, S. 55].

Как и прежде, Центр выступил за солидарность всех слоев и профессий в духе «христианско-социального понимания жизни», с резкой критикой идеи классовой борьбы. На смену жесткому противостоянию слоев и сословий общества должны были прийти свободное товарищество, самопомощь, «профессиональное государство». Конечной целью экономики провозглашались человек и его «высшие жизненные задачи» [18, S. 54–66]. Из этого понимания направленности народного хозяйства вытекала идея о том, что человеческое достоинство и моральный характер труда не должны жертвоваться во имя чисто экономических целей. «Общее» должно было, по заявлению партии, приносить выгоду и «отдельному» [18, S. 54–66]. В связи с этим выдвигалась мысль о сохранении института и права частной собственности и расширения ее на все большее число граждан [18, S. 54–66].

Критерием при осуществлении всех социальных мероприятий со стороны государства определялась «христианская любовь» государственной власти к незащищенным слоям общества. Конституционные свободы (совести, деятельности, вероисповедания) должны были, по мнению партии, основываться на христианской религии. Государству и церкви необходимо было, в соответствии с преамбулой к программе, совместно взаимодействовать, не ущемляя друг друга в вопросах культурной политики, добиваясь защиты морали и нравственности населения, предоставления условий для нормального существования семьи, охраны материнства и создающих сил женщины в семье» [18, S. 54–66]. Как религиозная организация, Центр отрицал монополию государства в вопросах воспитания молодежи. Признавалась необходимость фиксации права церкви

на религиозно-моральное воспитание подрастающих поколений [18, S. 54–66].

Основная часть программы делилась на разделы: полезные дела, государственный порядок и управление, финансы и налоги, экономика и труд, общее народное благо и культура, которые соответствовали правовым декларациям, изложенным во введении к программе [18, S. 54–66].

Немецкая народная партия (ННП) была создана в 1918 году [19, S. 413]. Первый ее съезд, на котором проходило обсуждение и принятие программного документа, состоялся 13 апреля 1919 г. [19, S. 413]. До этого времени лидеры партии были согласны с большинством идей, разработанных идеологами Немецкой демократической партии – Г. Прейсом, М. Вебером и др. Окончательный текст программного документа ННП, утвержденного на съезде в Лейпциге 19 октября 1919 г., состоял из двух частей: «Основы государства» и «О народном хозяйстве» [17, S. 117–125].

Первая часть программы определяла основные требования партии в области государственного права. Для нее характерна некоторая запутанность – общие фразы, составленные в несколько туманной форме, выражающие приверженность партии принципам монархизма и консервативной традиции. Например, выступая в первом пункте за равноправие всех граждан, программный документ ННП делал оговорку о том, что партия будет следить за тем, чтобы весь народ твердо следовал линии избранного им вождя. Это следование должно было быть оформлено в виде «доверчивого послушания» [18, S. 30–37].

Партия выступила также с требованиями возрождения империи. При этом она отмечала, что данное возрождение должно произойти любым способом [18, S. 30–31]. Следует отметить, что в то время за вероятное восстановление империи выступали также некоторые правые лидеры Центра. Правда, они говорили о том, что оно не может произойти насильственными методами. По данному вопросу ННП и Центр были серьезными политическими оппонентами. Первая из них выступала (до своего вхождения в правительство К. Ференбаха) с позиций и методов, входящих в понятие правового нигилизма. Вторая же партия высказывалась (в 1919–1920 гг.) за неукоснительное следование идее демократии и верховенства права.

Кайзер и его широкая правоспособность, по мнению Немецкой народной партии, должны были служить символами немецкого государства, поддерживать связь с исторической немецкой традицией. Поэтому ННП выступила с идеей их восстановления. Широко популярным во время и после Ноябрьской революции идеям федерализма Немецкая народная партия противопоста-

вила лозунги создания унитарного государства и сопротивления любой попытке раздела Пруссии. Для того, чтобы сгладить назревающий конфликт со сторонниками широкого федерализма, в программу были включены положения о праве провинций на широкое самоуправление. Одновременно выдвигалась туманная идея о гарантии своеобразия всем немецким землям. Эти земли, судя по программе, должны быть «гармонично» включены в империю, с необходимостью соблюдения их особенностей исторического, культурного и экономического развития. Одновременно делалась ссылка на то, что пока в Германии (на 1919 год) эта тенденция не соблюдается. Вероятно, речь шла о праве широкой культурной и экономической автономии земель и их правительств от центральной власти [18, S. 30–31].

Администрация и законодательство, рассматривавшиеся в четвертом пункте программного документа ННП, также показаны несколько расплывчато и вызывают разночтения у исследователей. Речь шла о праве административных органов рейха на «значительную автономность единых органов власти» [18, S. 32]. Все ступени «общественного содружества», также как и взаимоотношения между землями, должны были иметь четкую правовую защиту и широкое самоуправление. Гарантом этой защиты, судя по всему, должна была выступать администрация рейха. «Сотрудничество», которое неизбежно возникает из повседневной практической работы административных органов власти, названных в документе «административными операциями», признавалось почетной обязанностью [18, S. 32]. Ему, таким образом, придавался императивный характер. Вероятно, данным положением партия пыталась заставить отдельные земли вступать в субъектно-объектные правоотношения в будущем, не допуская распада установившихся между ними связей и целостности государства [18, S. 32].

Прогрессивные идеи об отделении судебной власти от администрации и независимости судей также нашли свое закрепление в программе. ННП выдвинула требование о замене принципа назначения судей проведением их выборов. Одновременно выдвигался лозунг упрощения, удешевления и ускорения судопроизводства [18, S. 32]. Законы должны были получать общепонятную формулировку. Данное положение выдвигалось в противовес практике, сложившейся еще в XIX веке, когда Гражданское и Уголовное уложения Германской империи изобиловали отсылочными нормами, запутанностью формулировок и трудностью в их интерпретации и комментировании.

Партия выступила также против специальных судов [18, S. 32]. Дело в том, что на территории

Германии еще продолжали действовать остатки феодального права (в первой половине 1919 года), разделявшие суды по сословиям. Таким образом, принцип сословности «судов равных» отменялся в пользу демократической идеи равенства всех перед судом и перед законом, введения общего судебного строя для всего государства [18, S. 32].

Международное право и его нормы ННП призывала признавать лишь в той мере, в которой «оно способствует сохранению достойного внимания, свободы, национального и экономического развития немецкого народа в мировом сообществе» (пункт 2) [18, S. 31]. Немецкая народная партия в своей программе, принятой 19 октября 1919 года, уделяла данным проблемам заметное место в статьях 2, 6 и 8. Ее требования, в принципе, соответствовали основным положениям остальных правящих партий. ННП выступала за равноправие немецкого народа «в кругу других народов», объединение всех немцев, насильно оторванных от Германии, свободное развитие немецкого народа и немецкой семьи, защиту прав немецкого меньшинства, проживающего за границей. Вместе с тем, как и НДП, ННП почти не уделяла внимания вопросу о применении в Германии международного законодательства в социальной, гражданской сферах [18, S. 31].

Выступая сторонницей мира и мирного урегулирования, ННП высказывалась за то, что это не скоротечный процесс, поскольку «враги растоптали честь немцев». Одновременно (во втором пункте программы) четко звучали аннексионистские претензии [18, S. 31].

По вопросам «народничества и семьи» ННП требовала введения прежнего немецкого законодательства и правовой культуры в противовес новым требованиям международного права [19, S. 433–434]. В качестве обоснования данного требования высказывалось недовольство партии в связи с тем, что немцы постоянно испытывают на себе притеснение от своих «врагов», их ненависть и клевету. Таким образом, нормы международного права рассматривались ею как стремление уничтожить самобытность исконной немецкой правовой культуры в пользу космополитизма, чужеродного правопонимания и правосознания [18, S. 33–34].

ННП также резко отрицательно относилась к идее ограничения прав собственников в пользу низших слоев общества. Она критиковала сами попытки введения коллективных договоров и рабочего законодательства, не считая профсоюзы субъектами правоотношений [18, S. 37–40]. Лидеры Немецкой народной партии выступали за применение к профессиональным союзам статьи 43 Гражданского уложения [18, S. 37–40]. В соответствии с ней предусматривалась возможность за-

претить деятельность общественных объединений в связи с угрозой общественным интересам.

Кроме этого, ННП выступала против признания рабочих союзов правоспособными обществами. Исходя из параграфов Уложения № 21 и 22, юридическим лицом могло стать только такое объединение, которое соответствует всем необходимым законодательным нормам. Оно должно было получить правоспособность только после выполнения определенных процедур – регистрации и внесения в судебный реестр – или получить разрешение автономии по месту образования. Согласно параграфу 54 данные союзы были юридически признаны, но не имели статуса юридического лица, так как не соответствовали, по мнению законодателей, всем этим юридическим требованиям. Это приводило к ограничению правоспособности данных организаций – они могли выступать в судах в качестве сторон; заключать договоры от имени такого общества. Иные права не были предусмотрены имперским законодательством. Попытки СДПГ и Центра расширить права и дееспособность профсоюзов сталкивались с серьезным сопротивлением.

Политические лидеры ННП стремились отстаивать свои взгляды в полемической литературе. Например, видный деятель Немецкой народной партии В. Кайль полемизировал по вопросам конституционного права со своими оппонентами из СДПГ, Центра и правовым опытом Советской России в том смысле, что парламентская система обозначает зависимость правительства и его курса от воли народного представительства в лице парламента. Защищая данное положение, он противопоставлял свою позицию взглядам большевиков и В.И. Ленина. Это, по его мнению, должно привести к ситуации, когда правительство будет носителем народной власти, а народное представительство получит только право участия в выборе государственной власти. Таким образом, парламентская демократия не может считаться формой демократической республики. В качестве идеального примера приводилась Англия, где все основывалось на традиционном монархическом принципе. Поэтому он предлагал больше обращать внимание на проблему разделения компетенции между парламентом и главой государства, критиковал статьи 25 и 41 Веймарской конституции, ограничивающие власть президента, предлагая усилить ее, включая полномочия главы государства.

Большое возражение с его стороны вызвала идея зависимости президента от парламентского большинства рейхстага. В. Кайль предлагал применять к Германии опыт США. Поскольку

американский президент имеет равное и независимое положение по отношению к сенату и палате представителей, это могло бы стать образцом для уточнения функций и компетенции властей в Веймарской республике. Он лично должен иметь право назначать государственных секретарей без одобрения парламента, давать им инструкции. Самым большим недостатком в правовом положении немецкого государства называлась необходимость для него считаться с доверием парламента правительству, в силу чего он, по мнению В. Кайля, вынужден ежегодно искать себе министров, что приводит к «чехарде кабинетов» [20, С. 103].

Свое отношение к мирному договору В. Кайль выразил тем, что заявил о невозможности его подписания ни в коем случае. Лидер партии критиковал позицию социал-демократов Е. Шиффера, Г. Гаазе и др., заявлявших что Германия вынуждена подписать мир. Им указывалось средство давления на страны Антанты – пассивное сопротивление. Вину страны за развязывание мировой войны в своих речах он превращал в вину социал-демократов и рабочего движения в разрушении рейха, потери им собственной государственной силы и международного положения [20, С. 115].

Заключение. Таким образом, можно подытожить, что в феврале 1922 г. в ННП прошла внутривнутрипартийная дискуссия по вопросу о категориях либерализма и демократии. Во время споров выделились сторонники трех идеолого-правовых доктрин – классического либерализма, социального либерализма и буржуазной демократии. Т. Хейс, Ф. Мейнеке, Л. Бергштрассер, В. Гётц (ведущие теоретики партии в 1922 г.) выступили за жесткую борьбу с коммунизмом и стали на сторону идеи некоторого ущемления демократических прав и свобод общества для наведения порядка и дисциплины, необходимых для дальнейшего развития страны. Они были сторонниками применения чрезвычайного законодательства, поднимали вопрос о правомочиях и компетенции органов государственной власти. Ими поддерживались идеи о господстве в обществе промышленной элиты и фюрера, избранного народом.

Данная группа, набирая к концу года все большую силу, обратилась к опыту О. Бисмарка. Они признавали его революционером, защитившим немецкую демократию, и образцовым деятелем по проведению государственных реформ. В правовой сфере ими пропагандировались позитивизм и позитивное правопонимание. Следовательно, отрицалось создание любых правовых доктрин и идейно-политических программ.

Литература

1. Benz, W. Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik / W. Benz, H. Graml. – München: C.H. Beck, 1988. – 392 S.
2. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1917 bis 1945 / Autoren kollektiv unter Leining von H. Nemann. – Berlin: Dietz Verlag, 1982. – 555 S.
3. Ходорковский, Л.Д. Католицизм и рабочий класс Германии 1871–1933 / Л.Д. Ходорковский. – М.: Наука, 1978. – 333 с.
4. Braun, A. Ist die Zeit für die Revision des Parteiprogramms gegeben? / A. Braun // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 3–10.
5. Albrecht, W. Eduard David / W. Albrecht // Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik / C.H. Beck. – München: Benz-Graml, 1932. – 58 S.
6. Vorländer, K. Zu den philosophischen Grundlagen unseres Parteiprogramms / K. Vorländer // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 10–17.
7. Schmidt, R. Die Sozialisierung / R. Schmidt // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 47–52.
8. Schmidt, R. Der Aufbau der Organisation zur Wahrnehmung der sozialen und wirtschaftlichen Interessen der Arbeiter / R. Schmidt // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 124–127.
9. Wissel, R. Die nächste Wirtschaftspolitik / R. Wissel // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 52–60.
10. Gradnauer, G. Sicherung und Ausbau der Demokratie / G. Gradnauer // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 61–75.
11. Gradnauer, G. Die Steuerfrage / G. Gradnauer // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 108–111.
12. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919. – Berlin: Verlag Buchhandl. Vorwärts, 1919. – 531 S.
13. Müller, H. Die Arbeiterversicherung / H. Müller // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 139–143.
14. Pfülf, A. Die Frauenfrage / A. Pfülf // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 76–80.
15. Das Kabinett Fehrenbach: 25. Juni 1920 bis 4. Mai 1921 / Bearb. von G. Abramovski. – Boppard am Rhein: Boldt, 1972. – 720 S.
16. Hirsch, P. Die Wohnungsfrage / P. Hirsch // Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. – Berlin: Buchhandlung Vorwärts, 1920. – S. 146–156.
17. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands abgehalten in Kassel am 9. und 10. Oktober 1920. – Berlin: Verlag Buchhandl. Vorwärts, 1921. – 419 S.
18. Deutsche Parteiprogramme / Herausgegeben von W. Mommsen. – München: Isar Verlag, 1960. – 807 S.
19. Deutsche Volkspartei (DVP) 1918–1933 // Lexikon zur Parteiengeschichte. Die bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien und Verbände in Deutschland (1789–1945): in 4 Bd. – Köln: Henken, 1983. – Bd. 2. – S. 413–439.
20. Kahl, W. Grundfragen der Verfassung / W. Kahl // Deutscher Aufbau Nationalliberale Arbeit der Deutschen Volkspartei / Herausgeber: U. Kempkes. – Berlin: Staatspolitischer Verlag G.m.b.H., 1927. – 381 S.

Поступила в редакцию 25.01.2022

Понятие и виды гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ

Гуминский М.Н.

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что имеющиеся в юридической науке подходы к определению гарантий имеют различную трактовку. Кроме того, не изученными остаются вопросы понятия и сущности, а также видов гарантий в области противодействия незаконному обороту наркотиков. Объектом исследования явились общественные отношения, связанные с установлением и нормативным закреплением гарантий как значимого элемента в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Цель статьи – определить сущность понятия «гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков» и охарактеризовать их основные виды.

Материал и методы. Материалом для настоящего исследования послужили научные публикации в области административного права, предметом изучения которых стали административно-правовые средства борьбы с незаконным наркооборотом. В качестве методов были использованы индукция, дедукция, анализ, синтез, формально-юридический, метод толкования права.

Результаты и их обсуждение. В публикации рассматриваются вопросы, связанные с определением сущности понятия «гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков». Автором предлагается классификация указанных гарантий в зависимости от различных критериев.

Результаты исследования внедрены в деятельность криминальной милиции УВД Витебского облисполкома, а также главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции МВД Республики Беларусь.

Заключение. Сущность гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков состоит в создании условий для выполнения государством всех установленных законодательством обязательств в области создания и обеспечения правопорядка, ненарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ всеми субъектами указанной деятельности, в обеспечении защиты прав и свобод физических и юридических лиц от действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков имеют свой специфический объект гарантирования, который составляет совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере как правил оборота наркотиков, так и привлечения к ответственности лиц, виновных за нарушение установленных правил.

Ключевые слова: гарантии, противодействие, незаконный оборот наркотиков, виды гарантий.

The Concept and Types of Guarantees in the Field of Counteraction to Illegal Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances

Huminski M.N.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

The relevance of the research topic is due to the fact that the approaches to the definition of guarantees available in legal science have different interpretations. In addition, the questions of the concept and essence, as well as types of guarantees in the field of combating drug trafficking, remain unexplored. The object of the study is public relations related to the establishment and normative consolidation of guarantees as a significant element in the field of combating drug trafficking.

The purpose of the article is to define the essence of the concept of “guarantees in the field of combating drug trafficking” and to characterize their main types.

Material and methods. The material basis for this study was scientific publications in the scientific discipline of administrative law, the subject of which was the administrative and legal means of combating illegal drug trafficking. The following research methods were used: deduction, induction, analysis, synthesis, method of interpretation of law, method of formal legal analysis.

Findings and their discussion. The article deals with issues related to the definition of the essence of the concept of “guarantees in the field of combating drug trafficking”. The author proposes a classification of these guarantees depending on various criteria.

The results of the study were introduced into the activities of the criminal police of the Internal Affairs Directorate of the Vitebsk Regional Executive Committee, as well as the main department for drug control and combating human trafficking of the criminal police of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

Conclusion. The essence of guarantees in the field of combating drug trafficking is to create conditions for the state to fulfill all obligations established by law in the field of creating and maintaining law and order, non-violation of the rules for the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances by all subjects of this activity, in ensuring the protection of the rights and freedoms of individuals and legal entities from activities related to drug trafficking. Guarantees in the field of combating drug trafficking have their own specific guarantee object, which is a set of social relations that develop in the field of drug trafficking rules, as well as in the field of bringing to justice those guilty of violating established rules.

Key words: guarantees, counteraction, drug trafficking, types of guarantees.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что имеющиеся в юридической науке подходы к определению гарантий имеют различную трактовку. Кроме того, не изученными остаются вопросы понятия и сущности, а также видов гарантий в области противодействия незаконному обороту наркотиков. Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с установлением и нормативным закреплением гарантий как значимого элемента в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Цель статьи – определить сущность понятия «гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков» и охарактеризовать их основные виды.

Материал и методы. Материалом для настоящего исследования явились научные публикации в области административного права, предметом изучения которых стали административно-правовые средства борьбы с незаконным наркооборотом. В качестве методов были использованы индукция, дедукция, анализ, синтез, формально-юридический, метод толкования права.

Результаты и их обсуждение. Гарантии как правовой институт, их сущность, виды, значение становились предметом исследования ряда ученых, таких как Н.В. Витрук [1], К.Б. Толкачев, А.Г. Хабибуллин [2], А.С. Мордовец [3], А.В. Лошкарев [4] и др.

Термин «гарантии» в ряде юридических наук имеет значение определенной системы социально-экономических, правовых, материальных, организационных условий, способов, средств, с помощью которых обеспечивается определенный объект гарантирования. В узком значении под гарантиями необходимо подразумевать всю систему условий, обеспечивающих должное развитие определенной группы отношений (объекта гарантирования). Так, по мнению А.С. Мордовца, «под гарантиями понимается система социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных причин и условий, целью которых является создание равных возможностей для осуществления определенной деятельности» [3, с. 168].

Согласно подходу А.В. Лошкарева, гарантии представляют собой совокупность условий и средств, выраженных в нормативных предписаниях, реализация которых может обеспечить или обеспечивает возможность достижения опре-

деленной цели [4, с. 221]. На наш взгляд, сильная сторона данного определения заключается в постановке акцента на нормативном предписании гарантий, в связи с чем реализуется нормативная функция государства по созданию правовых норм.

Систему любых элементов важно исследовать, обращаясь к истолкованию самой сущности данного понятия. Так, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под системой понимается: 1) определенный порядок в расположении и связи частей чего-н., в действиях; 2) форма организации чего-н.; 3) нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей [5, с. 1060].

Сущность гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков состоит в создании условий для выполнения государством всех установленных законодательством обязательств в области обеспечения правопорядка, ненарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ всеми субъектами указанной деятельности, в обеспечении защиты прав и свобод физических и юридических лиц от действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков имеют свой специфический объект гарантирования, который составляет совокупность общественных отношений, складывающихся в области оборота наркотиков, а также привлечения к ответственности лиц, виновных за нарушение установленных правил. Гарантом в данном случае выступает именно государство, а, следовательно, все гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков относятся к виду государственных гарантий.

Под государственными гарантиями понимаются определенные установленные законодательством обязательства государства перед гражданами или юридическими лицами, предполагающие предоставление комплекса материальных и (или) нематериальных благ. Главное функциональное назначение любых гарантий заключается в обеспечении точного исполнения со стороны государства всех своих обязательств в определенной сфере.

Считаем, что государственные гарантии как один из элементов противодействия незаконному обороту наркотиков можно рассматривать как комплекс обязательств перед обществом в целом. В данном случае необходимо вести

речь о конкретных мерах государственного воздействия на незаконный оборот наркотиков. Так, Закон Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (далее – Закон) выделяет ряд таких направлений деятельности государства:

1) Проведение государственной политики в сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов, профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ, аналогов.

2) Координация деятельности в сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов, профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ, аналогов.

3) Государственный контроль (надзор) за оборотом наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов.

4) Финансирование мероприятий в сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов, профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ, аналогов.

5) Установление ответственности за нарушение законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и аналогах [6].

Проведение государственной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков основывается на разработке ряда направлений в области внутренней и внешней политики, которые отражаются в ряде программных документов, а также в иных нормативных правовых актах, направленных на регулирование отношений в данной сфере. К числу последних программных документов в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров относится Информационная стратегия по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020–2025 годы, которая разработана в соответствии с пунктом 14 Комплексного плана мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, на 2019–2020 годы, утвержденного заместителем Премьер-министра Республики Беларусь 21.03.2019.

В частности, координация деятельности в сфере оборота и противодействия незаконному

обороту наркотиков реализуется посредством проведения ряда совместных совещаний правоохранительных органов, а также путем создания специализированных межведомственных органов и организаций. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 644 «Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией» создано координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией, которое является постоянно действующим межведомственным органом по координации правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, распространению наркомании и борьбу с коррупцией, и деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией, а также деятельности субъектов профилактики правонарушений в сфере профилактики правонарушений.

Относительно государственного контроля в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков в ст. 7 Закона определены следующие субъекты, выполняющие данную функцию: Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь и иные государственные органы в пределах их компетенции. При этом функцию надзора за соблюдением законодательства в сфере установления и соблюдения правил оборота наркотиков выполняет Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры.

В положительном аспекте отметим установление в Законе возможности финансирования мероприятий в сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотиков за счет средств республиканского или местного бюджета. Реализация данного направления позволяет решать социально значимую задачу, а также привлекать субъектов гражданского общества в процесс участия в таких мероприятиях.

Значение термина «обеспечить» согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова имеет несколько значений: 1) предоставить достаточные материальные средства к жизни; 2) снабдить чем-н. в нужном количестве; 3) сделать вполне возможным, действительным, несомненным; 4) оградить, охранить [5, с. 641].

В науке теории права имеются иные подходы к раскрытию сущности процесса обеспечения. К примеру, по мнению Н.В. Витрука, под обеспечением понимается система гарантирования для определенного объекта, т.е. вся система общих и специальных условий, обеспечивающих правомерную реализацию либо охрану общественных отношений от посягательств различного рода [1]. На наш взгляд, в данной трактовке отмечается смешение понятий «гарантии» и «обеспечение», поскольку первое раскрывается посредством второго. Такая позиция является не совсем верной, поскольку обеспечение является одной из характеристик гарантий как определенной системы условий.

Согласно подходу К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибуллина, обеспечение рассматривается сугубо в качестве «деятельности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан, связанной с осуществлением определенных функций (полномочий) для создания условий по правомерной реализации определенных общественных отношений» [2, с. 41]. Позиция К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибуллина в целом основана на признании сущности обеспечения через деятельность государственных и негосударственных институтов. Считаю, что для узкого понимания дефиниции «обеспечение» данный подход является оправданным.

Следовательно, под термином «обеспечение» как важнейшей характеристикой процесса гарантирования понимается установление специально уполномоченными государственными органами и должностными лицами условий и средств для охраны общественных отношений, а также защита данных отношений всеми уполномоченными субъектами.

Гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков представлены на нескольких уровнях правового регулирования, в связи с чем возможна их классификация на следующие группы:

- 1) международные гарантии;
- 2) конституционные гарантии;
- 3) гарантии, установленные на уровне специальных нормативных правовых актов, регулирующих порядок противодействия незаконному обороту наркотиков.

Международные гарантии находят свое отражение в нормах и принципах международного и интеграционного права. В частности, Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров от 30 ноября 2000 года устанавливает коллективную обязанность для государств-членов принимать меры,

связанные с недопущением нарушения правил оборота наркотиков. Схожие нормы содержатся в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом о поправках к Единой конвенции о наркотических веществах 1961 года и др. Главная задача национального законодателя – обеспечить соответствие международным стандартам в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков законодательства на уровне государства.

Конституционные гарантии – это совокупность гарантий в области противодействия незаконному обороту наркотиков, установленных на уровне Основного закона государства. К примеру, в ч. 3 ст. 1 Конституции Республики Беларусь установлена обязанность государства по обеспечению законности и правопорядка. В ст. 2 Конституции определено правило о признании человека, его прав, свобод в качестве высшей ценности для общества и государства. Ряд иных конституционных норм также устанавливает для государства определенные обязательства в указанной сфере. Гарантии данной группы являются фундаментом для построения всей системы специального законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Специальные гарантии представляют собой конкретные нормы и правила, регламентирующие полномочия сотрудников, осуществляющих деятельность в области противодействия незаконному обороту наркотиков, определяющие гарантии для таких сотрудников в социальной сфере, в оплате труда и др. Отдельного внимания заслуживают нормы правоохранительного законодательства, устанавливающего ответственность за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ. К таким нормативным правовым актам относятся Закон Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и др.

В зависимости от направленности субъекта гарантии в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков можно классифицировать на следующие группы:

1. Направленность непосредственно на лицо, находящееся в наркотической зависимости. Согласно подходу Т.А. Новиковой, государственные гарантии, представленные в законодательстве как система юридических и организационных средств и способов, есть совокупность обязательных условий, при которых лицо захочет и смо-

жет освободиться от наркотической зависимости [7]. При этом автор акцентирует внимание на двух механизмах гарантий в отношении личности – реабилитации и ресоциализации.

2. Гарантии государства перед обществом. В данном случае необходимо вести речь о конкретных мерах государственного воздействия на незаконный оборот наркотиков.

Гарантии в сфере незаконного оборота наркотиков необходимо разделить на следующие группы:

- 1) правовые;
- 2) организационные;
- 3) материальные (социально-экономические).

Правовые гарантии представляют собой совокупность норм права, в которых устанавливаются правила оборота наркотических средств, определяется круг государственных органов и должностных лиц, уполномоченных принимать меры, направленные на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, а также регламентируются конкретные обязательства государства по соблюдению правил оборота наркотиков.

Организационные гарантии понимаются как совокупность государственных и негосударственных институтов, осуществляющих деятельность, направленную на предотвращение незаконного оборота наркотиков, а также осуществляющих борьбу с данным негативным явлением для государства и общества в целом.

Материальные, или социально-экономические, гарантии – это совокупность предусмотренных на уровне законодательства материальных благ, способствующих реализации уполномоченными государственными органами своих полномочий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. В данную группу гарантий включаются стабильность и эффективность работы государственного аппарата, финансовая и денежная поддержка, своевременная выплата заработной платы сотрудникам, финансирование мероприятий, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков и др.

Заключение. В статье сделана попытка определить сущность гарантий в области противодействия незаконному обороту наркотиков. Осуществлена классификация гарантий, осно-

вываясь на подходах и концепциях ведущих исследователей, в сферу интереса изучения которых входит рассматриваемое проблемное поле. Кроме того, проанализировано действующее законодательство, в том числе Республики Беларусь, в котором отражены эти гарантии.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что сущность гарантий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков состоит в создании условий для выполнения государством всех установленных законодательством обязательств в области создания и обеспечения правопорядка, ненарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ всеми субъектами указанной деятельности, в обеспечении защиты прав и свобод физических и юридических лиц от действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Гарантии в области противодействия незаконному обороту наркотиков имеют свой специфический объект гарантирования, который составляет совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере как правил оборота наркотиков, так и привлечения к ответственности лиц, виновных за нарушение установленных правил.

Литература

1. Витрук, Н.В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан / Н.В. Витрук // Конституционный статус личности в СССР. – М.: Наука, 1980. – С. 195–209.
2. Толкачев, К.Б. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан / К.Б. Толкачев, А.Г. Хабибуллин. – Уфа: Уфим. высш. шк. МВД РСФСР, 1991. – 168 с.
3. Мордовец, А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А.С. Мордовец; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Саратов. высш. шк. МВД, 1996. – 223 с.
4. Лошкарев, А.В. Правовые гарантии и правовые стимулы / А.В. Лошкарев // Право и политика. – 2008. – № 9. – С. 221–224.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во «Мир и образование», 2013. – 1360 с.
6. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 408-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
7. Новикова, Т.А. К вопросу об определении административно-правового механизма воздействия на потребителей наркотиков и его элементов / Т.А. Новикова // Бизнес в законе. – 2014. – № 2. – С. 274–279.

Поступила в редакцию 17.01.2022

Социальный контроль: сущность, назначение, взаимодействие с правом

Янч В.В., Любченко О.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена исследованию возможностей социального контроля как инструмента, позволяющего поддерживать социальный порядок и согласие в обществе. Авторы показывают, что право как элемент системы социального контроля обладает огромным охранительным и регулятивным потенциалом. В то же время обращается внимание на недопустимость произвольного и необоснованного расширения сферы социального контроля под предлогом повышения уровня общественной безопасности и применения превентивных мер, так как это может приводить к нарушениям законных прав и интересов граждан, в особенности представителей уязвимых групп населения.

Цель статьи – выявить сущность социального контроля и определить риски, связанные с его осуществлением в отношении уязвимых категорий населения.

Материал и методы. Исследование основано на анализе статистических данных и научных концепций, раскрывающих сущность социального контроля в условиях трансформирующегося общества. Использованы такие методы научного познания, как статистический, диалектический, исторический, логический, сравнительного правоведения, анализ и синтез, индукция и дедукция.

Результаты и их обсуждение. Социальный контроль в статье определяется как совокупность субъектов и механизмов, которые через разнообразные модели давления оказывают воздействие на общество с целью поддержания социального порядка и сплоченности. Социальный контроль реализуется через систему разнообразных официальных и неофициальных, мягких и жестких агентов влияния. Особое место в системе социального контроля принадлежит праву с его мощным принудительным потенциалом. В современных условиях одним из приоритетных направлений деятельности государства является укрепление общественной безопасности. Реализация этой деятельности, в частности, направлена на вовлечение в систему социального контроля категорий населения, представляющих группу риска (безработные; бездомные; нелегальные мигранты; лица, ведущие асоциальный образ жизни, и т.п.). В работе с указанными категориями населения важно не допускать неправомерного ограничения прав и свобод людей лишь на основании их социального статуса. Следует учитывать индивидуальную жизненную траекторию каждого лица, социальное положение и поведение которого вызывают озабоченность общества.

Заключение. Социальный контроль направлен на коррекцию или пресечение девиантных форм поведения с целью создания условий для устойчивого развития общества. Официальные и неофициальные институты и агенты социального контроля в своей работе стремятся устранить просчеты, допущенные в процессе социализации личности. При этом важно, чтобы сами институты и агенты, осуществляющие профилактическую, превентивную и правоприменительную деятельность, не оставались вне сферы социального контроля с целью недопущения нарушения законных прав и интересов граждан.

Ключевые слова: государство, право, социальный контроль, социальный статус, социализация, «жесткий» и «мягкий» контроль, девиантное поведение, делинквентное поведение.

Social Control: Essence, Purpose, Interaction with Law

Yanch V.V., Liubchenko O.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article deals with the study of the possibilities of social control as a tool to maintain social order and harmony in society. The author shows that law, as an element of the system of social control, has a huge protective and regulatory potential. At the same time, attention is drawn to the inadmissibility of arbitrary and unreasonable expansion of the scope of social control under the pretext of increasing the level of public security and the application of preventive measures, as this can lead to violations of the legitimate rights and interests of citizens, especially representatives of vulnerable groups of the population.

The purpose of the study is to identify the essence of social control and determine the risks associated with its implementation in relation to vulnerable groups of the population.

Material and methods. The research is based on the analysis of statistical data and scientific concepts revealing the essence of social control in the conditions of transforming society. Such methods of scientific knowledge as statistical, dialectical, historical, logical, comparative law, analysis and synthesis, induction and deduction were used.

Findings and their discussion. Social control is defined in the article as a set of subjects and mechanisms that through a variety of models of pressure influence society to maintain social order and cohesion. Social control is implemented through a system of various formal and informal, soft and hard agents of influence. A special place in the system of social control belongs to law with its powerful coercive potential. In modern conditions one of the priority directions of activity of the state is to strengthen public security. The implementation of this activity, in particular, is aimed at involving in the system of social control the categories of the population that represent a risk group (the unemployed, the homeless, illegal migrants, persons leading an asocial way of life, etc.). When working with the above categories of the population it is important not to allow unlawful restriction of the rights and freedoms of people only on the basis of their social status. The individual trajectory of each person whose social status and behavior are of concern to society should be taken into account.

Conclusion. Social control is aimed at correcting or suppressing deviant forms of behavior in order to create conditions for the sustainable development of society. Official and unofficial institutions and agents of social control in their work seek to eliminate blunders made in the process of socialization of an individual. At the same time, it is important that the very institutions and agents carrying out preventive and law enforcement activities are not left outside the sphere of social control in order to prevent violations of the legitimate rights and interests of citizens.

Key words: state, law, social control, social status, socialization, “strict” and “soft” control, deviant behavior, delinquent behavior.

Проблема социального контроля стала объектом пристального научного интереса в середине XX века благодаря получившей развитие в США юридической социологии. Один из ее представителей Роско Паунд утверждал, что социальный контроль по своей сути преследует две цели. С одной стороны, он не должен препятствовать развитию индивидуальной инициативы, стихийному самоутверждению индивида, а с другой – обязан предотвратить нанесение ущерба обществу со стороны лиц, нарушающих установленные запреты. Р. Паунд рассматривал право основным инструментом социального контроля ввиду его охранительных и регулятивных возможностей. Такое понимание сущности социального контроля органично вписывается в идеологию школы правового реализма (К. Левеллин, Дж. Фрэнк), представители которой ориентировали на инструментальный, прагматичный подход к праву и его потенциалу. По их мнению, подлинное право – это право, создаваемое судьями в судебных решениях. Именно судебные решения придают праву жизненную силу и авторитет. Следовательно, и функцию социального контроля право в подлинной мере может реализовать только через правоприменительную деятельность.

В постсоветский период проблема социального контроля начала активно обсуждаться как представителями классической социологии, так и отделившейся от нее социологии права (например, В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук). В целом отечественная социологическая и юридическая мысль в понимании социального контроля исходит из понимания социальной обусловленности девиантного поведения и возлагает большие надежды на принудительную силу права как одного из важнейших социальных регуляторов.

Цель статьи – выявить сущность социального контроля и определить риски, связанные с его осуществлением в отношении уязвимых категорий населения.

Материал и методы. Исследование основано на анализе статистических данных и научных концепций, раскрывающих сущность социального контроля в условиях трансформирующегося общества. Используются такие методы научного познания, как статистический, диалектический, исторический, логический, сравнительного правоведения, анализ и синтез, индукция и дедукция.

Результаты и их обсуждение. Важность социального контроля обусловлена прежде всего одной из наиболее значимых и тревожащих общественность проблем преступности. В нашей стране с момента обретения государственного суверенитета огромное внимание уделяется борьбе с этим социальным явлением. В последние годы произошло существенное снижение уровня преступности, однако этот процесс еще не приобрел необратимого характера. Так, в соответствии с официальными данными Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2020 году в стране было зарегистрировано 95,5 тысячи преступлений, что почти в 1,9 раза меньше по сравнению с 2007 годом (180,4 тыс. преступлений), уровень преступности на 100 000 человек в 2020 году составил 1018 случаев, что в 1,85 раза меньше, чем в 2007 году (1887 случаев). В то же время, по сравнению с 2018 годом, количество совершенных преступлений увеличилось на 7,1 тыс., а уровень преступности на 100 000 человек за этот период вырос на 130 случаев [1].

По данным судебной статистики, в 1-м полугодии 2021 года за совершение различных преступлений осуждены 369 несовершеннолетних, что на 5,4% больше, чем в 1-м полугодии 2020 года, в котором были осуждены 350 несовершеннолетних. За совершение преступлений против общественной безопасности и здоровья населения осуждены 28 несовершеннолетних. Из них 18 – за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК) [2].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что борьба с преступностью требует постоянного, повседневного контроля и налаженного взаимодействия как государственных органов и организаций, так и институтов гражданского общества. То есть необходимо совершенствование механизмов социального контроля над девиантным поведением и преступностью, а возможно, и переосмысление его сущности, целей и функций.

В Философском энциклопедическом словаре социальный контроль понимается как «совокупность процессов в социальной системе (обществе, социальной группе, организации и т.п.), посредством которых обеспечивается следование определенным “образцам” деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении...» [3, с. 639]. То есть это способ регулирования об-

щественных отношений, направленный на устранение элементов дезорганизации и тем самым – на сохранение устойчивости в развитии социальной системы. На официальном уровне социальный контроль находит внешнее выражение в преднамеренных, запланированных и скоординированных мероприятиях и реакциях государственных органов и организаций на действия, поведение или статус отдельных лиц и социальных групп, которые воспринимаются как нежелательные, проблемные, опасные или преступные. Ключевыми субъектами официального контроля являются институты, которые занимаются проблемами преступности, безопасности, делинквентности и другими социальными проблемами, включая систему уголовного правосудия и правоохранительные органы.

Социальный контроль – это далеко не всегда грубая сила и принуждение. Он реализуется через систему разнообразных мягких и жестких агентов влияния, начиная с искусства и заканчивая правом, с его принудительными возможностями. «Поэтому можно говорить о наличии в системе социального контроля мягких и жестких сторон. В английской терминологии их можно выразить через понятия *soft control* и *strict control*. Очевидно, что социальный контроль должен рассматриваться шире, нежели система принуждения» [4, с. 18].

Даже право как элемент и инструмент системы социального контроля не должно постоянно демонстрировать свою императивную природу. Конечно, на микроуровне многое в воздействии права на общественные отношения зависит от предмета правового регулирования. Если речь идет об охране конституционного строя, защите жизни, здоровья, собственности, то право обязано быть императивным, авторитетным и «авторитарным». На макроуровне воздействие права на общественные отношения в значительной степени детерминировано исторически сложившейся и доминирующей в данном обществе идеологией правопонимания. Важно, как законодатель и правоприменительные органы понимают назначение права, как интерпретируют его социальные функции. Если приоритет отдается ограничительно-запретительному функционалу права, то в системе социального контроля оно будет использоваться как инструмент принуждения, а в необходимых случаях и как инструмент грубой силы. Если же в праве в качестве приоритетных воспринимаются его созидательные начала, направленные на достижение в обществе социальной солидарности, то оно будет демонстрировать мягкую силу, осуществляя свой регулятивный (диспозитивный) потенциал. Причем диспозитивность права вовсе не означает его слабости, так как договорное право априори содержит в себе элемент принуждения, ибо сторона, нарушившая условия договора,

будет обязана выплатить по иску контрагента положенную сумму.

Тем не менее, несмотря на наличие «мягких» сторон механизма социального контроля, следует иметь в виду, что ключевой особенностью его функционирования является наличие давления на лиц и группы, отличающиеся неконформистским поведением. Поэтому представляется возможным социальный контроль определить как совокупность субъектов и механизмов, которые через разнообразные модели давления оказывают воздействие на общество с целью поддержания социального порядка и сплоченности.

Эти субъекты и механизмы устанавливают и обеспечивают соблюдение стандарта поведения для членов общества и включают в себя множество компонентов, таких как принуждение, сила, стыд, сдерживание и убеждение. Социальный контроль осуществляется через отдельных лиц и учреждения, начиная от семьи и сверстников и заканчивая такими институтами, как государство, религиозные организации, школы и трудовые коллективы. Независимо от источника, цель социального контроля – поддерживать соответствие установленным нормам и правилам.

Социальный контроль обычно используется членами группы как реакция на любого, кого они считают отклоняющимся, проблемным, угрожающим или нежелательным, с целью обеспечения соответствия. Социальный контроль осуществляется как на макро-, так и на микроуровнях. Макросилами социального контроля выступают правоохранительные и правоприменительные государственные органы, используемые для поддержания порядка и привлечения в случае необходимости к юридической ответственности. Социальный контроль на макроуровне обеспечивают политические и религиозные институты, а также властвующие элиты путем установления норм (в том числе и правовых), предлагаемых обществу в качестве обязательных к исполнению либо соблюдению.

Социальный контроль на микроуровне осуществляется в процессе социализации под влиянием родителей, родственников, сверстников, неформальных лидеров. Индивид усваивает социальные нормы, и они становятся частью его личности. В процессе социализации растущий ребенок узнает ценности своих групп, а также общества в целом, постигает способы поведения и мышления, которые расцениваются как правильные или неправильные.

В конечном итоге, социальный контроль должен способствовать интернализации базовых социальных ценностей и норм, когда они становятся внутренними регуляторами поведения индивида. То есть, должно быть достигнуто такое

состояние, когда будет иметь место совпадение собственных желаний человека с социальными ожиданиями его группы. Любое же отклонение сверх определенной степени терпимости встречает сопротивление со стороны общества, поскольку считается угрозой его благополучию.

Так как в каждой группе есть отклонения от установленных норм, общество и государство применяют санкции – поощрения и наказания, для приведения поведения нонконформистов в соответствие с ожиданиями группы. Таким образом, социальный контроль является средством исправления ошибок, допущенных в процессе социализации.

Социальный контроль ставит перед собой следующие задачи:

1. Восстановление целостности и стабильности социальной системы

Речь идет о том, что общество стремится найти баланс между традиционными и инновационными формами существования. Первоначально любые новации воспринимаются как угроза существующему порядку и стабильности. Проявляется стремление общества заставить своих членов жить так, как жили их предки. В реализации этой цели активно участвуют семья, церковь, старейшины, которые имеют значительную неформальную власть над членами семей и других социальных групп. И хотя соблюдение старого порядка в меняющемся обществе может препятствовать социальному прогрессу, все же большинство считает, что необходимо поддерживать преемственность и единообразие в обществе.

2. Регулирование индивидуального социального поведения

Социальный контроль необходим для того, чтобы регулировать индивидуальное поведение в соответствии с социальными целями и социальными ценностями. Это помогает поддерживать общественный порядок. Если индивиды не будут жить согласно предписанным нормам поведения и если их корыстные побуждения не будут подчинены благосостоянию целого, будет довольно сложно эффективно поддерживать социальную организацию. Следовательно, обществу необходим социальный контроль, чтобы существовать и развиваться.

3. Подчинение социальным решениям

Общество принимает определенные решения. Эти решения принимаются для того, чтобы поддерживать ценности общества и не всегда разделяются всеми его членами. Посредством социального контроля делается попытка заставить подчиняться социальному решению.

4. Установление социального единства

Единство невозможно без социального контроля. Социальный контроль регулирует поведе-

ние людей в соответствии с установленными нормами, что обеспечивает единообразие поведения и единство людей.

5. Поддержка социальной солидарности

Социальный контроль призван вызывать чувство солидарности в умах людей. В конкурентном мире существует разделение людей по имущественному, образовательному, расовому, гендерному и иным критериям. Зачастую преодолеть эти различия просто невозможно. Это влияет на социальную гармонию и общественный порядок. В этих условиях социальный контроль призван нивелировать наиболее неприемлемые формы поведения, провоцирующие социальные антагонизмы.

6. Для наложения социальных санкций

Любое заметное отклонение от принятых норм считается угрозой благополучию группы в целом. Поэтому группа применяет санкции, чтобы контролировать поведение отдельных лиц. Социальный контроль обеспечивает социальную санкцию к социальным способам поведения.

В контексте вышесказанного представляет интерес вопрос о том, как определенные виды человеческого поведения становятся объектом социального контроля? Почему не все виды поведения подпадают под социальный контроль или вовлекаются в него спустя некоторое время? Говоря философским языком, вопрос можно сформулировать следующим образом: что первично – девиация как понятие или девиантное поведение?

Что такое девиантное поведение? В.Д. Менделевич подчеркивает: «...для того чтобы оценить типы, формы и структуру девиантного (отклоняющегося) поведения, необходимо представлять, от каких именно норм общества они могут отклоняться» [5, с. 12]. Само же девиантное поведение он определяет как «систему поступков, противоречащих принятым в обществе нормам и проявляющихся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или уклонения от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением» [5, с. 70]. Норма – это эталон поведения. Однако нормы – это модели идеального поведения, или нормы-идеалы. И так как уровень интериоризации норм у разных лиц и социальных групп различен по причине возрастных, образовательных, гендерных, экономических, религиозных и иных факторов, то в реальности мы наблюдаем поведенческий плюрализм, который ставит перед обществом непростую задачу сепарировать это поведенческое многообразие и выявить те формы поведения, которые угрожают стабильности и сплоченности общества или социальной группы. При этом следует согласиться с С.А. Беличевой, которая акцентирует внимание на том, что «для того, чтобы поведение можно

было квалифицировать как отклоняющееся, оно должно согласовываться с общей направленностью в действиях личности. При этом поведение не должно быть следствием нестандартной или срочной ситуации (например, поведение в рамках тяжелого психического состояния, возникающего в результате единичного или повторяющихся события), следствием кризисной ситуации (например, реакция горя в случае смерти близкого человека в течение первых месяцев) или следствием самообороны (например, при наличии реальной угрозы для жизни)» [6, с. 18].

Таким образом, поведение, подпадающее под сферу социального контроля, должно отвечать следующим критериям:

- противоречить установившимся писанным или неписанным социальным нормам;
- иметь повторяющийся характер;
- носить массовый характер;
- представлять угрозу социальной стабильности и сплоченности.

Исходя из сказанного, можно ответить на поставленные ранее вопросы о взаимоотношениях между понятием девиации и девиантным поведением. Конечно же вначале возникают разного рода виды поведения, которые первоначально могут не вызывать беспокойства со стороны общества (употребление алкогольных напитков, психотропных веществ, бродяжничество, тунеядство, стремление к насильственному разрешению споров и т.п.). Но по мере того как явление начинает приобретать все более массовый и повторяющийся характер, общество начинает отождествлять такое поведение с угрозой стабильности и социальному согласию. Чтобы воздействовать на нежелательные процессы, общество должно дифференцировать возникающие угрозы. И здесь уже нельзя обойтись без понятий, которые как бы «навешиваются» на асоциальные виды поведения, становятся его своеобразными понятийными маркерами. Так возникают понятия «алкоголизм», «наркомания», «тунеядство», «преступление», «девиация» и т.п., за которыми стоят реальные социальные проблемы и реальные люди с соответствующим социальным статусом. Далее включаются в действие механизмы социального контроля, направленные на исправление ошибок, допущенных в процессе социализации лиц, относящихся к указанным «нежелательным» категориям.

И вот здесь мы можем наблюдать обратную связь между понятием девиации и самим поведением, когда лицам по причине их принадлежности к определенному социальному статусу априори приписывается девиантное, а в худшем случае – делинквентное (преступное) поведение (наркоман, бродяга – значит преступник). Опасность ситуации состоит в том, что если социальный

контроль сконцентрирует свою охранительно-принудительную мощь не на лицах, а на статусах, то это может породить нарушения фундаментальных прав человека. История человечества знает немало таких примеров. Можно вспомнить хотя бы фашистскую Германию, когда люди помещались в концентрационные лагеря и уничтожались просто по причине их принадлежности к определенным социальным группам (евреи, цыгане, коммунисты, сексуальные меньшинства, инвалиды).

Поэтому жизненно важно определить, как и против кого направлены меры социального контроля с целью недопущения их произвольного расширения, ужесточения и распространения на лиц, не совершавших вредных или опасных для общества деяний либо правонарушений. Особенно это касается административного и уголовного права, нормы которых направлены на лиц, статус или поведение, которые можно отнести к юридически значимым и социально проблемным. Криминализация бродяжничества, нелегальной миграции, бедности может существенно усложнить положение людей, оказавшихся в сложной ситуации в силу непреодолимых жизненных обстоятельств. Следовательно, уязвимые социальные группы, находясь в центре внимания уполномоченных государственных органов, должны быть максимально защищены от произвольного вмешательства, а их права должны неукоснительно соблюдаться.

В контексте анализа сущности и функций социального контроля представляется важным уточнить его цели. Не подлежит сомнению, что социальный контроль прежде всего направлен на борьбу с такими формами девиантного поведения, которые могут подорвать социальную стабильность и согласие в обществе. Не менее значима и превентивная направленность социального контроля. «Лучше предупреждать преступления, чем карать за них», – писал итальянский мыслитель Чезаре Беккариа [7, с. 230]. Эту мысль вполне можно экстраполировать и на другие виды нежелательного для общества поведения.

На уровне общественного сознания восприятие социального контроля исторически видоизменялось. Начиная со второй половины XX века доминировал традиционный, социально-конструктивистский подход к анализу социальных проблем. Он предполагает, что социальные проблемы состоят из объективных явлений (например, существование бездомных; нелегальных мигрантов; не имеющих документов; ранее судимых), а также субъективного восприятия этих явлений как нежелательных или угрожающих обществу и его ценностям. Следовательно, реализация социального контроля предусматривает прохождение трех этапов: вначале некое беспокоящее обще-

ство социальное явление проходило стадию осознания, затем осуществлялась его категоризация (в некоторых случаях криминализация). В конечном итоге разрабатывались методы реагирования на проблему (наказание, изоляция, лечение и т.п.).

Сегодня же, в условиях новых вызовов, обусловленных трансформацией традиционных ценностей, наличием террористических угроз, ростом экстремизма, к традиционному пониманию социальных проблем добавляется новое их видение. Суть его состоит в том, что антисоциальным может быть названо поведение, которое не нанесло реального вреда обществу и его ценностям, но поведение, которое может вызывать тревогу, беспокойство, напряженность, страхи у законопослушных граждан. То есть антисоциальность личности может быть не связана с ее поступками, а обусловлена ожиданиями и реакциями других лиц. Примером тому может быть Закон о преступности и беспорядках 1998 года Соединенного Королевства, в соответствии с которым поведение, вызывающее (или способное вызвать) «...преследование, тревогу или беспокойство у одного или нескольких лиц...» [8], может быть юридически квалифицировано как антисоциальное. То есть, исходя из сказанного, можно утверждать, что в современном обществе представления об антисоциальном (девиантном) поведении в определенной степени носят релятивный и консенсуальный характер.

Важным представляется вопрос, как выстраивать политику социального контроля: реагировать на антисоциальные поступки или на фобии граждан? Реагирование на фобии предполагает реализацию превентивных мероприятий. Превентивные цели социального контроля обусловлены стремлением повысить уровень общественной безопасности за счет профилактических мер. Это позволит спасти многие человеческие судьбы, да и экономически это выгоднее, чем содержание пенитенциарных учреждений и ресоциализация лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы. Однако важно найти баланс между превентивными действиями субъектов социального контроля и нарушениями законных прав и интересов граждан. Ведь самые благие намерения не всегда приводят к желаемому результату. В качестве примера можно привести неоднозначное отношение многих граждан к ювенальной юстиции, к действиям органов опеки при изъятии детей, находящихся в социально опасном положении, из неблагополучных семей. Поэтому должны быть разработаны четкие критерии и алгоритмы действий должностных лиц, осуществляющих профилактическую работу и превентивные мероприятия с точки зрения разумности, соразмерности и недискриминации. Но и в отношении таких лиц

также должны проводиться контролирующие мероприятия со стороны государственных органов, а при возможности и со стороны гражданского общества. То есть ни субъекты, ни объекты профилактики не должны быть выведены из сферы социального контроля.

Заключение. Общество подвержено изменениям. В нем по-прежнему рождаются новые изобретения, новые философские и религиозные учения, новые формы семьи, новые культурные стандарты. Человек должен приспосабливать свое поведение к изменениям, но не все люди могут или хотят жить в соответствии с предлагаемыми обществом стандартами поведения, ориентированными на своеобразные нормы-идеалы. Одни люди становятся прогрессивными, другие остаются на консервативных позициях. В субкультурах нарушение норм порой становится трендом, своеобразной модой. В некоторых случаях получают распространение, а порой и одобрение девиантные формы поведения.

В этих случаях общество задействует механизмы социального контроля, направленные на коррекцию или пресечение девиантных форм поведения с целью создания условий для устойчивого развития. Официальные и неофициальные институты и агенты социального контроля в своей работе стремятся устранить просчеты, допущенные в процессе социализации личности. При этом важно, чтобы сами институты и агенты, осуществляющие профилактическую, превентивную и правоприменительную деятельность, не оставались вне сферы социального контроля с целью недопущения нарушения законных прав и интересов граждан.

Литература

1. Число зарегистрированных преступлений и уровень преступности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/grafiki_diagrams/uroven-prestupnosti-po-respublike-belarus/. – Дата доступа: 05.02.2022.
2. Данные судебной статистики за 1 полугодие 2021 года об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/887b89abc7244ec4.html. – Дата доступа: 05.02.2022.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Норма, 1983. – 840 с.
4. Янч, В.В. Правовое сознание в системе социального контроля / В.В. Янч // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 1(13). – С. 16–20.
5. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие / В.Д. Менделевич. – СПб.: Речь, 2005. – 445 с.
6. Психосоциальная коррекция и реабилитация несовершеннолетних с девиантным поведением / [С.А. Беличева и др.]. – М.: Соц. здоровье России, 1999. – 181 с.
7. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М.: СТЕЛС, 1995. – 303 с.
8. Закон 1998 года о преступности и беспорядках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://star-wiki.ru/wiki/Crime_and_Disorder_Act_1998. – Дата доступа: 08.02.2022.

Поступила в редакцию 14.03.2022

Правовое регулирование кибербуллинга в России и зарубежных странах

Ложкина Т.Е., Могилёва Е.В., Первакова А.С.

Вятский государственный университет, Российская Федерация

В современном мире информационные технологии занимают все более значимую часть социальной жизни человека. Интернет и различные социальные сети, завоевывая все большую популярность, становятся фактически средством реализации прав и свобод человека. Практически каждый второй человек в мире имеет возможность, используя современные средства коммуникации, реализовать свои идеи, проекты, поделиться мнением с большой аудиторией в интернет-пространстве, в соцсетях на сайтах, в блогах или на форумах. Но при всех положительных моментах информационных коммуникаций наблюдается тенденция унижения чести и достоинства человека в этом новом киберпространстве.

Цель исследования – изучить кибербуллинг как социальное явление в современном мире, определить методы борьбы с ним.

Материал и методы. В работе использованы нормативные правовые акты российского законодательства: Гражданский кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, а также научная и учебная литература. В качестве методов исследования применялись историко-правовой, правосоциологический, сравнительно-правовой, метод правового прогнозирования.

Результаты и их обсуждение. Статья посвящена изучению правовых аспектов в сфере кибербуллинга в России и зарубежных странах. Рассматриваются особенности привлечения к ответственности лиц за противоправные деяния в информационном пространстве. Результатом данного исследования являются некоторые предложения по предупреждению кибербуллинга, которые обсуждались на панельной дискуссии «Кибербуллинг в молодежной среде», проведенной юридическим институтом Вятского государственного университета.

Заключение. Учитывая самые ближайшие перспективы цифровизации большинства сфер жизни россиян, считаем необходимым разработать федеральный закон Российской Федерации по предупреждению и правовому регулированию такого негативного социального явления, как кибербуллинг. Полагаем, что данный правовой акт должен содержать понятие кибербуллинга, определять его виды и формы, устанавливать ответственность виновных лиц. Принятие такого федерального закона позволит юридически защитить участников виртуальных общественных отношений от различных актов киберагрессии.

Ключевые слова: кибербуллинг, киберагрессия, травля, интернет, киберпространство, социальная проблема, виртуальная коммуникация.

Legal Regulation of Cyberbullying Abroad and in Russia

Lozhkina T.Ye., Mogileva Ye.V., Pervakova A.S.

Vyatka State University, the City of Kirov, the Russian Federation

In the modern world, information technologies occupy an increasingly significant part of a person's social life. The Internet and various social networks, which gain increasing popularity in the world, are actually becoming a means of implementing human rights and freedoms. Almost every second person in the world has the opportunity by using modern means of communication to implement their ideas, projects, share their opinions with a large audience on the Internet, in social networks on websites, blogs or forums. However, with all the positive aspects of information communications, there is a tendency to humiliate the honor and dignity of a person in this new cyberspace.

The research purpose is to study cyberbullying as a social phenomenon in the modern world, to propose methods of combating cyberbullying.

Material and methods. The normative legal acts of the Russian legislation are used in the work: the Civil Code, the Code of Administrative Offences, the Criminal Code, as well as scientific and academic literature. The historical-legal, legal-sociological, comparative-legal methods, and the method of legal forecasting were used as research methods.

Findings and their discussion. The article deals with the study of legal aspects in the field of cyberbullying in Russia and in foreign countries. Features of bringing persons to responsibility for illegal acts in the information space are considered. The result of this study are some proposals for the prevention of cyberbullying, which were discussed at the panel discussion "Cyberbullying in the youth environment" held by the Law Institute of Vyatka State University.

Conclusion. Taking into account the immediate prospects of digitalization of most spheres of life of Russians, we consider it necessary to develop a federal law of the Russian Federation on the prevention and legal regulation of such a negative social phenomenon as cyberbullying. We believe that this legal act should contain the concept of cyberbullying, define its types and forms, and establish the responsibility of the perpetrators. The adoption of such federal law will legally protect participants in virtual public relations from various acts of cyber aggression.

Key words: cyberbullying, cyber aggression, bullying, the Internet, cyberspace, social problem, virtual communication.

Всвязи с бурным развитием в XXI веке информационных технологий и всеобщей доступностью интернета в последние годы во всем мире и в России в том числе наблюдается резкий рост такого негативного явления, как кибербуллинг в виде травли в интернете и социальных сетях.

Кибербуллинг – это особо агрессивный вид травли, который выражается в намеренных оскорблениях, угрозах, анонимных сообщениях с помощью применения компьютерных технологий.

В Вятском государственном университете 9 апреля 2021 года в преддверии Международного дня молодежных действий за права человека в рамках Программы развития ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» и Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года состоялась панельная дискуссия «Кибербуллинг в молодежной среде», целью которой позиционировалось формирование у студентов прикладных компетенций обеспечения информационной безопасности как составной части задач обеспечения личной безопасности в интернет-пространстве и социальных сетях.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года определяет приоритеты государственной политики в области воспитания и социализации детей, основных направлений и механизмов развития институтов воспитания, формирования общественно-государственной системы воспитания детей в Российской Федерации, учитывающих интересы детей, актуальные потребности современного российского общества и государства, глобальные вызовы и условия развития страны в мировом сообществе.

Следует признать, что возникновение и развитие интернета и социальных сетей способствовало тому, что виртуальное пространство стало важной частью жизни современной молодежи, включая как ее позитивные, так и негативные стороны, в том числе агрессию и травлю. Распространенность интернета и привязанность подростков к общению в социальных сетях сочетается у них с отсутствием пользовательской компетентности и осознания необходимости соблюдения этики общения в сети. Отсутствие этических границ и гарантированность анонимности приводят к появлению асоциальных и агрессивных моделей общения в интернет-пространстве.

Проведенная панельная дискуссия содействовала популяризации в информационном пространстве традиционных российских культурных, нравственных, семейных ценностей и норм поведения; формированию активной гражданской позиции, гражданской ответственности, основанной на традиционных культурных, духовных

и нравственных ценностях российского общества, развитию культуры межнационального общения; воспитанию уважительного отношения к национальному достоинству людей, их чувствам, религиозным убеждениям; развитию правовой и политической культуры молодежи, расширению конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, в том числе в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно значимой деятельности студентов.

Цель исследования – изучить кибербуллинг как социальное явление в современном мире, определить методы борьбы с ним.

Материал и методы. В работе использованы нормативные правовые акты российского законодательства: Гражданский кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, а также научная и учебная литература. В качестве методов исследования применялись историко-правовой, правосоциологический, сравнительно-правовой, метод правового прогнозирования.

Результаты и их обсуждение. В рамках одноименного мероприятия студентами юридического института было также осуществлено социологическое исследование на тему «Кибербуллинг в молодежной среде». Опрос был проведен среди студентов ВятГУ. В ходе исследования установлено, что 56% людей подвергаются травле в интернете, 78% респондентов сталкивались с агрессивным поведением в киберпространстве и 75% – наблюдали за проявлением оскорблений в социальных сетях. При ответе на вопрос «Как вы считаете, почему ваши сверстники занимаются кибербуллингом?» были получены следующие сведения:

- 22% людей полагают, что это безопасный способ выразить свои негативные эмоции;
- 4% опрошенных считают, что человек, которого оскорбляют в сети, заслуживает этого;
- 26% респондентов полагают, что делают это из-за мести;
- 48% опрошенным кажется это забавным и «хайповым».

Обсуждение причин возникновения, исторических, социальных и правовых аспектов кибербуллинга в ходе данной дискуссии, а также «неоднозначные» результаты проведенного опроса побудили авторов к данной публикации.

В настоящее время в России отсутствуют специальные законы, регулирующие кибербуллинг. В российском законодательстве есть отдельные нормы, которые косвенно регулируют проблему кибербуллинга, но нет четкого определения понятия «кибербуллинг». По этой причине возникают проблемы интерпретации и классифи-

кации кибербуллинга, появляются разногласия при регулировании правоотношений в сфере кибербуллинга и его правовой оценки.

В зарубежных странах на протяжении длительного периода времени активно разрабатываются проекты законов и применяются соответствующие законы, регулирующие общественные отношения в сфере кибербуллинга.

Согласно отчету Отдела по преступлениям, совершенным школьниками, Национального центра статистики образования и Бюро правоохранительной статистики, в США 28% школьников от шести до двенадцати лет подвергались кибербуллингу. Безусловно, насилие порождает насилие. Так, американская организация Stopbullying.gov сообщает, что 30% студентов и школьников инициировали кибербуллинг. При этом большинство объясняют это тем, что несколькими годами ранее они сами испытали травлю в коллективе. В то же время опрос Всемирной организации здравоохранения показывает, что, по сравнению с 35 странами Америки и Европы, США демонстрирует более-менее адекватные показатели в борьбе с кибербуллингом. Наибольшее количество случаев интернет-травли зафиксировано в Эстонии и Литве, а наименьшее – в Чехии, Словении и Швеции. Что касается возрастных категорий, то отчет американского Центра исследования вопросов кибербуллинга демонстрирует, что девочки (36,7%) во всем мире чаще становятся объектами травли онлайн, чем мальчики (30,5%).

В 2015 году Парламент Новой Зеландии принял закон о пагубных цифровых коммуникациях (Harmful Digital Communications Act), в котором существует наказание за троллинг. Наказание за нарушение закона составляет до двух лет лишения свободы и штраф около 42 тыс. долл., а новозеландцу, написавшему оскорбительный комментарий, грозит штраф около 167 тыс. долл. В качестве цели закона заявлены предотвращение вреда, причиненного лицу в ходе виртуального общения, а также обеспечения лиц, ставших жертвами вредоносного виртуального общения, быстрым и эффективным средством получения компенсации. Для реализации данного закона было создано специальное правительственное агентство. Оно работает совместно с Facebook, Google и Twitter с целью ликвидации троллинг-контента в интернете. Новая Зеландия стала первым государством, в котором предусмотрена уголовная ответственность за оскорбления в соцсетях.

В США каждый штат внедряет собственные законы по противодействию буллингу. В ряде штатов есть законы, направленные на борьбу с кибербуллингом. Согласно Центру исследования кибербуллинга в США, в 44 штатах из 50 существу-

ет уголовная ответственность за домогательство в интернете. Первый закон приняла Джорджия в 1999 году, где нельзя использовать гаджеты в целях травли. В Неваде ввели уголовную ответственность за устные или письменные угрозы и запугивания школьников. В 45 штатах школам разрешается наказывать учеников за кибербуллинг. Тем не менее, в США также делают упор на профилактику, вводя в школьную программу дискуссии об «ответственном использовании интернета» и уместных способах коммуникации в сети.

В 2016 году в Великобритании был издан первый закон о борьбе с буллингом в школах, но пока он работает только в Северной Ирландии. Кроме того, в законе об образовании и инспекциях за школами закрепили обязанность принимать меры для поощрения хорошего поведения и предотвращения всех форм буллинга среди учащихся.

Можно ли привлечь к ответственности за кибербуллинг? Как показывает судебная практика, данный вопрос регулируется нормами закона во многих странах и защищает права лиц, которые были подвергнуты издевательствам в интернете.

Например, в Западной Виргинии в 2011 г. – Ковальски против школ округа Беркли. Когда Кара Ковальски училась в старших классах средней школы, администрация школы отстранила ее от занятий на пять дней за создание и размещение на сайте MySpace.com статьи под названием «SASH», которая в основном посвящена высмеиванию сокурсника. Ковальски подала иск против школьного округа Беркли, утверждая, что, наказывая ее, нарушается ее право на свободу слова и надлежащую правовую процедуру. Окружной суд вынес решение в порядке упрощенного производства в пользу школьной администрации, заключив, что они были уполномочены наказать Ковальски за то, что ее веб-страница была «создана с целью побудить других совершить подрывное и ненавистническое поведение», что привело к «перебоям в школе».

В штате Огайо в 2020 году подросткам предъявлены обвинения в домогательствах, которые обвиняются в издевательствах над девочкой с особыми потребностями. У Натали церебральный паралич, эпилепсия и некоторые психические расстройства. Девушка подверглась преследованиям в интернете. Через социальные сети подростки обманом заставили Натали наступить на стеклянную бутылку, в результате чего ей наложили девять швов на ногу.

Аманда Тодд была 15-летней канадской студенткой и жертвой киберзапугивания, в результате которого она повесилась в своем доме. Несовершеннолетняя подвергалась сексуальным требованиям со стороны взрослого мужчины.

Девушка пыталась покончить с собой и после неудачной попытки на нее обрушилось множество гневных комментариев в интернете. Мужчина, вымогавший у девушки фотографии, был задержан в Голландии. Ему было предъявлено 72 обвинения в сексуальном насилии и вымогательстве. Власти Канады экстрадировали его из Голландии в 2020 году.

Суд Новой Шотландии присудил компенсацию в размере 85 тыс. долл. США по делу о киберзапугивании. Судья присудил компенсацию женщине из Дартмута, которая подверглась киберзапугиванию в Facebook ее бывшим мужем и его нынешней женой, которые провели кампанию киберзапугивания против заявительницы, пытаясь ее запугать, чтобы она отказалась от опеки. Судья запретил дальнейшее запугивание в интернете, приказал удалить сообщения и запретил общаться с заявительницей. Киберзапугивание нанесло вред здоровью женщины, как психическому, так и физическому, оно вызвало глубокий психологический стресс, который повлиял на ее трудоспособность и усугубил ранее существовавшее заболевание.

В 2020 году в городе Львове родитель ненадлежащим образом выполнял свои родительские обязанности по воспитанию сына. В июле 2020 г. его сын создал в соцсети Instagram группу, в которой освещал мемы, комиксы, карикатуры с фотографиями учителей из своей школы. Суд признал родителя виновным в совершении административного правонарушения по статье «Невыполнение родителями или заменяющими их лицами обязанностей по воспитанию детей» и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 850 грн. (2308 р.)

В России только за январь – сентябрь 2019 года было зафиксировано 423 случая кибербуллинга. На пресс-конференции «Кибербуллинг и новые виды информационных угроз» эти случаи получили общественный резонанс, широкий охват в социальных сетях, а также были опубликованы в региональных и федеральных средствах массовой информации», – рассказала Сутормина Елена Васильевна, председатель комиссии по развитию общественной дипломатии, гуманитарному сотрудничеству и сохранению традиционных ценностей Общественной палаты РФ. В некоторых субъектах России проблема кибербуллинга является особо актуальной: Москва, Московская область, Астраханская область, Краснодарский и Приморский край, Кемеровская, Владимирская, Нижегородская и Ленинградская области.

Основные интернет-площадки, где в большинстве случаев встречается травля, – это социальная сеть «ВКонтакте» и видеохостинг YouTube. Данные социальные сети ведут работу по чистке подобного контента и активно сотрудничают

с профильными государственными органами, но не так оперативно, как хотелось бы.

В российском законодательстве существуют нормативные правовые акты, которые содержат в себе отдельные положения, позволяющие применять их в регулировании данных правонарушений.

Глава восьмая части первой Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает в своей диспозиции материальную ответственность субъектов за нарушение определенных нематериальных прав: чести и достоинства, деловой репутации лица, семейной тайны, частной жизни. Если действия субъекта, затронувшие перечисленные права другого лица, не привели к наступлению общественной опасности, то данное деяние по отечественному законодательству квалифицируется как гражданский деликт.

Определенные меры предусмотрены Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, где в статье 5.61 предусмотрена административная ответственность за унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме, то есть за оскорбление, а также в статье 20.3.1 за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Уголовный кодекс Российской Федерации включает в себя ряд составов преступлений, в том числе свойства проявления буллинга (регулярное оскорбление чести и достоинства, угрозы в отношении личности, которые могут спровоцировать за собой совершение пострадавшим суицида, клевета):

- ст. 110 УК РФ – доведение до самоубийства (как тяжкое последствие проявленных систематических психологических издевательств над жертвой);
- ст. 110.1–110.2 УК РФ – склонение к совершению самоубийства, а также организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству;
- ст. 119 УК РФ – угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью (угрозы – одна из форм проявления буллинга);
- ст. 128.1 УК РФ – клевета (распространение порочащих сведений о лице, например, с целью причинения ему моральных страданий).

Уголовный Кодекс Российской Федерации содержит ст. 282 – возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства. Преступными признаются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека, либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, публично совершенными действиями по смыслу статьи 282 УК РФ признаются действия, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая интернет, и иные подобные действия. Если пост или комментарий может прочитать большое количество людей, то такой пост, размещенный на сайтах, в блогах или на форумах, является публичным.

Предусмотренное частью 1 статьи 282 УК РФ преступление считается совершенным с момента совершения хотя бы одного из указанных выше действий, то есть, например: с момента опубликования комментария или видеоролика, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, даже если ролик снимало не лицо, его разместившее, или ролик доступен только друзьям и был удален.

Статья 282 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере от 300 до 500 тыс. руб. либо принудительными работами вплоть до лишения свободы на срок от 2 до 5 лет.

Следует отметить, что в России имеется незначительная судебная практика по урегулированию общественных отношений в области кибербуллинга. Так, в Краснодаре в 2019 году исполняющий обязанности прокурора, действующий в интересах неопределенного круга лиц обратился в суд с административным иском и просил признать информацию, размещенную в социальной сети «ВКонтакте» запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Размещенная информация выражена в неприличной форме и унижает честь и достоинство учащихся общеобразовательных организаций. Суд удовлетворяет иск и признает информацию запрещенной к распространению на территории Российской Федерации.

В 2020 году подобное дело рассматривалось в Верхошижемском районе Кировской области. В интернете на сайте социальной сети «ВКонтакте» группа лиц пропагандировала кибербуллинг и вседозволенность, нанося непоправимый вред психическому здоровью несовершеннолетних. Суд удовлетворил исковое заявление.

Кроме того, не всегда возможно выявить лицо, которое можно привлечь к ответственности. Например, в 2019 году, в городе Сочи девушка обратилась в суд с иском, в котором просит признать несоответствующую действительности, порочащую честь, достоинство и деловую репутацию информацию, которую разместили на интернет-ресурсе Блог-Сочи. На интернет-сайте размещались материалы, в которых содержались оскорбления и клевета об истце. Суд отказал в удовлетворении иска, потому что невозмож-

но было доказать, кто именно создает аккаунты на этом сайте, а и при регистрации сайта можно ввести данные любого человека, таким образом, невозможно выявить лицо, которое можно привлечь к ответственности.

Для решения проблемы по предупреждению и устранению кибербуллинга как социального явления считаем необходимым:

1) ввести в интернет-пространство «Детский» интернет, который будет устанавливать возрастные ограничения для подростков, тематику жанров, чтобы не было возможности нанести ребенку психологическую травму или спровоцировать ребенка к неправомерным поступкам. Также важно использовать детские гаджеты, которые временно ограничивают доступ к отрицательным интернет-ресурсам. Выход в интернет через интернет-кафе необходимо контролировать, чтобы исключить возможность подростка оказаться в негативной среде информационного пространства. Следует устанавливать автоматическую блокировку, которая не позволит подростку зайти на интернет-ресурсы, носящие отрицательный характер как для самого подростка, так и для других людей;

2) ввести персональную идентификацию для пользователей интернета. Это позволит устранить анонимных пользователей в интернете, появится возможность отслеживать тех, кто распространяет оскорбления, унижения в адрес неизвестных лиц;

3) вернуть в школы активную воспитательную деятельность. Согласно ч. 8 ст. 51 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», руководитель образовательной организации несет ответственность за руководство образовательной, научной, воспитательной работой, но на практике воспитательная деятельность осуществляется минимально либо не осуществляется вовсе. В Уставах школ закреплено, что основной целью деятельности школы является осуществление образовательной деятельности. Школьники большую часть времени проводят в школе. Именно там происходят различные конфликты и недопонимания, и из-за отсутствия собственно воспитания в школе учащиеся погружаются в интернет для поиска помощи и нахождения пути решения проблемы. Там они могут найти подозрительные интернет-сообщества, чаты или форумы, которые побуждают школьников к продолжительной травле своего одноклассника. По причине вовремя не оказанной психологической помощи жертва может решиться на совершение крайней меры – самоубийство. На основе действующего законодательства Российской Федерации необходимо разработать четкий механизм правового регулирования данного явления [1–9].

Заключение. Таким образом, считаем, что уголовное, административное и гражданское законодательство в части защиты чести и достоинства несовершеннолетних, а также их психического здоровья должно развиваться, учитывая современные реалии и угрозы информационно-коммуникационного мира, в том числе и такое явление, как кибербуллинг, поскольку действующее российское законодательство не охватывает всех его специфических признаков. В этой связи считаем необходимым разработать федеральный закон по противодействию кибербуллингу. Данный правовой акт должен содержать понятие кибербуллинга, определять его виды и формы, а также устанавливать ответственность виновных лиц. Такой федеральный закон позволит юридически защитить участников виртуальных общественных отношений от актов киберагрессии. Учитывая, что именно несовершеннолетние более подвержены данным противоправным деяниям, считаем необходимым также закрепить в Уголовном кодексе Российской Федерации понятие «оскорбление несовершеннолетнего путем использования социальных сетей и сети Интернет», а Министерству просвещения Российской Федерации разработать методические рекомендации по борьбе с кибербуллингом в образовательных учреждениях.

Литература

1. Щекина, К.К. Правовые проблемы защиты несовершеннолетних от кибербуллинга [Электронный ресурс] / К.К. Щекина, Т.Н. Санатов // Молодой ученый. – 2019. – № 52(290). – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/290/65696/>. – Дата доступа: 22.05.2021.
2. Бенгина, А.Е. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка / А.Е. Бенгина, С.А. Гришаева // Вестн. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 153–157.
3. Солдатова, Г.В. Зона риска: российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации / Г.В. Солдатова, Е.Ю. Зотова // Дети в информационном обществе. – 2011. – № 7. – С. 46–55.
4. Парфентьев, У. Кибер-агрессоры / У. Парфентьев // Дети в информационном обществе. – 2009. – № 2. – С. 66–67.
5. Найденова, Л. Кибербуллинг: опасное виртуальное «быкование» [Электронный ресурс] / Л. Найденова. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/cyber-bullying.htm>. – Дата доступа: 22.05.2021.
6. Бочавер, А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 149–159.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Собрание законодательства Рос. Федерации № 1 от 7 янв. 2022 г., раздел I, ст. 1.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства Рос. Федерации № 25 от 17 июня, раздел I, ст. 2954.
9. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Рос. Федерации № 23 от 8 июня 2015 г., раздел IV, ст. 3357.

Поступила в редакцию 20.10.2021

Тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь

Богатырёва В.В.¹, Сергиевич Т.В.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Белорусский национальный технический университет

Статья посвящена исследованию тенденций развития трудовых отношений в Республике Беларусь, складывающихся под влиянием большого количества факторов, которые действуют не обособленно, а дополняют друг друга, усиливая или ослабляя свое влияние на трудовые отношения, иногда противореча друг другу, снижая влияние иных факторов или, напротив, увеличивая его. В числе этих факторов – цифровизация экономики, становление информационного общества, геймификация общественной жизни вообще и геймификация трудовых отношений в частности, а также большое количество внешних по отношению к экономической системе факторов, в том числе порождаемых экономикой рисков, усилением роли идеологии в современной хозяйственной деятельности и других.

Цель работы – выявить и содержательно описать современные тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом для написания данной статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, результаты предыдущих исследований авторов, данные отчетов НИР, выполняемых авторами. При осуществлении исследования использовались такие научные методы, как системный и институциональный подходы, анализ, синтез, единство исторического и логического.

Результаты и их обсуждение. В процессе работы были выявлены современные тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях становления цифровой экономики, которые в ряде случаев носят разнонаправленный и даже противоположный характер: повышение значения человеческого капитала в новых и новейших технологических укладах и в традиционных укладах в той мере, в которой в них используются цифровые и современные сетевые технологии, приводящее к формированию нового типа работника-инноватора; эмансипация труда и рост доли «белых воротничков» в структуре занятого населения; повышенный динамизм социально-трудовых отношений и усиление конкуренции между наемными работниками на рынке труда; усиление конкуренции между работодателями за получение работников-инноваторов, способных решать творческие производственные задачи; сокращение доли физического и умственного человеческого труда в общем объеме трудовых операций, что создает предпосылки для роста безработицы; постоянный рост доли лиц, быстро меняющих свое место в социально-трудовых, имущественных и статусных структурах, сопровождаемый пауперизацией значительной части участников этого сегмента; затруднение перемены труда для индивидов, находящихся в различных квалификационно-профессиональных группах и хозяйственных укладах; изменение логики поведения индивидов в цифровом обществе за счет использования современных цифровых технологий (интернет-ресурсов), которое может порождать деструктивное социально-трудовое поведение.

Заключение. На основании проведенного исследования были выявлены и охарактеризованы современные тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях становления цифровой экономики. Сделан вывод о том, что усилить позитивные тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях развития цифровой экономики и адекватно ответить на вызовы и угрозы в этих отношениях можно только при условии наличия сильного социального белорусского государства и эффективно функционирующей системы общественно-государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: трудовые отношения, человеческий капитал, мотивация труда, цифровые технологии, цифровая экономика, динамика трудовых отношений.

Labor Relations Development Trends in the Republic of Belarus

Bogatyreva V.V.¹, Sergiyevich T.V.²

¹Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

²Belarusian National Technical University

The article deals with the study of the labor relations development trends in the Republic of Belarus. These trends are under the influence of a lot of factors acting not separately but complementing each other, reducing or increasing their influence on labor relations, sometimes contradicting each other, reducing or increasing the influence of other factors. These factors include digitalization of the economy, maturation of the information society, social life and labor relations gamification, as well as a lot of externalities to the economic system, including factors generated by the risk economy, strengthening the role of ideology in current economic activities and many others.

The purpose of the paper is to research the essence of the current labor relations development trends in the Republic of Belarus.

Material and methods. Papers of domestic and foreign economic scientists, the findings of our previous research, our science work reports were used as the research materials. We used such scientific methods as systemic and institutional approaches, analysis, synthesis, unity of historical and logical.

Findings and their discussion. Current labor relations development trends in the Republic of Belarus in the conditions of maturation of the digital economy were identified. These trends are in some cases multidirectional and even opposite in their character. We describe the essence of such trends as improving the importance of human capital in new and the latest technological stages and in traditional stages to the extent in which they use digital and modern network technologies, leading to the formation of a new type of an innovator employee; labor emancipation and the growth of the share of “white collars” in the structure of the employed population; increased dynamism of social-labor relations and strengthening competition between employees in the labor market; strengthening competition between employers for receiving innovative workers capable of solving creative production tasks; reduction of physical and mental human labor share in the total volume of labor operations, which creates prerequisites for unemployment; constant growth of the share of individuals who quickly change their place in social-labor, property and status structures, accompanied by significant pauperization of a big number of participants in this segment; difficulty of labor change for individuals located in various qualifications and professional groups and economic structure; the change in the logic of the behavior of individuals in a digital society through the use of modern digital technologies (the Internet resources), which can generate destructive social-labor behavior.

Conclusion. On the basis of the study, the current trends in the development of labor relations in the Republic of Belarus in the context of the maturation of digital economy were identified and characterized. It is concluded that it is possible to strengthen the positive labor relations development trends in the Republic of Belarus in the context of the development of the digital economy and adequately respond to the challenges and threats in these relations only if there is a strong social Belarusian state and an efficiently functioning system of public-state-private partnership.

Key words: labor relations, human capital, labor motivation, digital technologies, digital economy, labor relations dynamics.

Тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь складываются как под воздействием быстрого роста цифровой экономики, так и под влиянием иных, зачастую не менее важных факторов. Причем все эти факторы действуют не обособленно, а напротив – дополняют друг друга, усиливая или ослабляя свое влияние на трудовые отношения, иногда противореча друг другу, снижая влияние иных факторов или, напротив, увеличивая его. В данном случае следует говорить о целостности процесса развития трудовых отношений в Республике Беларусь. Напомним, что «целостность процесса развития противоречива, она включает взаимодействия разнонаправленных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность развития правомерно рассматривать как суммарный вектор взаимодействующих тенденций)» [1, с. 9]. Рассмотрение развития трудовых отношений как целостного процесса возможно только на основе системного подхода, под которым в экономической литературе сегодня понимается «последовательное и комплексное рассмотрение объекта не как изолированной от внешнего воздействия, а как полузакрытой, но с приближением к открытой системы, в которой постоянно происходит изменение соотношения упорядоченных и хаотических процессов, оказывающих значительное влияние на усиление или ослабление жизненности самой этой системы, экономики, общества в целом и его отдельных сфер (социальной, духовной, культурной, политической, демографической и т.д.)» [2, с. 116]. Таким образом, при выявлении тенденций развития трудовых отношений в Республике Беларусь нами будет учитываться не только влияние на этот процесс цифровой экономики (цифровизация, как нами отмечалось ранее, «кардинальным образом меняет социально-трудовой ландшафт экономики, связанный, прежде всего, с появлением новых и трансформацией традиционных форм

человеческого капитала» [3, с. 8]) и даже не только воздействие на эти тенденции становления информационного общества (порождающего, помимо всего прочего, такое новое социальное явление, как геймификация общественной жизни вообще, что само по себе примитивизирует поведение, мышление и мотивацию достаточно большого количества индивидов, и геймификация трудовых отношений), но и большое количество внешних по отношению к экономической системе факторов, в том числе порождаемых экономикой рисков, усилением роли идеологии в современной хозяйственной деятельности и т.д.

Цель работы – выявить и содержательно описать современные тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом для написания данной статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, результаты предыдущих исследований авторов, данные отчетов НИР, выполняемых авторами. При осуществлении исследования использовались такие научные методы, как системный и институциональный подходы, анализ, синтез, единство исторического и логического.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время в мировой системе хозяйствования наблюдается ряд глобальных трендов в развитии трудовых отношений, во многом характерных и для Республики Беларусь. Первый тренд, порождаемый развитием сервисной экономики (сервисного технико-экономического хозяйственного уклада) и широко пропагандируемый представителями постиндустриальной парадигмы и либеральными учеными-экономистами в целом, выступает как одна (далеко не единственная) из объективных тенденций развития экономических отношений вообще и трудовых отношений в частности. Названный тренд заключается в повышении значения человеческого капитала в новых и новейших технологических укладах, порождаемых Новой промышленной революцией, и в традиционных

укладах в той мере, в которой в них используются цифровые и современные сетевые технологии. Как справедливо отмечают по этому поводу белорусские экономисты, «сегодня правомерно говорить о существовании устойчивой тенденции к увеличению значения ординационного управления в экономических системах по сравнению с субординационным и росту разнообразия форм этого управления. Такая тенденция является закономерным следствием изменения промышленного производства в сторону повышения гибкости и специализированности, развития сферы услуг, а также увеличения роли знаний как фактора экономического развития» [4, с. 32]. Естественно, что данные процессы значительно трансформируют трудовую мотивацию, изменяя ее от рыночной (когда при трудоустройстве для работника определяющим является материальное вознаграждение, как правило, оцениваемое в денежной форме) к пострыночной. Это обуславливается тем, что «более независимые, индивидуалистичные и автономные работники уже не воспринимают материальные факторы и стимулы в качестве доминирующих над своей деятельностью» [5, с. 30].

Т.В. Кузьмицкая подчеркивает, что «условием трансформации трудовых отношений послужил произошедший под влиянием развития информационно-коммуникативных технологий и глобализации радикальный сдвиг от сферы материального производства к сфере услуг, сопровождавшийся феминизацией рабочей силы и ростом “белых воротничков”, под которыми понимаются служащие (инженеры, бухгалтеры, секретари и т.д.), т.е. наемные работники, занятые нефизическим трудом в промышленности, в торговле и в сфере услуг» [6, с. 59]. Вместе с тем процесс эмансипации рабочей силы ставит перед индивидами новые вызовы, обусловленные тем, что по мере продолжающегося ускорения научно-технического прогресса все быстрее и быстрее меняются и требования к квалификации и компетенциям работников, особенно занятых в новых и новейших технологических укладах. «Рабочая сила в цифровой экономике превращается в глобальную и сложносоставную, а трудовые отношения становятся гибкими, частичными, индивидуализированными и неустойчивыми» [7, с. 42]. В этих условиях работодатели предъявляют к персоналу все новые и новые требования, втягивая последних в непрерывную конкурентную борьбу за сохранение / получение высокооплачиваемых рабочих мест. Призом в этой борьбе становится возможность еще какое-то время быть занятым на престижной и высокооплачиваемой работе, а в случае поражения для индивида вполне реален риск оказаться внизу социальной структуры,

физически и психически истощенным. В таком случае для большинства восстановить свой социально-профессиональный статус становится практически невозможным.

Среди работодателей также усиливается борьба за получение работников-инноваторов, способных решать творческие производственные задачи. При этом спрос на работников, занятых низкоквалифицированным умственным трудом, становится очень волатильным. Так, например, сегодняшняя высокая потребность сферы информационных технологий в «тестировщиках», которые получают достаточно высокую оплату за очень простые (можно даже сказать примитивные) интеллектуальные функции, связанные не с созданием нового продукта на основе креативных идей и творчества, а с адаптацией уже существующих программных продуктов, может очень быстро исчезнуть. В результате большое количество людей, занятых низкоквалифицированным трудом в информационной сфере, может оказаться на социальной периферии, поскольку они не могут (в результате недостаточных профессиональных навыков и компетенций) решать творческие, сложные производственные задачи в сфере информационных технологий.

Развитие цифровизации вообще и Индустрии 4.0 в частности позволяет говорить о такой важной глобальной закономерности, как сокращение доли физического и умственного человеческого труда в общем объеме трудовых операций. Ю.В. Мелешко обращает внимание, что «в 2019 г. появляется термин Труд 4.0, описывающий, какими характеристиками должны обладать трудовые отношения в Индустрии 4.0» [8, с. 87]. В экономической литературе приводятся такие данные об этой динамике в мировой экономике: «Это (такие технологические достижения, как повсеместное распространение мобильного высокоскоростного Интернета, искусственный интеллект, широкое использование больших объемов аналитических данных и облачные технологии. – Прим. В.Б., Т.С.) приведет к сдвигу границы между объемами работы, выполняемой человеком и машинами, на 13% с 2018 г. по 2022 г., и еще на 10% с 2022 г. по 2025 г. Если в 2018 г. в общем объеме выполняемых операций доля человеческого труда составляла 71%, то в 2022 г. она сократится до 58%, а в 2025 г. – до 48%» [9, с. 56]. Поскольку Республика Беларусь успешно движется в рамках названной тенденции, то становится актуальной проблема увеличения в общей структуре занятых во всем народном хозяйстве и в том числе в IT-секторе доли высококвалифицированных специалистов, обладающих новыми (современными) знаниями и компетенциями. Как результат этого, под воздействием развития цифровой экономики

появляется такая тенденция развития трудовых отношений в Республике Беларусь, как достаточно жесткая альтернатива перед работниками, занятыми в этой экономике, – либо постоянно повышать свою квалификацию, либо быстро терять свои конкурентные преимущества на рынке труда и, соответственно, ухудшать размеры вознаграждения за свой труд и его условия. В результате этот сегмент белорусского рынка труда, связанный с цифровой экономикой, в ближайшие годы и десятилетия будет обладать, во-первых, повышенным динамизмом, а во-вторых, очень высокой долей лиц, быстро меняющих свое место в социально-трудовых, имущественных и статусных структурах, что сопровождается пауперизацией значительной части участников этого сегмента. Последнее может стать угрозой национальной и экономической безопасности Республики Беларусь, поскольку люди, длительное время занимающиеся профессиональной деятельностью, характеризующейся высокой степенью алгоритмизации трудовых процессов, привыкли мыслить в рамках императива «черное или белое», заниматься низкоквалифицированным умственным трудом, получая при этом высокое (по нашему мнению, значительно завышенное) вознаграждение за свой труд, могут стать источником социальных протестов, организуемых через Интернет. Эти эффекты будут усиливаться на фоне того, что, как нами подчеркивалось ранее, «в результате эволюции трудовых отношений в контексте развития цифровой экономики в Республике Беларусь возникнет дополнительная социально-экономическая напряженность как следствие значительной структурной безработицы» [10, с. 10]. Российские экономисты А.С. Волкова, Д.С. Константинова, М.М. Кудяева и Ю.А. Масалова отмечают по этому поводу: «Ученые, отслеживающие текущую конъюнктуру мирового рынка труда, практически все сходятся во мнении, что повсеместное использование в экономике организаций информационных и коммуникационных технологий формирует глобальные вызовы в части их влияния на занятость человеческих ресурсов» [11, с. 1493].

С.Ю. Солодовников справедливо подчеркивает: «Усиление многоукладности в постиндустриальном обществе, сопровождаемое увеличением количества периферийных социально-экономических укладов и ускорением трансформации доминирующих укладов, ведет к значительному усложнению социально-экономических отношений. При этом наблюдается усиление профессионально-квалификационного расслоения общества, затрудняется перемена труда между различными квалификационно-профессиональными группами, между индиви-

дами, занятыми в информационной и традиционной экономиках и т.д.» [12, с. 304]. Названные закономерности значительно влияют на формы и направления развития трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях развития цифровой экономики. Прежде всего, это затруднение перемены труда для индивидов, находящихся в различных квалификационно-профессиональных группах и хозяйственных укладах. Кроме этого, в условиях влияния быстрой цифровизации общественной жизни и хозяйственной деятельности на развитие трудовых отношений, в том числе в части возникновения и решения трудовых конфликтов, начинают значительно влиять такие новые формы общественно-функциональных технологий, как сетевые механизмы управления социально-трудовыми процессами. Под этими механизмами сегодня понимаются «принципиально новые формы общественно-функциональных технологий, отличающиеся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции» [13, с. 90]. Использование этих технологий позволяет в ряде случаев целенаправленно влиять на логику поведения индивидов, как занятых в цифровой экономике, так и просто находящихся в цифровом обществе, т.е. активно представленных в цифровых социальных сетях, изменяя мотивацию субъектов трудовых отношений, подменяя их объективно сформировавшиеся экономические интересы и мотивы мотивацией, нужной манипулятору. Причем это может быть использовано и в деструктивных целях. Таким образом, в качестве одной из тенденций развития трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях становления цифровой экономики следует считать значительное усиление внешнего влияния на социально-трудовую мотивацию индивидов за счет использования современных цифровых технологий (интернет-ресурсов). Последнее может значительно усиливаться в условиях роста безработицы, чему могут способствовать цифровизация и автоматизация экономики. «Теперь мы живем в гораздо менее определенном мире, – пишет Л.С. Сагдеева, – где автоматизация и искусственный интеллект вызывают угрозу массового перемещения работников. В современном обществе могут возникнуть экономические риски, связанные с массовой безработицей, обусловленной полной автоматизацией производства, что приведет к системному кризису современной модели экономики» [14, с. 1509]. Адекватно ответить на эти негативные тенденции развития трудовых отношений в Республике Бела-

рус в контексте развития цифровой экономики можно только при условии наличия сильного социального белорусского государства и эффективно функционирующей системы общественно-государственно-частного партнерства.

Заключение. В результате исследования выявлены тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях становления цифровой экономики, которые в ряде случаев носят разнонаправленный и даже противоположный характер: во-первых, повышение значения человеческого капитала в новых и новейших технологических укладах и в традиционных укладах в той мере, в которой в них используются цифровые и современные сетевые технологии, приводящее к формированию нового типа работника-инноватора; во-вторых, эмансипация труда и рост доли «белых воротничков» в структуре занятого населения; в-третьих, повышенный динамизм социально-трудовых отношений и усиление конкуренции между наемными работниками на рынке труда; в-четвертых, усиление конкуренции между работодателями за получение работников-инноваторов, способных решать творческие производственные задачи; в-пятых, сокращение доли физического и умственного человеческого труда в общем объеме трудовых операций, что создает предпосылки для роста безработицы; в-шестых, постоянный рост доли лиц, быстро меняющих свое место в социально-трудовых, имущественных и статусных структурах, сопровождаемый пауперизацией значительной части участников этого сегмента; в-седьмых, затруднение перемены труда для индивидов, находящихся в различных квалификационно-профессиональных группах и хозяйственных укладах; в-восьмых, изменение логики поведения индивидов в цифровом обществе за счет использования современных цифровых технологий (интернет-ресурсов), которое может порождать деструктивное социально-трудовое поведение.

Усилить позитивные тенденции развития трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях развития цифровой экономики и адекватно ответить на вызовы и угрозы в этих отношениях можно только при условии наличия сильного социального белорусского государства и эффективно функционирующей системы общественно-государственно-частного партнерства.

Выполнено при поддержке БРФФИ (договор с БРФФИ № Г20РА-011 от 04.05.2020 г.).

Литература

1. Солодовников, С.Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2018. – Вып. 7. – С. 5–18.
2. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования сетевых механизмов инновационного развития в Республике Беларусь / С.Ю. Солодовников // Наука и техника. – 2020. – № 19(2). – С. 113–118.
3. Богатырева, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырева // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2020. – Вып. 11. – С. 5–11.
4. Солодовников, С.Ю. Сетевые механизмы инновационного развития как инструмент перехода к новому качеству экономического роста в условиях экономики рисков / С.Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 4(16). – С. 30–36.
5. Кузьмицкая, Т.В. Факторы эволюции трудовых отношений в сетевой экономике / Т.В. Кузьмицкая // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2018. – № 6. – С. 27–34.
6. Кузьмицкая, Т.В. Эволюция организации труда и управления промышленным производством / Т.В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2019. – Вып. 9. – С. 50–62.
7. Садовая, Е. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда / Е. Садовая // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 12. – С. 35–45.
8. Мелешко, Ю.В. Индустрия 4.0 как инструмент достижения технологического лидерства Германии: эволюция подходов к реализации / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2019. – Вып. 10. – С. 79–93.
9. Кузьмицкая, Т.В. Динамика занятости в процессе осуществления четвертой промышленной революции / Т.В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2019. – Вып. 10. – С. 55–60.
10. Богатырева, В.В. Эволюция трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровизации и роботизации экономики / В.В. Богатырева, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2021. – Вып. 13. – С. 6–14.
11. Изменение подходов к использованию человеческих ресурсов под воздействием цифровых технологий / А.С. Волкова [и др.] // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 8. – С. 1491–1504.
12. Солодовников, С.Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2017. – Вып. 5. – С. 296–308.
13. Солодовников, С.Ю. Сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – 2019. – Вып. 9. – С. 84–92.
14. Сагдеева, Л.С. Формирование новых компетенций человеческого капитала в инновационной экономике / Л.С. Сагдеева // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 8. – С. 1507–1520.

Поступила в редакцию 16.02.2022

Цифровая трансформация коммерческих банков в Казахстане

Калиева Г.Т.¹, Сапаргалиев Х.У.²

¹Евразийская юридическая академия имени Д.А. Кунаева, Республика Казахстан

²ТОО СП «ТюменьНефтеПродукт», Республика Казахстан

Современное состояние мировой экономики характеризуется повсеместной цифровой трансформацией общества, которая вызывает существенные изменения во всех сферах жизни. Цифровая трансформация банков – не просто новая волна преобразований в области информационно-коммуникационных технологий, а коренная ломка под влиянием новых ИКТ-продуктов традиционных бизнес-процессов банка и преобразование их в цифровые банки.

Цель работы – рассмотреть казахстанский опыт цифровизации коммерческих банков и внести рекомендации по успешной их трансформации на основе выявления областей риска.

Материал и методы. Эмпирическим материалом послужили статистические данные самых технологичных розничных коммерческих банков Республики Казахстан. В качестве объекта исследования определены шесть банков второго уровня с максимальными размерами активов розничного бизнеса как потенциальных сфер цифровизации банковского продукта. В работе использованы аналитический, графический, метод экстраполяции и др.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрены внешние и внутренние факторы цифровой трансформации банковского дела в Казахстане, на основе ретроспективного анализа тенденций цифровой трансформации банков в Республике Казахстан установлены определенные этапы с соответствующими ключевыми задачами.

Заключение. В ходе исследования выявлены проблемы, которые будут определять области риска при цифровой трансформации отечественных банков, и намечены пути их решения. Кроме того, сделан прогноз объемов цифрового банковского бизнеса в Казахстане на ближайшие 4 года.

Ключевые слова: банковское дело, небанк, цифровой банк, цифровизация банковских услуг, частные банки.

Digital Transformation of Commercial Banks in Kazakhstan

Kaliyeva G.T.¹, Sapargaliyev Kh.U.²

¹Kunayev Eurasian Law Academy, the Republic of Kazakhstan

²“TiumenNefteProdukt” Ltd., the Republic of Kazakhstan

The current state of the world economy is characterized by widespread digital transformation of society, which causes significant changes in all spheres of life. Digital transformation of banks is not just a new wave of transformations in the field of information and communication technologies, but a radical breakdown under the influence of new ICT products of traditional bank business processes and their transformation into digital banks.

The goal of the paper is to consider Kazakhstan's experience of digitalization of commercial banks and make recommendations for their successful transformation based on the identification of risk areas.

Material and methods. The empirical material was statistical data of the most technologically advanced retail commercial banks in Kazakhstan. Six second-tier banks were identified as the object of the study with the maximum size of retail business assets as potential areas of digitalization of the banking product. The analytical method, graphical method, extrapolation method, etc. are used in the work.

Findings and their discussion. The external and internal factors of digital transformation of banking in Kazakhstan have been identified; on the basis of a retrospective analysis of trends in digital transformation of banks in Kazakhstan, certain stages with corresponding key tasks have been established.

Conclusion. In the final part of the work, the problems that will determine the risk areas in the digital transformation of domestic banks are identified; ways to solve them are outlined. A forecast of the volume of digital banking business in Kazakhstan for the next 4 years is given.

Key words: banking, Neo bank, digital bank, digitalization of banking, private banks.

Современное состояние мировой экономики характеризуется повсеместной цифровой трансформацией общества, которая вызывает существенные изменения во всех сферах жизни. Данный глобальный тренд охватил не только общество и государственные структуры, но и бизнес, в том числе и банковский сектор экономики.

Цифровая трансформация банков – не просто новая волна преобразований в области информационно-коммуникационных технологий, а коренная ломка под влиянием новых ИКТ-продуктов традиционных бизнес-процессов банка и преобразование их в цифровые банки. Известный аналитик в области цифрового банкинга Бретт Кинг отмечает, что «цифровые технологии – это не отдельный департамент, это работа всего банка и лидера – CEO, который в миссию банка вписал слово digital и поощряет digital-инициативы персонала, в первую очередь в социальных сетях Facebook, Twitter, YouTube» [1].

Эксперты McKinsey&Company уверены, что банки могут получить до 45% увеличения чистой прибыли за счет реализации цифровой стратегии. Для этого даже есть специальный рецепт «5+1»: цифровые данные, интегрированный клиентский опыт, индивидуальный цифровой маркетинг для различных аудиторий, цифровизация всех операций и бизнес-процессов, новые технологии и цифровые возможности [2].

Цель работы – рассмотреть казахстанский опыт цифровизации коммерческих банков и внести рекомендации по успешной их трансформации на основе выявления областей риска.

Материал и методы. Эмпирическим материалом послужили статистические данные самых технологичных розничных коммерческих банков Республики Казахстан. В качестве объекта исследования определены шесть банков второго уровня с максимальными размерами активов розничного бизнеса как потенциальных сфер цифровизации банковского продукта. В работе использованы аналитический, графический, метод экстраполяции и др.

Результаты и их обсуждение. Востребованность новых услуг цифрового банкинга характеризуется рисунком 1 (в %). Как видно из рисунка 1, востребованность банковских услуг Цифрового банка, следующая [3]:

набор мобильных приложений – 93%;
электронный кошелек – 69%;
инструмент управления персональными финансами – 66%;
функции видеоконсультации – 28%;

краудфандинг – 17%;
пиринговые платежи – 10%;
социальное инвестирование – 3%;
игрофикация – 3%;
другое – 3%.

Общеизвестно, что новые технологии все глубже проникают в нашу жизнь – мы не представляем себя без скоростного интернета, смартфонов, соцсетей и онлайн-покупок. В этой связи появление Цифрового банка отвечает современным требованиям развития банковского сектора в период корона-кризиса. Цифровая трансформация банковского дела позволяет клиентам в комфортных условиях оперативно получать банковские услуги. В Казахстане в настоящее время наблюдается тенденция ускоренной цифровизации банковского дела. При этом пандемия как один из ключевых факторов, определивших экономическое развитие во всем мире, существенным образом повлияла на работу банковской сферы.

С введением карантина в Казахстане многие коммерческие банки стали оказывать свои услуги в онлайн-формате в режиме 24/7 с 99,99%-ным уровнем надежности для критических систем. Следует подчеркнуть, что коронавирус ускорил цифровизацию коммерческих банков в Казахстане: если ранее на их цифровую трансформацию отводилось несколько лет, то в условиях пандемии им пришлось это делать за 3–4 месяца. В республике заработали так называемые виртуальные банки или необанки, которые полностью оцифровали свои бизнес-процессы, следуя тренду перехода в онлайн-формат. При этом казахстанские банки учитывали складывающуюся глобальную тенденцию, состоящую в том, что около трети мирового потребления будет приходиться на так называемых миллениалов – людей, родившихся в период с начала 1980-х до начала 2000-х годов (по данным исследования, проведенного Forrester Research) [3; 4]. Кроме того, при цифровизации банковского дела коммерческими банками Казахстана учитывался мировой опыт наиболее успешных цифровых банков мира, среди которых – польский mBank и российский Тинькофф Банк и другие.

При этом банки второго уровня страны цифровую трансформацию осуществляют на основе систем IBM, а мультиканальность обеспечивается технологиями Backbase, процессом взаимоотношений с клиентами управляет решение от Oracle, за аналитику и безопасность отвечает SAS, а карточный процессинг построен на OpenWay. Иными словами, цифровизация банковского сектора в Республике Казахстан базируется на передовом опыте, имеющемся в мире технологий для создания цифрового банка.

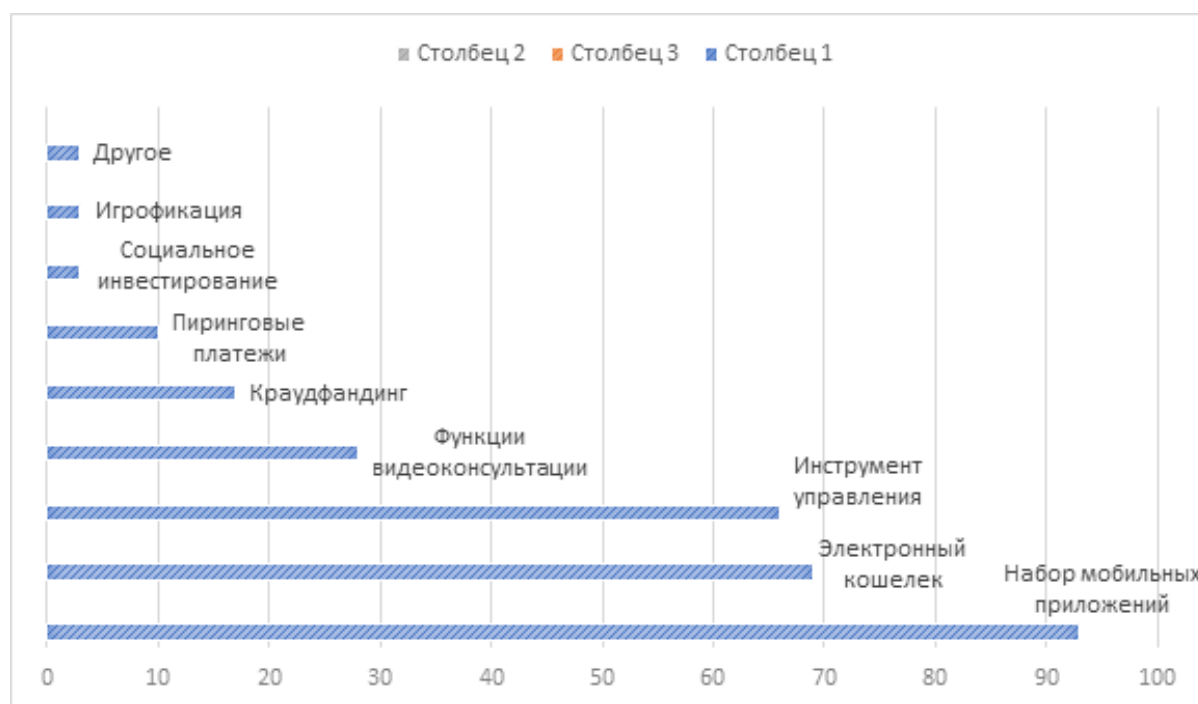

Рисунок 1 – Востребованность новых услуг цифрового банкинга

Ключевым преимуществом цифровых банков является его полная цифровизация: у банка нет офлайн-отделений, а все услуги клиенты будут получать онлайн (открытие счетов и депозитов; круглосуточный доступ ко всем банковским сервисам; переводы друзьям в Facebook и т.д.) [5].

Предпосылки цифровой трансформации коммерческих банков в Республике Казахстан следует дифференцировать на внешние и внутренние (рисунок 2). Как видно из рисунка 2, внешние факторы цифровой трансформации коммерческих банков в Республике Казахстан включают:

- рост популярности мобильных приложений и цифровых каналов среди розничных клиентов за счет развития сервисных услуг (доставка продуктов питания, такси и т.д.);
- развитие и модернизацию мобильных устройств, способствующих росту цифровых технологий во всем мире;
- усиливающуюся конкуренцию со стороны необанков и финтех-компаний;
- пандемию КОВИД-19, сократившую число клиентов, посещающих отделения банков и магазины розничной торговли.

К внутренним факторам цифровой трансформации коммерческих банков в Казахстане следует отнести:

- развитие розничного блока банковских услуг как устойчивого фундамента цифровой трансформации банков;
- хорошую адаптируемость розничного сектора банковского бизнеса к процессу цифровизации (BI-аналитика, роботизированный Soft Collection);

– наличие в стране хороших специалистов в сфере IT;

– повышение потенциала роста процентного и транзакционного дохода банков за счет развития мобильных приложений среди розничного сектора;

– накопление больших объемов клиентских данных, открывающих широкие возможности для их последующей монетизации;

– развитие банков второго уровня в РК и переход от универсальной банковской модели к розничной модели с передовой технологической платформой.

При этом особо следует отметить, что цифровая реальность в Республике Казахстан становится естественной средой для как для банков, так и для клиентов. Так, в Казахстане каждая четвертая покупка непродовольственных товаров приходится на экосистему Kaspi и его маркетплейс, а доля продаж в цифровых каналах Сбербанка России в Казахстане в нашей стране составила 37% [6].

Цифровизация банковского дела в Казахстане предусматривает решение ключевой задачи – выделение бизнеса банков в автономную организационную структуру, позволяющую максимально использовать внутренний потенциал для цифрового рынка, прежде всего, за счет цифровизации розничного сектора и внедрения цифровых продуктов для МСБ и ИП.

Ретроспективный анализ тенденций цифровой трансформации банков в Казахстане показывает, что данный процесс охватывает 3 этапа (рисунок 3).

Рисунок 2 – Предпосылки цифровой трансформации коммерческих банков в Республике Казахстан

На первом этапе предусматривается создание корпоративной карты для МСБ/ИП сегмента и Private Banking, миграция ИТ-систем в ЦБ, Центра анализа розничных рисков внутри ЦБ, разработка продуктовых команд ЦБ, расширение структуры банка на бэк-офисные подразделения ЦБ и др.

Реализация второго этапа включает в себя разработку мобильных приложений и скоринговое кредитование, запуск команды по цифровизации бэк-офиса, миграцию SAS, NPS, Oracle и др., автономное принятие решений Цифрового комитета в рамках матрицы полномочий, обновление системы мотивации по результатам внедрения грейдов в ЦБ, тиражирование системы мотивации на подразделения поддержки, внедрение грейдов и их синхронизация, перевод всех банковских услуг на новую маркетинговую концепцию и т.д.

На третьем этапе предусматривается разработка новых продуктов Цифрового банка, развитие FIS Collection/ “FIS Platform”, КХД, МДМ и т.д., обновление системы грейдов по результатам мониторинга, Assessment персонала по результатам года работы и разработка плана развития и др., причем для ускорения разработки банковских продуктов и повышения их качества Цифровой банк необходимо наделить следующими полномочиями:

- бизнес-планирование и проведение закупок (в рамках лимитов);
- кадровые решения (повышение, прием / увольнение и т.д.);

- финансовая мотивация сотрудников (выплаты премий и бонусов по результатам работы);
- изменение продуктовых параметров.

Необходимо подчеркнуть, что казахстанские банки, как правило, на начальных этапах цифровой трансформации наряду с Цифровым банком сохраняют и аналоговый банк, поскольку они работают по одной банковской лицензии. При этом стратегической задачей будет быстрая разработка и масштабирование цифровых продуктов в сочетании с дальнейшим развитием аналогового бизнеса банка. В дальнейшем в процессе цифровизации банковского дела в казахстанских банках произойдет смещение стратегического фокуса с управления сетью и продажами на управление технологиями и продуктами.

Следует обратить внимание на проблемы, которые будут определять области риска при цифровой трансформации отечественных банков:

- выделение Цифрового банка не позволит решить проблемы, связанные со стабильностью клиентских приложений, цифровой грамотности сотрудников и привлекательности банка;
- наличие сотрудников подразделений поддержки приведет к дублированию функционала и росту численности банка;
- создание Цифрового банка не позволяет решить проблемы износа объектов ИТ-инфраструктуры, качества данных и КХД и других сквозных систем;

Рисунок 3 – Этапы цифровой трансформации банков в Республике Казахстан

– наличие подразделений поддержки (особенно рисков, финансов, комплаенс и юристов) в линейном подчинении руководителя Цифрового банка приведет к конфликту интересов и нарушению принципов системы управления рисками, искажению отчетности.

Для решения вышеуказанных проблем, на наш взгляд, необходимо принятие следующих мер:

– обновление платформенных ИТ-систем и ИТ-инфраструктуры в рамках ИТ-стратегий банка;

– организация работы сотрудников банка вне зависимости от своих функций в цифровых командах, что позволит обеспечить максимальную циркуляцию цифровых знаний между ИТ, бизнесом и подразделениями поддержки;

– организация перемещения большей части клиентских ИТ-систем (Smart bank, credo и т.д.) в Цифровой банк и их поддержка и развитие. Необходима постоянная работа над совершенствованием банковских продуктов, клиентских путей в кросс-функциональных продуктовых командах, что позволит увеличить скорость реакции на инциденты и решения проблем, связанных со стабильностью этих систем;

– разработка зафиксированной программы материальной и нематериальной мотивации, портфеля актуальных цифровых проектов на основе привлечения лучших специалистов в сфере ИТ;

– создание платформенных ИТ-систем и объектов корпоративной инфраструктуры за рамками Цифрового банка;

– периодическое обновление платформенных ИТ-систем и ИТ-инфраструктуры в рамках ИТ-стратегии банка;

– подчинение всех подразделений поддержки в функционально-методологическом аспекте

центрам профильной экспертизы и разработка единой методологии и стандартов как для Цифрового, так и для Аналогового банка;

– формирование штата экспертов, которые в первую очередь будут принимать участие в разработке продуктов, а не в выстраивании системы управления рисками, комплаенс для всего банка;

– выстраивание подразделений поддержки банка, которые отвечают за общий подход к управлению рисками, контролю и т.д. и будут независимы от бизнеса в части принятия решений, что позволит принимать им правильные управленческие решения, а также соблюдать все законодательные акты и нормы.

Заключение. Успешный и клиент-ориентированный переход на цифровые технологии в банковской сфере требует не только крупных инвестиций в ИКТ, но и радикального изменения бизнес-моделей. Как отмечает аналитик из Forbes, «для того, чтобы не отстать от новых технологий и суметь удовлетворить растущие ожидания клиентов, банкам необходимо осознать дух экономики совместного потребления, выйти за рамки регуляторных и технологических ограничений, а также предельно сосредоточиться на своих основных компетенциях в цепочке создания стоимости» [7; 8].

Необходимо отметить, что методом экстраполяции нами были рассчитаны количественные показатели объемов портфеля кредитов самых технологичных розничных банков на основе предыстории их изменений, т.е. дан прогноз объемов цифрового бизнеса на ближайшие 4 года. При этом цифровой бизнес данных банков в розничном секторе банковского рынка Казахстана имеет тенденцию к росту.

Таблица – Прогноз объемов цифрового бизнеса, млрд тенге

Прогноз. период	Каспий Банк	Сбербанк РФ в Казахстане	Евразийский банк	Банк ЦентрКредит	Forte Bank	Банк Хоум кредит
2022 год	1600	630	480	480	465	420
2023 год	1780	680	560	515	500	450
2024 год	1930	720	750	550	530	480
2025 год	2120	800	880	590	568	520

В данном случае задача заключалась в определении полинома, аппроксимирующего имеющийся временной ряд с использованием методов регрессивного анализа и экспоненциального сглаживания, и последующего продлевания аппроксимирующей линии в будущем до 2025 года (таблица) [9–11].

Как видно из таблицы, лидирующие позиции по объему портфеля кредитов будут иметь три коммерческих банка: Каспий Банк – с объемом в 2120 млрд тенге, Евразийский банк – 880 млрд тенге и Сбербанк РФ в Казахстане – 800 млрд тенге. Таким образом, цифровой бизнес Евразийского банка с 2023 года будет значительно опережать Сбербанк РФ в Казахстане и выйдет на вторую позицию на рынке цифровых банковских продуктов в Казахстане.

Подчеркнем, что статистическая обработка данных выполнялась на основе универсальной программы “Excel” и специальной программы “Curve Expert”, которую можно рекомендовать для использования в этих целях как более простую для освоения.

При этом динамика роста портфеля у всех анализируемых коммерческих банков Казахстана соответствует целевым показателям инфляции: 8,0% в 2021 году и 7% – в последующие 3 года. Для повышения точности экстраполяции нами используется такой прием, как корректировка экстраполируемой части общей кривой развития (тренда) с учетом целевых показателей инфляции. Прогнозная экстраполяция базируется на предположении об изменении факторов, определяющих динамику изучаемого процесса: падение общей покупательной способности населения республики из-за пандемии COVID-19 и рост цен на основные товары.

Успех цифровой трансформации казахстанских коммерческих банков в ближайшей перспективе будет зависеть от того, насколько быстро смогут последние сократить «цифровое отставание» от лидеров отрасли из рейтинга Global Finance, стать открытыми для сотрудничества с финтех-компаниями и использовать возможности, которые открываются благодаря быстрому

переходу клиентов на обслуживание с помощью смартфонов.

Все банки в Казахстане переходят на цифровую работу, чтобы остаться конкурентоспособными и соответствовать новым потребностям и ожиданиям клиентов в информационном обществе. При этом ключевым моментом становится соответствие банковского обслуживания постоянно меняющимся требованиям клиентов и цифрового рынка.

Литература

1. Кинг, Б. Почему сегодня банк – это не то, куда вы ходите, а то, что вы делаете / Б. Кинг; пер. М. Мацковской. – М.: Олимп-Бизнес, 2017. – 520 с.
2. The rise of the digital bank [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.mckinsey.com/>. – Date of access: 10.11.2021.
3. EY Global Banking Outlook 2018 [Electronic resource] // Ernst & Young. – Mode of access: https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Global_Banking_Outlook_2018/%24FILE/ey-global-banking-outlook-2018.pdf. – Date of access: 04.11.2021.
4. Banking in a Digital World [Electronic resource] // A.T. Kearney and Efma global retail banking study. – Mode of access: atkearney.com/documents/10192/3054333/Banking%20in%20a%20Digital%20World.pdf/91231b20-788e-41a1-a429-3f926834c2b0. – Date of access: 04.11.2021.
5. Ковалев, М.М. От финтех-компаний – к цифровым банкам / М.М. Ковалев, Г.Г. Головенчик // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2018. – № 8. – С. 13–24.
6. Сайт Национального банка Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nationalbank.kz. – Дата доступа: 15.11.2021.
7. Кюхль, С. Бизнес на равных. Зачем банкам осваивать экономику совместного потребления [Электронный ресурс] / С. Кюхль // Forbes. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/366065-biznes-na-ravnyh-zachem-bankam-osvaivat-ekonomikusovmestnogo>. – Дата доступа: 05.11.2021.
8. Lipton, A. Digital Banking Manifesto: The End of Banks? [Electronic resource] / A. Lipton, D. Shrier, A. Pentland // Massachusetts Institute of Technology. – Mode of access: https://www.getsmarter.com/blog/wpcontent/uploads/2017/07/mit_digital_bank_manifesto_report.pdf. – Date of access: 04.11.2021.
9. Лебедева, И.М. Макроэкономическое планирование и прогнозирование / И.М. Лебедева, А.Ю. Федорова; под ред. А.Ю. Федоровой. – СПб.: Ун-т ИТМО, 2016. – 54 с.
10. Светульников, С.Г. Методы социально-экономического прогнозирования: учебник для вузов / С.Г. Светульников, И.С. Светульков. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – Т. II. – 103 с.
11. Антохонова, И.В. Методы прогнозирования социально-экономических процессов: учеб. пособие для вузов / И.В. Антохонова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2017. – 213 с.

Поступила в редакцию 02.02.2022

Оршанский район как центр экономического роста Витебского региона

Побяржина Т.П.

*Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси Витебский филиал
«Международный университет “МИТСО”»*

В современных условиях возрастает роль территориальных аспектов развития экономических систем как на макро-, так и на мезо-уровне, что вызвано социально-экономическими диспропорциями в региональном развитии. Регулирование экономики, предусматривающее активное государственное участие в данных процессах, связано с определением приоритетов развития регионов, направленных на обеспечение экономического роста.

Степень социально-экономического развития регионов во многом определяется их потенциальными возможностями: состоянием промышленного и сельскохозяйственного комплекса, наличием природных ресурсов, географическим положением, транспортной инфраструктурой, развитием предпринимательского сектора.

Государственными программными документами в Республике Беларусь было определено двенадцать региональных центров экономического роста в Витебском регионе, в том числе Оршанский район.

Цель статьи – изучить специфику Оршанского района, его роль в формировании валового регионального продукта, особенности размещения производительных сил, факторы регионального развития.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили данные Витебского областного статистического управления, государственные программные и нормативные документы, интернет-ресурсы субъектов хозяйствования Оршанского района, местных органов власти, СЭЗ «Витебск», публикации по проблемам региональной экономики и политики. Методы исследования: анализ и синтез, сравнение, графический.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматривается роль Оршанского района как центра экономического роста Витебского региона в формировании валового регионального продукта, дается характеристика промышленного комплекса, транспортной инфраструктуры, внешнеэкономической деятельности, ключевых инвестиционных проектов. Приводятся ссылки на государственные программные документы целевого характера, которые непосредственно связаны с развитием Оршанского района.

Заключение. Оршанский район Витебской области определен государственными программными документами как опорный центр экономического роста Витебского региона, так как имеет мощный производственный потенциал, характеризуется благоприятным географическим расположением, развитой транспортной инфраструктурой. Все происходящие изменения в районе пристально отслеживаются на всех уровнях власти. Предполагается, что произошедшие преобразования в социально-экономической сфере благодаря активной государственной региональной политике будут примером для всех других регионов страны, заинтересованных в своем развитии.

Ключевые слова: регион, центр экономического роста, региональная политика, промышленный комплекс, региональное развитие, модернизация, инвестиционный проект.

Orsha District as a Center of Economic Growth in Vitebsk Region

Pobiarzhina T.P.

*Education Establishment of Belarusian Federation of Trade Unions
“International University of MITSO”, Vitebsk Branch*

In modern conditions, the role of territorial aspects of the development of economic systems, both at the macro and meso levels, is increasing, which is caused by social and economic imbalances in regional development. The regulation of the economy, which provides for active government participation in these processes, is associated with the identification of priorities for the development of regions aimed at ensuring economic growth.

The degree of social and economic development of regions is largely determined by their potential: the state of the industrial and agricultural complex, the availability of natural resources, geographic location, transport infrastructure, and the development of the business sector.

State program documents in the Republic of Belarus determined twelve regional centers of economic growth in Vitebsk Region, including Orsha District.

The purpose of the article is to study the specifics of Orsha District, its role shaping the gross regional product, features of the distribution of productive forces, factors of regional development.

Material and methods. The material for the study was data from the Vitebsk Regional Statistical Office, state program and regulatory documents, Internet resources of business entities of Orsha District, of local authorities, Vitebsk Free Economic Area, publications on the problems of regional economics and regional policy.

Findings and their discussion. The article examines the role of Orsha District as a center of economic growth of Vitebsk Region in shaping the gross regional product, gives a characteristic of the industrial complex, transport infrastructure, foreign economic activity, key investment projects. References are given to state program documents of a targeted nature, which are directly related to the development of Orsha District.

Conclusion. Orsha District of Vitebsk Region is defined by state program documents as a pivotal center for economic growth in Vitebsk Region, as it has a powerful production potential, is characterized by a favorable geographical location, and a developed transport infrastructure. Being in the center of attention, all changes in the area are closely monitored at all levels of government. It is assumed that the transformations that have taken place in the social and economic sphere due to the active state regional policy will be an example for all other regions of the country interested in their development.

Key words: region, center of economic growth, regional policy, industrial complex, regional development, modernization, investment project.

Важности и актуальности региональных проблем в Республике Беларусь отводится особое место в системе государственного управления экономикой, что подтверждается принятием ряда законодательных актов, обеспечивающих гармоничное региональное развитие. Еще в 2000 году в Основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь было определено, что региональная экономическая политика является составной частью государственной макроэкономической политики, направленной на формирование территориальных пропорций и развитие воспроизводственной структуры региона. Кроме того, особое место политике регионального развития отводится в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года.

Основой внутриреспубликанских экономических районов выступают шесть областей и г. Минск. Витебская область обеспечивает около 8% объемов производства республиканского ВВП и находится на третьем месте после Минской и Гомельской по объемам промышленного производства.

Цель – изучить специфику Оршанского района Витебской области, его роль в формировании валового регионального продукта, особенности размещения производительных сил, факторы регионального развития.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили данные Витебского областного статистического управления, государственные программные и нормативные документы, интернет-ресурсы субъектов хозяйствования Оршанского района, местных органов власти, СЭЗ «Витебск», публикации по проблемам региональной экономики и региональной политики. Методы исследования: анализ и синтез, сравнение, графический.

Результаты и их обсуждение. Территориально Витебская область состоит из двух городов областного подчинения и 21 района. До 2013 г. в Витебской области городами областного подчинения являлись Витебск, Новополоцк, Орша и Полоцк. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 14.01.2013 г. № 27 «Об объединении районов и городов областного

подчинения Республики Беларусь, имеющих общий административный центр», Оршанский район и г. Орша объединены в одну АТЕ – Оршанский район с административным центром г. Оршей; Полоцкий район и г. Полоцк – в Полоцкий район с административным центром г. Полоцком.

Согласно Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, Оршанский район Витебской области был определен одним из центров регионального экономического роста [1]. Ключевое отличие принятой Программы от предыдущих, в части региональной политики – это переход от механизмов равномерного развития районов к стратегии концентрации инвестиционных ресурсов в центрах экономического роста, имеющих наиболее высокие характеристики инвестиционного потенциала и наилучшие предпосылки для получения более значимого экономического результата.

Оршанский район занимает 4% территории области, в нем проживает 13% населения и формируется около 13% валового регионального продукта. Свою деятельность на территории района осуществляют почти 130 промышленных предприятий, 15 сельскохозяйственных организаций и 36 фермерских хозяйств.

Экономическую основу района традиционно обеспечивает промышленное производство. В регионе отсутствуют ярко выраженные градообразующие предприятия, но среди крупных и известных следует отметить такие, как РУПТП «Оршанский льнокомбинат», ОАО «Оршанский молочный комбинат», ЗАО «Світанак», ОАО Станкозавод «Красный борец», ЗАО «Экомол Агро», ОАО «Оршанский комбинат хлебопродуктов» и филиал РУПП «Витебскхлебпром», ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат», ДПУП «Орша-СырЗавод».

В частности, предприятие «Экомол Агро» является крупнейшим производителем в республике комбикормов для откорма всех видов сельскохозяйственных животных. Оршанский мясоконсервный комбинат перерабатывает 25% сырья Витебской области, занимает четвертую часть регионального рынка по производству колбасных изделий и мясных полуфабрикатов, един-

ственное предприятие в регионе по производству мясных консервов, а по производству мясных и рыбных консервов для детского питания – монополист в республике. Молочным комбинатом выпускается более 150 номенклатурных позиций продукции по таким группам, как масло сливочное, сыры твердые и полутвердые, майонез, мороженое, цельномолочная продукция. Витебский кондитерский комбинат «Витьба» в Оршанском районе имеет свой филиал «Сладкая страна», который является единственным специализированным предприятием по производству бисквитных рулетов и пирожных. Оршанский льнокомбинат – также единственное в республике предприятие по производству льняных тканей и изделий из них. Станкозавод «Красный борец» обладает необходимой производственной базой как для серийного производства, так и для мелкосерийного, высокоточных плоскошлифовальных и фрезерных станков.

В районе активно проводится модернизация промышленных предприятий, реконструкция и строительство объектов сельскохозяйственного назначения. На Оршанском мясоконсервном комбинате реализуется проект стоимостью почти 15 млн евро, который предусматривает возведение цеха убоя скота, очистных сооружений, создание необходимой инфраструктуры и обеспечение технологическим оборудованием. Мощности цеха составляют 60 голов свиней и 40 голов КРС в час, это 49 тонн мяса в смену. Весь объем работы по убою скота планируется осуществлять на новой площадке, возможности которой позволят обеспечить сырьем весь производственный цикл комбината. Объект уже называют предприятием нового поколения, он будет соответствовать высочайшим санитарным и ветеринарным требованиям, что откроет перед предприятием возможности выхода на рынки дальнего зарубежья, включая мусульманские страны. Ожидается, что с вводом цеха в эксплуатацию объем выручки комбината возрастет примерно в 2 раза.

Значимый проект по увеличению выпуска подовых хлебов в 1,5 раза реализован на Оршанском хлебозаводе. Предприятие приобрело новую автоматизированную линию чешского произ-

водства мощностью 14 тонн продукции в сутки, на которой выпускаются ржано-пшеничные хлеба. Объем инвестиций составил 2 млн рублей.

С 2007 по 2017 год на Оршанском льнокомбинате прошло два этапа глубокой технической модернизации всего производственно-технологического процесса. С 2018 года осуществляется третий этап модернизации, который затрагивает как отдельные участки фабрики, так и швейное производство. Он направлен на повышение объемов переработки короткого льноволокна, увеличение объемов швейного производства и расширение товаропроводящей сети. В настоящее время у предприятия работает 19 фирменных магазинов по территории республики под брендом «Белорусский лен», в планах – довести количество фирменных магазинов до 50 единиц. До конца 2023 года планируется закупка и установка 165 единиц оборудования. Объем инвестиций составит 56,7 млн руб. Весь технологический комплекс обновленного оборудования позволит предприятию значительно расширить ассортимент выпускаемых тканей, улучшить их качество и потребительские свойства, сократить сроки выполнения заказов, расширить рынки сбыта продукции, повысить конкурентоспособность.

В 2020 году на базе Оршанского молочного комбината создано предприятие «Савушкин-Орша». Практически с нуля за год построена новая высокотехнологичная производственная площадка, соответствующая всем международным стандартам по обеспечению качества и безопасности выпускаемой продукции. Площадка специализируется на производстве свежих сыров под брендами «Савушкин» и Sveza. Стартовая мощность предприятия – 20 тонн сыра в сутки. Общая сумма инвестиционных затрат составила 41,3 млн долларов. Планируется запуск и других видов сыров, таких как «Адыгейский», «Ольтермани», «Кавказский», «Моцарелла». На производственной площадке в Копыси специалисты группы компаний «Савушкин продукт» совместно с европейскими сыроделами приступили к разработке элитных видов крафтовых сыров, которые изготавливают вручную. К концу 2021 года планируется нарастить производственные мощности по сырам до 600 тонн в сутки [2].

Таблица 1 – Закрепление оршанских предприятий за крупными белорусскими холдингами

Название предприятия	Головное предприятие холдинга
ОАО «Завод приборов автоматического контроля»	ОАО «Белорусский автомобильный завод»
ОАО «Оршанский инструментальный завод»	ОАО «Минский тракторный завод»
ОАО «Легмаш»	ОАО «Белорусский металлургический завод»

До недавнего времени ряд предприятий машиностроительного комплекса в районе были проблемными, так как некогда работали на заказы СССР и последние 20 с лишним лет, сокращая объемы производства и не обновляя производственной базы, дошли практически до кризисного состояния. Однако на уровне высшего руководства страны было принято решение закрепить эти предприятия за крупными холдингами, подведомственными Министерству промышленности Республики Беларусь (таблица 1).

Благодаря поддержке крупных предприятий, указанных в таблице 1, в настоящее время на оршанских заводах машиностроительного комплекса реализуются перспективные инвестиционные проекты по созданию современных производств, позволяющих выйти на новый технологический уровень, освоить выпуск импортозамещающей и экспортоориентированной продукции. Так, например, холдингом ОАО «БелАЗ» на территории ОАО «Завод приборов автоматического контроля» реализуется с «нуля» инвестиционный проект сроком до 2023 года стоимостью

80 миллионов евро по кольцераскатному производству и выпуску станций обезжелезивания воды. Проект является импортозамещающим.

Одним из приоритетов развития Оршанского района является сельскохозяйственное производство, которое обеспечивает промышленные перерабатывающие предприятия местным сырьем и формирует продовольственную безопасность региона. В 2020 году завершено строительство следующих объектов:

- ОАО «Агрокомбинат “Юбилейный”» запустил современный автоматизированный молочно-товарный комплекс «Купалинка» на 2 тыс. голов;

- РПУП «“Устье” НАН Беларуси» реализовало инновационный проект по сдаче комплекса для подготовки семян сельскохозяйственных культур объемом 10000 тонн в год, а также сдало в эксплуатацию молочно-товарную ферму с замкнутым циклом на 1 тыс. голов дойного стада, где планируется проведение научных экспериментов по отработке перспективных технологий в молочном скотоводстве.

Таблица 2 – Резиденты СЭЗ «Витебск» в Оршанском регионе

№ п/п	Название субъекта хозяйствования	Сфера деятельности	Виды продукции (услуг)
1	РУПТП «Оршанский льнокомбинат»	Легкая промышленность	Льняные ткани и изделия из них
2	ОАО «Техника связи», г. Барань	Радиоэлектроника	Средства радиосвязи, бронезащиты; телекоммуникационное оборудование
3	ИООО «ЛИНПАК Пекеджинг Ист»	Химическая промышленность	Лотки из вспененного полистирола для пищевой промышленности
4	ООО «Грузовая служба-Запад»	Транспорт и логистика	Транспорт и логистика
5	ОАО «Оршанский авиаремонтный завод»		Выполнение капитального ремонта вертолетов
6	ОАО «Завод “Легмаш”»	Машиностроение	Детали, агрегаты для металлургии, автомобилестроения, строительства, энергетики
7	ООО «Цилиндерс-Бел»		Бесшовные стальные баллоны для хранения технических газов, дыхательных смесей, газированных напитков
8	СООО «Манули Гидравликс Мануфактуринг Бел»		Рукава высокого давления, в том числе для экстремальных режимов работы
9	ОАО «Оршанский инструментальный завод»		Металлообрабатывающий инструмент для станков сверлильной и токарной группы
10	ОАО «Оршаагропромаш»		Плуги для с/х работ, вакуумные машины для транспортировки жидких удобрений, прицепы, коммунальные поливочные машины
11	ООО «Виктмар-Плюс»	Деревообработка	Производство пеллетных гранул и деревянных трапов

В текущем периоде ОАО «Витебскмясомолпром» ведутся работы по строительству молочно-товарной фермы на 2 тыс. голов дойного стада около д. Чурилово и репродуктора на 5 тыс. голов свиноматок в д. Горяны.

Мероприятия по реконструкции и модернизации запланированы и на других производствах с ориентацией на создание мощного оршанского промышленного кластера, что в итоге положительно скажется как на экономике района, так и на повышении благосостояния населения.

Благоприятные экономические условия для осуществления хозяйственной деятельности в районе обеспечивает зона со специальным таможенным и налоговым режимом. Из 16 секторов СЭЗ «Витебск» – пять (9, 10, 11, 13 и 16 сектора) находится в Оршанском регионе, резидентами которых являются 11 субъектов хозяйствования (таблица 2).

Как свидетельствуют данные таблицы 2, резиденты СЭЗ «Витебск» в Оршанском регионе осуществляют деятельность в различных отраслях экономики, причем наибольшая их часть сконцентрирована в достаточно высокотехнологичной сфере – металлообработка и приборостроение. Продукция многих из перечисленных предприятий является уникальной и не имеет аналогов в Республике Беларусь. На территории СЭЗ зарегистрированы компании не только с белорусским капиталом, но и с зарубежным. Учредителем одного из предприятий – ИООО «ЛИНПАК Пекеджинг Ист» – является английская компания «Linpac Packaging», которая представлена по всему миру 14 заводами. С участием иностранного капитала из Италии работает СООО «Манули Гидравликс Мануфактуринг Бел». Основной акционер ООО «Цилиндерс-Бел» – чешская компания «Cylinders Holding». Присутствие европейских компаний на региональном рынке говорит о его привлекательности для зарубежных инвесторов с целью ведения совместного бизнеса. Условия СЭЗ позволяют повышать технологический уровень производства, реализовывать высокотехнологичные проекты, решать вопросы эффективности использования производственных площадок, увеличения объемов производства продукции, наращивания экспортного потенциала, снижения напряженности на местном рынке труда.

Производимая в районе продукция имеет экспортную направленность, более 50% от объемов производства поставляется на экспорт. Наибольшим спросом на внешних рынках пользуются товары РУПТП «Оршанский льнокомбинат», ОАО «Оршанский молочный комбинат», ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат, ЗАО «Світанак», ОАО «Птицефабрика «Оршанская»». Крупные предприятия имеют свою товаропроводящую сеть

за рубежом. РУПТП «Оршанский льнокомбинат» имеет три субъекта собственной сети в дальнем зарубежье (Эстония, Польша, Сербия) и четыре субъекта в ближнем зарубежье (по два в Российской Федерации и Украине). У ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» – четыре представительства на территории Российской Федерации и по одному в Украине и Казахстане. ОАО Станкозавод «Красный борец» подписан 31 дилерский контракт. Станки завода работают в 115 странах мира.

Устойчивое экономическое развитие Оршанского региона определяет выгодное географическое положение. Оршанский район является одним из самых важных транспортных узлов страны. Имеющаяся транспортная инфраструктура позволяет полноценно осуществлять как внутриреспубликанские, так и международные автомобильные и железнодорожные перевозки. К основным транспортным конкурентным преимуществам района можно отнести:

- на территории района пересекается два трансевропейских транспортных коридора № 2 (Берлин–Варшава–Минск–Москва–Нижний Новгород) и № 9 (Хельсинки–Санкт-Петербург–Витебск–Гомель–Киев–Александруполис (Греция));
- через территорию района проходят международные автомобильные трассы М 1 / Е 30 и М 8 / Е 95;
- имеется крупный железнодорожный узел международного значения, через который проходят маршруты грузопотоков в рамках инициативы «Великий шелковый путь»;
- аэродром, расположенный на территории ОАО «Оршанский авиаремонтный завод», в 2020 году получил сертификат годности для приема различных типов воздушных судов, в том числе международного значения.

С учетом вложенных средств в развитие оршанской инфраструктуры авиаперевозок Министерством транспорта и коммуникаций Республики Беларусь принято решение в 2021 году усиленно работать над поиском резервов и развитием грузовых авиаперевозок с эффективным использованием потенциала авиационных структур. Развитая сеть международных транспортных коридоров, с одной стороны, выполняет внешнеэкономические функции (экспорт услуг, связанный с обслуживанием международных транспортных потоков), а с другой – приносит социально-экономические эффекты конкретной территории в виде роста занятости населения, доходов бюджета и укрепления конкурентоспособности региона.

В числе факторов, определяющих развитие транспортно-логистической инфраструктуры не только Оршанского региона, но и Республики Беларусь в целом, следует отметить реализацию круп-

ного инвестиционного проекта по строительству мультимодального промышленно-логистического комплекса в д. Болбасово «Бремино-Орша». Указ Президента Республики Беларусь о создании комплекса был подписан еще в 2015 году. До 2023 года на двух участках общей площадью 230 гектаров должен быть создан крупнейший мультимодальный логистический центр страны [3].

В настоящее время введена в эксплуатацию первая и вторая очереди строительства. А это подъездные пути, два складских помещения класса А площадью 13 и 10 тыс. м², административно-бытовой корпус, стоянки для грузовых и легковых автомобилей почти на 250 машино-мест, железнодорожный терминал для обработки транзитных грузов. Кроме того, концепцией комплекса предусмотрено развитие коммерческого сектора с организацией производства потребительских товаров и созданием международного торгового городка по принципу многоканальности с использованием физических и цифровых средств коммуникаций. В планах создание одного из самых крупных логистических кластеров на европейской части ЕАЭС (запуск сухого порта, цветочного, маркировочного и фармацевтических хабов, организация электронной торговли и системы почтовых отправок) [4].

Один из приоритетов развития Республики Беларусь – это создание интеллектуальной страны с активным внедрением информационных технологий. В рамках Программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы особое внимание отводится центрам экономического роста, в том числе и Оршанскому району. По Программе планируется создание и развитие инфраструктуры умных городов. Данные проекты предполагают обеспечить охват 99% населенных пунктов района услугами сотовой связи четвертого (4G) и пятого поколения (5G), внедрение современных информационных технологий в реальный сектор экономики в соответствии с концепцией четвертой стадии промышленной революции – «Индустрия 4.0».

В целях интеграции Республики Беларусь в международные логистические схемы товародвижения, а также развития Оршанского региона и привлечения прямых иностранных инвестиций был подписан Указ Президента Республики Беларусь № 106 от 21.03.2019 года «О создании особой экономической зоны “Бремино-Орша”» [5]. Резиденты особой экономической зоны могут пользоваться специальным правовым режимом, сроком действия на 50 лет.

Особый статус центра экономического роста и повышенное внимание к социально-экономическому развитию Оршанского региона было обеспечено за счет целенаправленного принятия

Президентом Республики Беларусь Указа № 506 от 31.12.2018 года «О развитии Оршанского района Витебской области», которым утверждается программа развития региона на период до 2023 года [6]. В программу включен ряд мер экономического, финансового, налогового, административного характера, направленных на комплексное социально-экономическое развитие региона, стимулирование предпринимательской и инвестиционной активности, рост уровня и качества жизни населения, рост доходов местного бюджета.

Заключение. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы среди приоритетов государственной экономической политики остается развитие сильных регионов страны с комфортными и безопасными условиями жизни и труда населения, качественной и доступной социальной инфраструктурой, высокой мобильностью, инвестициями в новые производства и производительной занятостью [7]. Все происходящие изменения в Оршанском районе пристально отслеживаются на всех уровнях власти. Предполагается, что произошедшие преобразования в социально-экономической сфере благодаря активной государственной региональной политике будут примером для всех других регионов страны, заинтересованных в своем развитии. Однако выполнение намеченных задач будет зависеть от сохранения макроэкономической стабильности в стране и эффективности функционирования национальной экономики в целом.

Литература

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/Programma-2020.pdf>. – Дата доступа: 20.01.2021.
2. Турок, А. Основа всего – эффективная экономика / А. Турок // Витьбичи. – 2020. – 29 авг. – С. 1.
3. О создании мультимодального промышленно-логистического комплекса [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь № 334 от 21.07.2015 г. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/type-Указ/334-21.07.2015.htm. – Дата доступа: 20.01.2021.
4. Турок, А. Пилотный проект как пример для других / А. Турок // Витьбичи. – 2020. – 12 сент. – С. 2.
5. О создании особой экономической зоны «Бремино-Орша» [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь № 106 от 21.03.2019 г. – Режим доступа: <http://www.bremino-sez.by/docs/>. – Дата доступа: 18.01.2021.
6. О развитии Оршанского района Витебской области [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь № 506 от 31.12.2018 г. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/o-razvitii-orshanskogo-rayona-vitebskoy-obl/>. – Дата доступа: 18.01.2021.
7. Основные положения проекта Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/Osnovnye-polozenija-proekta-PSER-na-2021-2025.pdf>. – Дата доступа: 16.01.2021.

Поступила в редакцию 08.02.2022

Концепция асимметричной информации: содержание, последствия и пути их минимизации для подрядчика на рынке строительно-монтажных работ

Костюкова С.Н.¹, Пашкевич Н.А.²

¹Белорусский государственный университет

²Белорусский национальный технический университет

Статья посвящена исследованию проблемы асимметричной информации, возникающей между заказчиком и подрядчиком на рынке строительно-монтажных работ. Выявлены типы асимметрии информации и условия, при соблюдении которых можно говорить о прозрачности информационного поля на преддоговорной стадии между заказчиком и подрядчиком в строительстве. На рынке строительно-монтажных работ организация-заказчик располагает более полной информацией о подрядчике: о финансово-экономическом состоянии, о штате сотрудников, о предыдущих реализованных проектах, оказанных услугах и отзывах о его работе. Это обстоятельство закреплено на законодательном уровне. В то время как подрядчику указанная информация недоступна. В этой связи у подрядчика возрастают риски потери ликвидности и нехватки оборотных средств для осуществления деятельности, получения убытков.

Цель работы – на основе изучения концепции асимметричной информации на рынке строительно-монтажных работ выявить ее последствия для подрядчика и предложить пути их минимизации.

Материал и методы. В основу научного исследования положены труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. В работе использованы следующие методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, опрос, методы статистической обработки данных.

Результаты и их обсуждение. В целях снижения последствий асимметричности информации для подрядчика авторами проведен опрос 211 организаций-заказчиков. Результаты опроса показали, что большинство (в среднем до 75% опрошенных респондентов) готовы предоставить интересующую информацию подрядчику, что позволит работать на принципах открытости и прозрачности; в среднем 82% респондентов считают возможным обсуждение изменения твердой договорной цены с подрядчиком, что поможет в решении многих споров при приемке выполненных работ и даст гарантии подрядчику на полное возмещение затрат; абсолютное большинство респондентов согласны на оказание содействия в организации совместной работы с подрядчиком и другими структурами для реализации строительно-монтажных работ в срок и с минимальными отклонениями от проекта.

Заключение. Проведенный опрос подтвердил гипотезу о готовности заказчиков предоставить необходимую информацию подрядчику. Это позволит существенно снизить асимметрию информации на преддоговорной стадии заключения договора строительного подряда между подрядчиком и заказчиком и риски потери ликвидности и получения убытков в будущем подрядчиком.

Ключевые слова: концепция асимметричной информации, рынок строительно-монтажных работ, управление рисками подрядчика в строительстве, организации-подрядчики, организации-заказчики.

The Concept of Asymmetric Information: Contents, Consequences and Ways to Minimize Them for the Contractor in the Market of Installation and Construction Works

Kostiukova S.N.¹, Pashkevich N.A.²

¹Belarusian State University

²Belarusian National Technical University

The articles centers round the study of the issue of asymmetric information, which arises between the customer and the contractor in the installation and construction works market. Information asymmetry types as well as conditions for the information field transparency at the pre-contract stage between the customer and the contractor in construction are identified. The customer company in the installation and construction market has more complete information about the contractor: the financial and economic state, the staff, the previous projects, services and reviews about the work. At the same time, this information is inaccessible for the contractor. Thus, the contractor's risks of losing liquidity and lack of current assets as well as losses risk grow.

The research purpose is to identify consequences for the contractor of asymmetric information in the installation and construction market on the basis of a study of its concept and to propose ways of these consequences' minimization.

Material and methods. The research is based on works by Russian and foreign scholars, normative and legal acts of the Republic of Belarus. Methods of cognition, analysis and synthesis, comparison, questionnaires as well as statistic data processing were used.

Findings and their discussion. To reduce consequences of information asymmetry for the contractor the authors conducted a questionnaire of 211 customer companies. The questionnaire results indicate that the majority (up to 75% of those questioned) are ready to give the information the contractor is interested in, which provides openness and transparency in work; about 82% of the respondents consider it possible to discuss the change of the contract price with the contractor, which helps to manage disagreements in accepting the performed work and guarantees the contractor with the complete compensation of his expenditures; the absolute majority of the respondents are ready to render assistance in setting up joint work with the contractor and other institutions to timely finish the installation and construction works with minimum deviation from the project.

Conclusion. The conducted questionnaire confirmed the hypothesis about the customer's readiness to provide the contractor with the necessary information. This will make it possible to considerably decrease information asymmetry at the pre-contract stage of the construction agreement between the customer and the contractor and liquidity loss risks as well as the contractor's future lesions.

Key words: the concept of asymmetric information, the market of installation and construction works, contractor's risk management in construction, contractor companies, customer companies, questionnaire.

В современных условиях та-кой ресурс, как информа-ция, является важнейшим в любой сфере экономики. Каждый субъект эконо-мики владеет ограниченным массивом инфор-мационных ресурсов. Такой феномен может быть обусловлен разными условиями: спецификой от-расли, конфликтом интересов в отрасли между хозяйствующими субъектами, наличием тенево-го рынка и недобросовестной конкуренции на нем и др. При идентификации специфики работы в определенной отрасли можно аргументиро-вать присутствие так называемой несовершенной конкуренции, при работе в которой информация, как правило, представляется не в полном объ-еме. При осуществлении хозяйственной деятель-ности в той или иной отрасли наличие большего или меньшего объема информации вполне может сыграть ключевую роль в решении тех или иных вопросов [1, с. 94].

В данном исследовании речь пойдет о строи-тельной отрасли, в которой можно наблюдать, что при проведении закупок организацией-заказ-чиком как раз и возникает эффект асимметрич-ной информации: организация-заказчик может иметь доступ к документам строгой финансовой и нефинансовой отчетности организации-подряд-чика, тем самым имеет возможность установить его финансово-экономическое состояние, каче-ство производимых работ, оказанных услуг за конкретный промежуток времени, в то время как организация-подрядчик, выставляя свое конкурс-ное предложение на закупки, не имеет доступа к массиву информации об организации-заказчи-ке, что, в свою очередь, повышает уровень риска заключения заведомо невыгодной и убыточной сделки и вызывает необходимость в организации управления рисками организации-подрядчика.

Строительство – это разносторонний много-ступенчатый процесс, в котором участвует множе-ство субъектов хозяйствования, непосредственно занятых в строительной отрасли. Они выполня-ют различные функции: заказчика, подрядчика,

проектировщика в строительной деятельности. Риски, которые несут субъекты хозяйствования в строительной отрасли, имеют всеобъемлющий характер. Как правило, организация-заказчик оза-бочена вопросом о финансово-экономическом состоянии организации-подрядчика, чтобы обезо-пасить себя от наступления рисков, к примеру, не-выполнения строительно-монтажных работ, сры-ва сроков строительства либо хищения денежных средств, которые были выданы организации-под-рядчику после заключения договора строительно-го подряда [2]. Однако организации-подрядчику также крайне важно знать о финансово-экономическом состоянии организации-заказчика, чтобы предотвратить наступление рисков, таких как не-дополучение денежных средств после выполне-ния работ, оказания услуг, консервация объекта строительства по инициативе организации-заказ-чика и другое, убыточность.

Проблемы в строительстве, в т.ч. связанные с убыточностью строительных организаций, изу-чают в своих трудах такие российские ученые, как Г. Азоев, И. Ансофф, Р. Арчибальд, О. Виханский, В. Кайсарова, А. Панкрухин, Д. Савенков, С. Смо-ляк, В. Тамбовцев, А. Трачук; отечественные – Е. Адамов, И.А. Воронин, А. Гапоненко, О.С. Го-лубова, Е.В. Ермакова, Г.А. Пурс; зарубежные – Дж. Кендалл и др. Исследованию рисков в стро-ительной отрасли, их систематизации, методи-кам выявления, идентификации и управления (предупреждения) рисками посвящены работы российских авторов: В. Авдийского, О. Голосова, П. Грабового, Ф. Гурвича, Л. Евланова, В. Ивано-ва, Н. Капустиной, Р. Качаловой, Г. Клейнера, Э. Короткова, В. Коссовой, Е. Котляровой, В. Макарова, Т. Матаева, М. Мельник, А. Мурзи-на, М. Мусина, А. Ряховской, А. Шапкина, А. Ше-ремета, Р. Федосовой и отечественных ученых – И. Балабановой, Е. Богомоловой, Т. Водоносковой, Ю. Дмитриева, Н. Самаль, Ю. Цыгалова и др.

Не умаляя важности проделанной работы, следует отметить, что в их исследованиях опреде-лены теоретико-методологические основы про-

ведения мониторинга в целях выявления факторов риска, предупреждения негативных событий и их последствий, а также раскрываются методики и модели управления рисками без привязки к строительной отрасли.

Более того, область научных изысканий ученых, о которых упоминается выше, не включает в себя рассмотрение проблемы асимметрии информации на преддоговорной стадии закупок в строительной отрасли, а также ими не исследуются пути снижения асимметрии информации и пути минимизации рисков, которые могут наступить при возникновении данной проблемы.

В этой связи цель работы – на основе изучения концепции асимметричной информации на рынке строительно-монтажных работ выявить ее последствия для подрядчика и предложить пути их минимизации.

Материал и методы. В основу научного исследования положены труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. В работе использованы следующие методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, опрос, методы статистической обработки данных.

Результаты и их обсуждение. В экономической литературе понятие «асимметрия информации» формулируется как недостаток информации о потенциальном партнере при оформлении договора, следствием чего является несостоятельность рынка [3, с. 63–64].

Данная концепция имеет место и на рынке строительно-монтажных работ. В данном случае партнерами договорных отношений будут выступать организация-заказчик и организация-подрядчик, которые планируют заключение договора строительного подряда, в случае победы на закупках подрядчика. Прежде всего, следует определить функции заказчика. Особое внимание уделим раскрытию разницы между действующими в строительстве субъектами – заказчиком и инвестором.

Согласно Закону № 419-З, «заказчиком является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие государственную закупку, в том числе через обособленное подразделение юридического лица (включая филиал либо представительство), уполномоченное от имени этого юридического лица» [4]. В то время как в постановлении № 563 «инвестор – это единое юридическое или физическое лицо, осуществляющее от своего имени или от имени группы вкладчиков вложения (инвестиции) собственных, заемных (кредитов) или иных имущественных и интеллектуальных привлеченных ценностей в новое строительство или реконструкцию объекта не-

движимости в объеме полного финансирования и обеспечивающее их полное использование для ввода объекта в эксплуатацию» [5]. В этой связи понятие «заказчик» не равно понятию «инвестор» с точки зрения выполняемых ими функций.

При этом следует отметить, что на практике заказчик может одновременно выполнять и функции инвестора, тем самым осуществляя деятельность своими силами и за свой счет. В данном исследовании предполагается, что заказчик выполняет функции инвестора в том числе, а значит понятие «заказчик», в данном случае, равнозначное понятию «инвестор».

Рассмотрение понятия «асимметрия информации» в строительной отрасли базируется на ряде условий:

- при организации процедуры закупок целью организации-заказчика выступает поиск организации-подрядчика для реализации строительно-монтажных работ и оказания услуг;

- при выдвижении своего предложения для участия в закупках организация-подрядчик надеется только на получение объемов работ, не зная, с кем придется работать, так как информация о показателях в документах, в том числе о финансово-экономическом состоянии организации-заказчика ему недоступна. Также организация-подрядчик не знает, каким способом и кто будет осуществлять финансирование проекта, который выставляют на процедуру закупок.

Отсутствие у организации-подрядчика достаточного объема информации о финансово-экономическом состоянии организации-заказчика может привести к возникновению следующих рисков:

- неполучение расчета за выполненный объем работ;

- потеря ликвидности и нехватки оборотных средств для выполнения СМР собственными силами;

- ухудшение своего финансово-экономического состояния, потеря хорошей репутации для дальнейшего осуществления работ и др.

Исходя из этих условий, можно сказать, что информационная составляющая является важной и неотъемлемой частью работы рынка строительно-монтажных работ.

Экономическая информация по своей природе эндогенна, она генерируется только в процессе общения и взаимодействия экономических субъектов. Следовательно, распространение достоверной информации не происходит «автоматически». При этом одни субъекты распространяют определенную информацию наиболее достоверно, другие – стремятся скрыть какую-то ее часть или преподнести таким образом, чтобы улучшить свое положение.

По мнению С.С. Каменевой, «асимметрия информации на рынке строительно-монтажных работ имеет следующие характеристики:

1) двусторонний характер, т.е. при заключении договора строительного подряда субъекты отношений не обладают полной информацией друг о друге, что увеличивает риски потерь;

2) намеренное скрывание части информации как заказчиком, так и подрядчиком с целью увеличения преимуществ заключения договора строительного подряда;

3) изменение взаимодействия субъектов отношений после заключения договора строительного подряда в связи с изменением продукта в процессе его возведения, строительства, реализации» [6, с. 106].

На практике выделяют два типа асимметрии информации: скрытые характеристики и скрытые действия. Скрытые характеристики предполагают ситуацию, когда одна из сторон рыночной сделки располагает более полной информацией, чем другая, т.е. неравномерное распределение информации.

На рынке СМР организация-заказчик располагает более полной информацией о подрядчике: о финансово-экономическом состоянии, о штате сотрудников, о предыдущих реализованных проектах, оказанных услугах и отзывах о его работе. Это обстоятельство находит подтверждение в законодательных актах. В постановлении Совета Министров Республики Беларусь № 88 «Об организации и проведении процедур закупок товаров (работ, услуг) и расчетах между заказчиком и подрядчиком при строительстве объектов» приводится следующий перечень документов, предъявление которых может потребовать организация-заказчик при проведении предварительного квалификационного отбора участников при размещении заказов на выполнение предпроектных, проектных и изыскательских работ:

– «...подтверждение наличия сотрудников участника, привлекаемых для выполнения предмета заказа, и их профессионально-квалификационный состав (с указанием времени работы по специальности и их специализации, наличия квалификационного аттестата, выданного в установленном порядке, если такой аттестат требуется в соответствии с законодательством);

– наличие у участника материально-технической и информационной базы, лицензионного программного обеспечения;

– способность участника выполнить весь комплекс предпроектных, проектных и изыскательских работ собственными силами или сведения о видах работ и привлекаемых для их выполнения субподрядчиках (в случае необходимости);

– наличие реализованных (нереализованных) аналогичных проектов, сопоставимых по виду и объему;

– наличие реализованных проектов по уникальным и представительским объектам за последние три года;

– наличие у участника опыта работы в стране, где планируется строительство объекта;

– наличие системы менеджмента качества, подтвержденной сертификатом соответствия, выданным в Национальной системе подтверждения соответствия Республики Беларусь;

– деловая репутация участника (отзывы заказчиков о качестве и соблюдении сроков выполнения работ, предусмотренных в соответствии с договором, сведения о наличии заключений органов государственной экспертизы или отказах в их выдаче за последние два года);

– наличие специального оборудования (машин и механизмов), обеспечивающего выполнение заказа;

– сведения об изменениях, вносимых в наименование участника, правопреемстве, периоде осуществления проектной и изыскательской деятельности» [7].

Скрытые действия имеют место в том случае, когда владеющий более полной и достоверной информацией субъект рыночной сделки может осуществлять действия, которые не могут проследиться менее информированным субъектом.

К примеру, организация-заказчик может потребовать документацию, подтверждающую финансово-экономическое состояние потенциальных подрядчиков, либо запросить первичные документы строгой финансовой отчетности для определения финансово-экономического состояния подрядчика собственными силами, что поможет в выборе победителя закупок. При этом организация-подрядчик, даже после заключения договора строительного подряда, находится в полном неведении о финансово-экономическом состоянии заказчика, поскольку не может потребовать у заказчика документы строгой финансовой отчетности.

Второе обстоятельство заключается в том, что наличие асимметрии информации создает возможность для злоупотребления ею, т.е. для недобросовестного поведения. Со стороны организации-заказчика можно наблюдать преднамеренное изменение условий договора строительного подряда, например, в следующих случаях, когда организация-заказчик:

– намеренно отодвигает дату окончательного расчета либо выдачу аванса в оговоренном размере, но не превышает срок, установленный договором строительного подряда;

- осуществляет чрезмерный контроль хода строительства, использования материалов, машин и механизмов организацией-подрядчиком;

- изменяет условия оплаты строительно-монтажных работ после заключения договора: оплачивает вместо 50% всего, к примеру, 30% стоимости строительно-монтажных работ, ссылаясь на различные причины;

- изменяет способы финансирования после заключения договора и др.

Недобросовестные действия заказчиков находят подтверждение в практике Экономического Суда Республики Беларусь. По данным Экономического Суда Республики Беларусь, за 2018 год судом рассмотрено 401 дело, вытекающее из договоров строительно-монтажного подряда. Также судом было рассмотрено 65 дел, вытекающих из договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ.

За отчетный период по делам, вытекающим из договоров строительно-монтажного подряда, была открыта 221 примирительная процедура, из них 138 – завершены в связи с урегулированием спора, что составило 62%, что свидетельствует о стремлении и заинтересованности субъектов хозяйствования в сохранении деловых отношений [8].

На рынке строительно-монтажных работ наряду с неблагоприятным отбором организации-подрядчика наблюдается еще одна проблема – морального риска (предполагающая увеличение вероятности нанесения вреда при расчете между организацией-заказчиком и организацией-подрядчиком). Примером морального риска служит ситуация, при которой организация-заказчик является так называемой организацией-однодневкой – организацией, созданной исключительно с целью уклонения от уплаты налогов, мошеннических операций. Организации-однодневки – это контрагенты, которые ведут свою деятельность только «на бумаге». Как правило, единственным результатом их работы становится сокращение налогов для их юридических партнеров или расхищение государственных средств [9].

Другим моральным риском может выступить следующее явление: выиграет закупки тот подрядчик, который приступит к работе немедленно и ввиду этого получит первый платеж за выполненный объем строительно-монтажных работ, к примеру, через 90 дней. Наличие такого условия должно насторожить организацию-подрядчика, так как это может свидетельствовать о том, что у организации-заказчика нет финансовых источников и нет гарантии, что денежные средства появятся в ближайшем будущем, соответственно, возникает риск потери ликвидности и нехватки оборотных средств для выполнения СМР собственными силами до момента оплаты работ заказчиком.

Следовательно, можно сказать, что на рынке строительно-монтажных работ эффекты асимметрии информации ведут к негативным тенденциям. Подрядчики, добросовестно осуществляющие свою деятельность, будут либо нести убытки, либо рискуют остаться экономически не состоятельными и будут вынуждены открыть процедуру санации (оздоровления).

При отсутствии асимметричной информации возникновение рассмотренных рисков снижается. Если подрядчики знают о финансово-экономической ситуации заказчиков ровно столько же, сколько и заказчики, т.е. все участники рынка строительно-монтажных работ находятся в равном информационном потоке, это будет способствовать эффективному управлению рисками в строительных организациях.

Решение проблемы ложного выбора на рынке строительно-монтажных работ состоит в ликвидации асимметричности информации. Этого можно добиться, сделав доступной для подрядчиков полную информацию о заказчиках, которые планируют финансирование проекта своими средствами [10, с. 102–103].

В этой связи авторами было проведено исследование в форме опроса организаций-заказчиков об их готовности предъявить интересующую информацию организации-подрядчику, а также документы строгой финансовой отчетности для определения их финансово-экономического состояния.

Согласно поставленной цели исследования в контексте асимметричности информации авторами предлагается разделить организации-заказчики, функционирующие на рынке СМР, как минимум на 3 группы:

группа 1: имеющие работающий сайт, на котором доступна информация об истории компании, о построенных объектах, об организационной структуре, штате и квалификации рабочих, форме собственности и др.;

группа 2: имеющие сайт, на котором не отражена информация, представленная в группе 1;

группа 3: не имеющие сайта или впервые участвующие в закупках (информация об их деятельности недоступна).

В данном исследовании особое внимание будет уделено последним двум группам.

Для снижения асимметрии информации был проведен опрос на базе вопросов анкеты [11, с. 145; 12, с. 42–44], в котором приняли участие организации-заказчики, осуществляющие свою деятельность на рынке СМР.

Опрос осуществлялся методом целевой рассылки по строительным организациям Республики Беларусь. Объем выборки составил 735 организаций из 8332 строительных организа-

ций Беларуси, действующих в Республике Беларусь по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [13]. То есть выборка составила 8,82% подрядных организаций. Ответы получены от 211 организаций, что составляет 28,71% опрошенных, или 2,53% организаций, функционирующих на рынке. При таком количестве ответов организаций в генеральной совокупности анкетироваемых организаций и доверительной вероятности 92,40% ошибка выборки составляет 6,25%.

Опрос организаций-заказчиков проводился по четырем блокам вопросов:

1. Оценка готовности предоставления документов строгой финансовой отчетности организациями-заказчиками.
2. Готовность обсуждать финансовые вопросы, относящиеся к установлению твердых договорных (контрактных) цен, на этапе проведения закупок в строительстве, способом финансирования объектов.
3. Готовность предоставить нефинансовые показатели, касающиеся штатного расписания и перечня реализованных объектов заказчиком.

4. Готовность организации-заказчика оказывать содействие организации-подрядчику в отношении реализации работ, оказания услуг в строительстве.

Далее приведем результаты опроса. Итоги первого блока вопросов «Оценка готовности предоставления документов строгой финансовой отчетности организациями-заказчиками» продемонстрированы на рисунках 1–2.

Из рисунка 1 видно, что 65% респондентов утверждают, что могли бы предоставить организации-подрядчику бухгалтерский баланс для определения своего финансово-экономического состояния. Однако стоит отметить, что суммарно 35% от числа опрошенных организаций-заказчиков не хотели бы предоставить данный документ, что может повысить риск организации-подрядчика при сотрудничестве с данными организациями с точки зрения устойчивости финансово-экономического состояния организаций-заказчиков и своевременной оплаты за оказанные услуги, произведенные работы.

Исходя из рисунка 2, можно сказать, что 61% организаций-заказчиков готовы предоставить

Рисунок 1 – Диаграмма результатов опроса по первому блоку вопросов «Оценка готовности предоставления бухгалтерского баланса организациями-заказчиками»
Источник: авторская разработка.

Рисунок 2 – Диаграмма результатов опроса по первому блоку вопросов «Оценка готовности предоставления отчета о прибылях и убытках организациями-заказчиками»
Источник: авторская разработка.

отчет о прибылях и убытках. При этом 39% от опрошенных респондентов не хотели бы предоставить отчет о прибылях и убытках для определения своего финансово-экономического состояния со стороны организаций-подрядчиков. Одной из причин может быть сокрытие от них реального положения финансово-экономических дел в организации. Тем самым риск, связанный со стабильностью финансово-экономического состояния организаций-подрядчиков, может заметно возрасти.

Результаты ответов на второй блок вопросов «Готовность обсуждать финансовые вопросы, относящиеся к установлению твердых договорных (контрактных) цен, на этапе проведения закупок в строительстве, способам финансирования объектов» представлены на рисунках 3–4.

Рисунок 3 показывает, что 82% опрошенных респондентов считают возможным предоставление информации о способах финансирования реализованных объектов, что может помочь организации-подрядчику спрогнозировать способ финансирования в ходе строительства нового объекта.

Согласно рисунку 4, большинство организаций-заказчиков в строительстве, а именно 83%, открыты диалогу по вопросу пересмотра неизменной договорной цены, так как хорошо понимают риск возрастания стоимости объекта, распределения денежных ресурсов во времени и возможности смещения сроков строительства.

В соответствии с третьим блоком «Готовность предоставить нефинансовые показатели, касающиеся штатного расписания и перечня реализованных объектов заказчиком» были получены следующие результаты (рисунки 5–6).

Исходя из ответов респондентов (рисунок 5), можно констатировать, что 35% из них не готовы предоставить документы о составе штата работников. Это может быть связано со сложностью формирования организационной структуры в той или иной организации либо с сокрытием того факта, что в организации числится только несколько человек, а остальные привлечены для реализации работ, оказания услуг по договору строительного подряда или выведены на аут-

Рисунок 3 – Диаграмма результатов опроса по второму блоку вопросов «Готовность обсуждать финансовые вопросы, относящиеся к способам финансирования объектов заказчиками»
Источник: авторская разработка.

Рисунок 4 – Диаграмма результатов опроса по второму блоку вопросов «Готовность обсуждать финансовые вопросы, относящиеся к установлению твердых договорных (контрактных) цен заказчиками»

Источник: авторская разработка.

сорсинг. С точки зрения организации-подрядчика, сотрудничая с такого рода организациями-заказчиками, есть риск неполучения окончательного расчета за выполненные работы, оказанные услуги ввиду убыточности, реорганизации или ликвидации организации-заказчика.

На рисунке 6 видно, что 97% респондентов готовы предоставить перечень реализованных ими объектов.

Завершает опрос четвертый этап «Вопросы, относящиеся к содействию организации-заказчика в отношении реализации работ, оказания услуг организацией-подрядчиком в строительстве» (рисунки 7–8).

В соответствии с данными рисунка 7, можно заключить, что 92% респондентов считают возможным взаимодействие организации-подрядчика и организации-проектировщика в строительстве. Такое сотрудничество поможет ускорить работу над проектом и минимизировать

риск допущения ошибки организацией-подрядчиком при реализации работ, оказании услуг.

Рисунок 8 показывает, что абсолютное большинство респондентов, а именно 96%, согласны с тем, что договорные отношения между организациями-заказчиками и организациями-подрядчиками следует выстраивать на принципах открытости и прозрачности для достижения взаимовыгодного сотрудничества.

По результатам проведенного опроса можно сделать следующий вывод: асимметрия информации на рынке строительно-монтажных работ носит неблагоприятный характер, она приводит к возникновению ряда проблем у подрядчика: потери ликвидности и нехватки оборотных средств для осуществления деятельности, получения убытков. Инструментами решения данных проблем являются: открытое сотрудничество заказчика и подрядчика; предоставление информации заказчиком о своем финансово-экономиче-

Рисунок 5 – Диаграмма результатов опроса по третьему блоку вопросов «Готовность предоставить состав штата работников организациями-заказчиками»
Источник: авторская разработка.

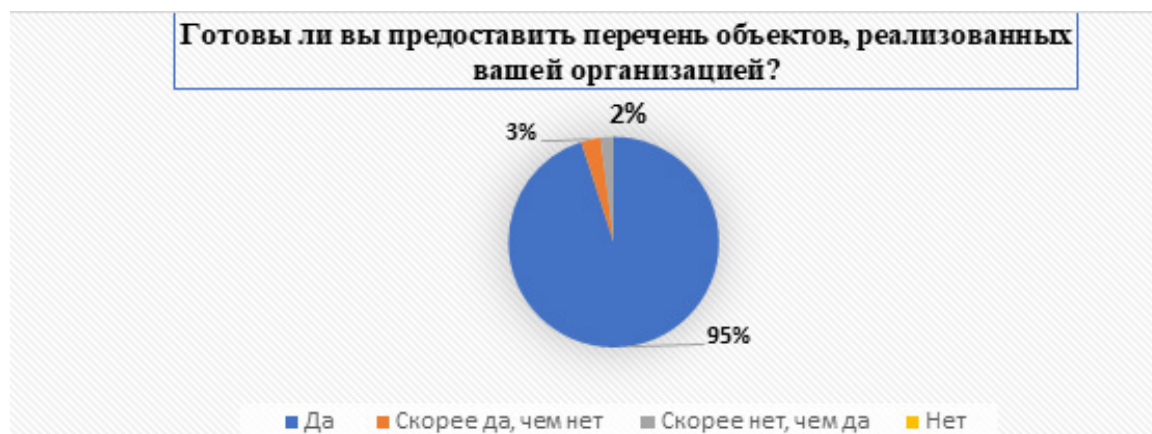

Рисунок 6 – Диаграмма результатов опроса по третьему блоку вопросов «Готовность предоставить перечень объектов, реализованных организациями-заказчиками»
Источник: авторская разработка.

Рисунок 7 – Диаграмма результатов опроса по четвертому блоку вопросов «Готовность организации-заказчика оказывать содействие организации-подрядчику в отношении реализации работ, оказания услуг в строительстве»
Источник: авторская разработка.

Рисунок 8 – Диаграмма результатов опроса по четвертому блоку вопросов «Вопросы, относящиеся к пониманию заказчиком того, что договорные отношения с подрядчиком должны строиться на принципах открытости, прозрачности и взаимовыгодного сотрудничества»
Источник: авторская разработка.

ском состоянии подрядчику во время либо после заключения договора строительного подряда, не-финансовых показателей деятельности, перечне построенных объектов и др.

Заключение. Таким образом, рассмотрение основных вопросов, касающихся такого явления, как асимметрия информации на рынке строительно-монтажных работ, позволило выявить типы асимметричности информации, а также провести анализ основных рисков, которые могут наступить для подрядчика при несоблюдении прозрачности информационного поля заказчиком, вызванные асимметрией информации.

В целях устранения асимметричности информации, а также снижения рисков подрядчика на преддоговорной стадии заключения договора с заказчиком необходимо реализовать определенные действия.

На этапе заключения договора строительного подряда необходимо рассмотреть возможность предоставления документов строгой финансовой отчетности организацией-заказчиком для определения организацией-подрядчиком его финансово-экономического состояния на момент заключения договора. Данный анализ позволит избежать наступления риска получения заведомо невыгодного договора, при котором пострадает финансово-экономическое положение организации-подрядчика, а также его репутация на строительном рынке.

Проведенный опрос подтвердил гипотезу о готовности заказчиков предоставить необходимую информацию подрядчику. Большинство опрошенных респондентов – организаций и представителей организаций-заказчиков в строительстве готовы предоставить информацию о своем

текущем финансово-экономическом положении, нефинансовую отчетность, работать на принципах прозрачности и открытости деловых взаимоотношений. Это позволит существенно снизить асимметрию информации на преддоговорной стадии заключения договора строительного подряда и снизить риски потери ликвидности и получения убытков в будущем подрядчиком.

В процессе дальнейшего исследования необходимо разработать систему мониторинга причин возникновения рисков и путей их минимизации, что в свою очередь может помочь в становлении взаимовыгодных отношений между организациями-подрядчиками и организациями-заказчиками в строительстве и гарантировать устойчивое финансово-экономическое состояние партнеров, а также существенно снизить асимметрию информации на рынке СМР.

Литература

1. Осянин, И.К. Асимметрия информации на рынке финансовых услуг / И.К. Осянин // Ярослав. пед. вестн. – 2012. – Т. 1, № 1. – С. 92–95.
2. Корбан, Л.К. Ответственность сторон по договору строительного подряда / Л.К. Корбан, Е.В. Штурбина // Экономика строительного комплекса и городского хозяйства: материалы Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 5–8 дек. 2017 г. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2018. – С. 164–166.
3. Шаронова, А.М. Использование инструментария микроэкономики в анализе государственной экономической политики: рынок с асимметричной информацией / А.М. Шаронова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2017. – № 15. – С. 62–66.
4. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З: с изм. и доп. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&rp0=h11200419>. – Дата доступа: 02.11.2021.
5. О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 авг. 2009 г. № 10 [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь № 563 от 19 июля 2016 г.: с изм. и доп. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&rp0=C21600563>. – Дата доступа: 02.11.2021.
6. Каменева, С.С. «Фиаско» рынка и необходимость государственного вмешательства в рыночную экономику / С.С. Каменева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. – № 11(1). – С. 105–109.
7. Об организации и проведении процедур закупок товаров (работ, услуг) и расчетах между заказчиком и подрядчиком при строительстве объектов [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 янв. 2014 г. № 88: с изм. и доп. – Режим доступа: <https://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/НПА/Постановление%20Совмина%20от%2031.01.2014%20№88.pdf>. – Дата доступа: 11.10.2021.
8. Анализ судебной практики рассмотрения судом споров, вытекающих из договоров строительного подряда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.court.gov.by/ru/ekonomicheskij/sud/goroda/minska/sudebnaya/praktika/292050e3b42d425d.html>. – Дата доступа: 11.10.2021.
9. Что такое фирма-однодневка? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://firmmaker.ru/statfaq/1dnevki>. – Дата доступа: 11.10.2021.
10. Махавьярти, Т. Асимметрия информации, финансово-го рычага и размера фирмы в управлении прибылью / Т. Махавьярти, Г. Будиясих // Бухгалтерский учет и бизнес. – 2017. – С. 100–110.
11. Пашкевич, Н.А. Особенности финансово-экономических отношений между организациями-подрядчиками и организациями-заказчиками в строительстве / Н.А. Пашкевич, С.Н. Костюкова // Инженерный бизнес: материалы междунар. науч.-техн. конф., Минск, 1–2 дек. 2020 г. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2021. – С. 141–146.
12. Голубова, О.С. Анкетирование строительных организаций по вопросам управления стоимостью строительства / О.С. Голубова // Инженерный бизнес: материалы междунар. науч.-техн. конф., Минск, 1–2 дек. 2020 г. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2021. – С. 40–45.
13. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.10.2021.

Поступила в редакцию 01.12.2021

Тренировка профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожных станций

Ростовцева М.В.¹, Богомаз С.Л.², Каратерзи В.А.², Поташёва Ю.Л.²

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», Российская Федерация

²Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье описаны результаты исследования профессионально важных качеств (оперативное мышление, память и концентрация внимания) оперативного персонала станции Ямала. На первом этапе с помощью автоматизированного пакета методик был определен уровень развития профессионально важных качеств (ПВК) оперативного персонала станции. На втором этапе были проведены занятия на тренажере «профессионально важные качества» в течение 70 дней. Заключительным этапом исследования (после завершения работы на тренажере) явились повторные замеры профессионально важных качеств по тем же тестовым методикам. В результате была выявлена положительная динамика развития профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожной станции Ямала, которая подтвердилась при помощи методов статистического анализа.

Цель – разработка мультимедийного комплекса для тренировки профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожных станций.

Материал и методы. Теоретической основой исследования явились научные данные психологов об особенностях трудовой деятельности на железнодорожных станциях, изучение и оценка которых в качестве факторов, влияющих на успешность профессиональной деятельности, немислимы без специальной психологической компетенции. В качестве эмпирических методов применялись тестирование, эксперимент, методы математической статистики.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования был определен уровень развития профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожной станции Ямала. На втором этапе был разработан и применен мультимедийный комплекс по тренировке профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожных станций. По результатам повторной диагностики были обнаружены достоверные различия по исследуемым переменным.

Заключение. Профессионально важные качества личности оперативного состава железнодорожных станций нуждаются в постоянном развитии и поддержании на необходимом уровне. Использование тренажера для тренировки профессионально важных качеств оперативно-го персонала железнодорожных станций является эффективным для развития концентрации и устойчивости внимания, его распределения и переключения, а также для развития мышления и памяти.

Ключевые слова: профессионально важные качества личности, оперативный состав железнодорожных станций, динамика развития профессионально важных качеств личности.

Training Professionally Significant Qualities of Railway Station Operation Personnel

Rostovtseva M.V.¹, Bogomaz S.L.², Karaterzi V.A.², Potasheva Yu.L.²

¹Federal State Autonomous Education Establishment of Higher Education “Siberian Federal University”, the Russian Federation

²Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The article outlines research findings of professionally significant qualities (operative thinking, memory and attention concentration) of the operation personnel of Yamal Station. At the first research stage the development level of professionally significant qualities of the Station operation personnel was found out with the help of automated methods package. At the second stage Professionally Significant Qualities Simulator training was conducted during 70 days. The final research stage, after the Simulator work, was another measurement of professionally significant qualities according to the same test methods. Eventually, positive dynamics of the development of professionally significant qualities of Yamal railway station operation personnel was found out which was confirmed through methods of statistical analysis.

The purpose of the article is a description of the results of the development of a multimedia complex for training professionally significant qualities of the railway station operation personnel.

Material and methods. The theoretical basis of the research was psychologists' scientific data about features of labor activities at railway stations, the study and the evaluation of which as factors influencing success of professional activities are unthinkable without a special psychological competence. Testing, experimenting and methods of mathematical statistics were used as the empiric methods.

Findings and their discussion. At the first research stage the development level of professionally significant qualities of Yamal Station operation personnel was found out. At the second stage of the research a multimedia complex for training professionally significant qualities of the railway station operation personnel was elaborated and implemented. The results of the secondary diagnostics exposed reliable differences in the studied variables.

Conclusion. Professionally significant personality qualities of the railway station operation personnel need to be constantly developing. Using a simulator for training professionally significant personality qualities of the railway station operation personnel is efficient for the development of concentration and stability of attention, its distribution and switching over as well as for the development of thinking and memory.

Key words: professionally significant personality qualities, railway station operation personnel, dynamics of the development of professionally significant personality qualities.

Арктика, безусловно, является тем регионом России, который требует пристального внимания ученых. Сложившиеся неблагоприятные тенденции в Арктике, несовершенство мер государственного регулирования в социально-экономических сферах, осложнения на трассе Северного морского пути, климатические условия способствовали усилению оттока населения из большинства арктических территорий, в том числе трудоспособного, работающего населения.

Железнодорожный транспорт в Арктике обеспечивает важнейшие процессы жизнедеятельности, связанные с доставкой необходимых грузов и перевозкой людей. Рельсовая дорога Ямало-Ненецкого автономного округа протянулась на 1648 километров. На его территории действуют три учреждения, а именно Северная железная дорога, Свердловская железная дорога, ОАО «Ямальская железнодорожная компания». Однако сегодня развитие данной транспортной структуры в регионе имеет ряд сложностей. Ученые связывают изменения социально-экономической ситуации в сфере железной дороги и негативные факторы, замедляющие ход развития данной сферы, с недостаточным профессионализмом сотрудников на всех уровнях.

Динамика психологических качеств, обеспечивающих надежную работу оперативного персонала, изучалась многими авторами. В частности, Э.А. Асратян и М.Р. Горина утверждали, что динамизм транспортных ситуаций, повышенные требования к оперативному мышлению (в частности, решение оперативных задач при дефиците времени), постоянная готовность к экстренному действию в условиях монотонии, высокая персональная ответственность определяют те специфические особенности трудовой деятельности на железнодорожных станциях, изучение и оценка которых в качестве факторов, влияющих на успешность профессиональной деятельности, немыслимы без специальной психологической компетенции.

В связи с этим нами предпринято исследование, направленное на разработку средства

по тренировке личностно важных качеств персонала железной дороги.

Был разработан тренажер для оперативно-го персонала железнодорожных станций по тренировке профессионально важных качеств, при помощи которого усилится деятельность мозга, активизируются оперативные способности, а самое главное – тренажер повлияет на качество выполнения профессиональной деятельности.

Цель – разработка мультимедийного комплекса для тренировки профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожных станций.

Материал и методы. Оперативный персонал железнодорожных станций должен иметь развитое оперативное мышление, чтобы с легкостью принимать оптимальные решения по организации движения поездов и маневровой работы с учетом сложившейся ситуации, а не работать, опираясь на интуицию, быстро и точно решать неожиданно возникающие сложные задачи при дефиците времени, что во многом определяет его профессиональную пригодность.

Исследование проводилось на железнодорожной станции Ямала филиала ОАО «РЖД», в котором принял участие оперативный персонал в количестве 120 человек, из них 80 женщин и 40 мужчин.

В рамках исследования были использованы следующие методики:

- 1) тест Э. Ландольта – исследует степень концентрации и устойчивости внимания;
- 2) тест «Распределение и переключение внимания» – оценивает распределение и переключение внимания;
- 3) комбинаторные задачи – используются для оценки процесса оперативного мышления;
- 4) методика «Оперативная память» – направлена на исследование уровня оперативной памяти и внимания.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования мы определили уровень развития профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожной станции Ямала. По результатам – все сотрудники допуще-

ны к выполнению своих профессиональных обязанностей сроком на три года.

На втором этапе мы разработали и применили мультимедийный комплекс по тренировке профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожных станций и предложили сотрудникам занятия на тренажере в течение 70 дней.

В процессе тренировки уже на 30-й день было замечено, что испытуемые начали тратить меньше времени на выполнение заданий и уменьшалось количество ошибок. На основании этого можно утверждать о стремлении персонала к качественному выполнению упражнений. Во время занятий на тренажере также выявилась относительная независимость успешности интеллектуальной деятельности от внешних воздействий. В частности, постоянный и периодический шум не влиял на решение арифметических задач.

По завершении работы на тренажере были произведены повторные замеры ПВК по тем же тестовым методикам (завершающий этап исследования), в результате чего была выявлена положительная динамика развития профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожной станции Ямала (таблица 1).

Благодаря использованию теста Э. Ландольта после занятий на тренажере мы выявили у всех сотрудников положительную динамику развития концентрации внимания, вследствие чего работник способен длительное время поддерживать готовность к экстренным действиям в условиях монотонии во избежание аварийных ситуаций, поддерживать целенаправленную деятельность при отвлекающих факторах на высоком уровне, внимательно работать в быстром темпе, что является немаловажным в работе оперативного персонала (рисунок 1).

Таблица 1 – Результаты диагностики ПВК оперативного персонала станции Ямала до занятий на тренажере и после

№ испытуемого	Тест Э. Ландольта, стандартное значение		Тест «Распределение и переключение внимания», стандартное значение		Комбинаторные задачи, правильно решенные задачи		Методика «Оперативная память», правильно воспроизведенные числа в обратном порядке	
	до	после	до	после	до	после	до	после
1	157	545	150	201	3	6	4	6
2	1836	1946	196	221	6	8	8	8
3	966	1354	195	223	7	8	6	8
4	363	1251	181	186	7	8	4	6
5	1330	1500	245	298	8	8	6	8
6	603	1009	140	169	6	8	5	7
7	822	1268	229	265	7	8	7	8
8	299	659	219	257	7	8	4	6
9	959	1383	218	271	8	8	7	8
10	201	697	170	213	4	6	3	5
11	998	1345	183	226	4	6	4	6
12	806	1247	156	206	6	8	3	5
13	203	604	165	199	4	6	5	7
14	1123	1489	203	241	5	7	6	8
15	504	912	167	203	7	8	5	7
16	703	1125	169	199	4	6	7	8
17	446	845	196	221	7	8	4	6
18	729	1181	145	194	6	8	3	5
19	642	1094	189	246	5	7	5	7
20	894	1254	201	258	7	8	5	7

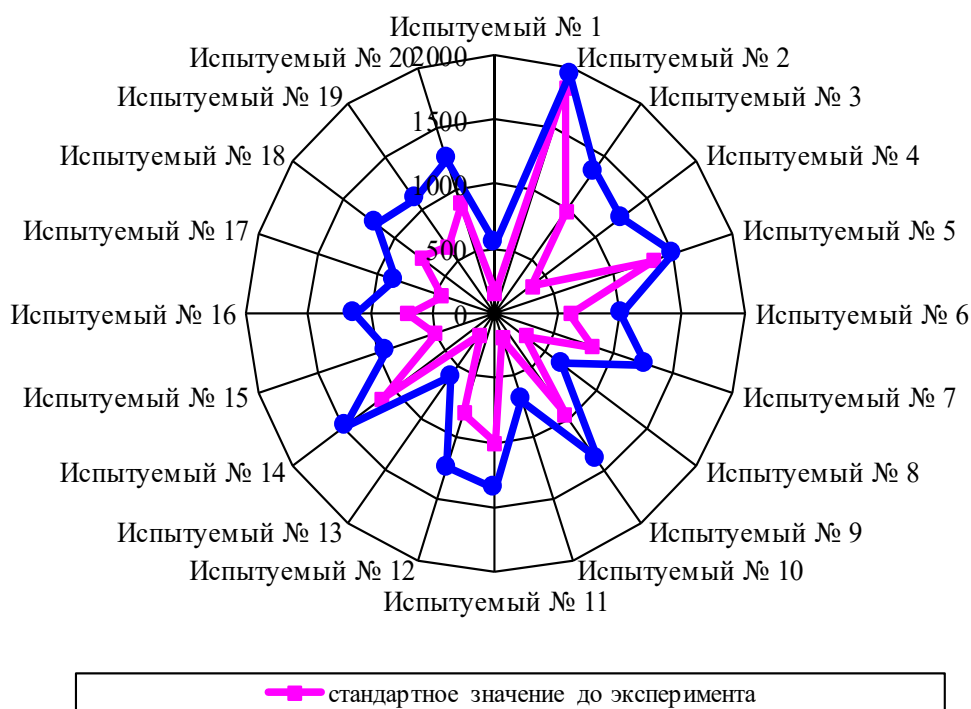

Рисунок 1 – Результаты исследования по тесту Э. Ландольта

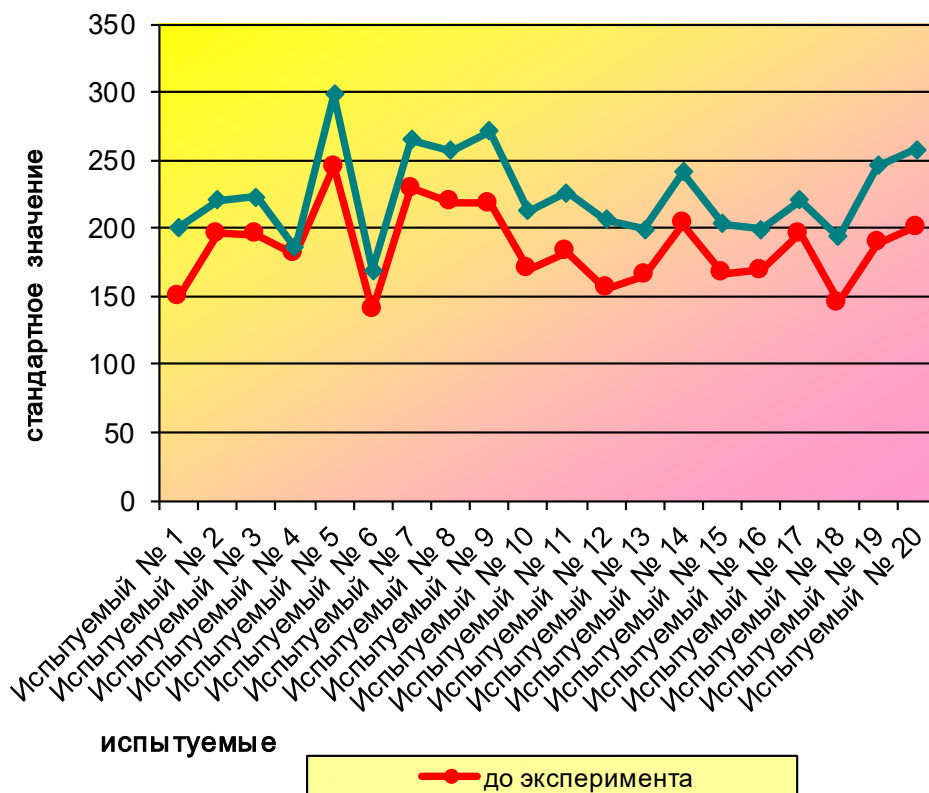

Рисунок 2 – Результаты исследования по тесту «Распределение и переключение внимания»

В частности, у испытуемого под № 2 показатель концентрации внимания до тренировки на тренажере был достаточно высоким (1836 стандартных значений), а после тренировки он повысился до 1946-го стандартного значения, что свидетельствует об эффективности работы на тренажере. В общем показатели после занятий на тренажере ПВК у всех обследуемых увеличились в среднем на 445 стандартных значений. На основании этого можно утверждать, что у оперативно-го персонала железнодорожной станции Ямала поддерживается высокая концентрация внимания на сигнальных и рабочих объектах.

По результатам теста «Распределение и переключение внимания» показатели в среднем увеличились на 30 стандартных значений. Динамика развития переключения внимания зафиксирована у 95% сотрудников, что позволяет им одновременно обеспечивать прием, отправление и пропуск поездов, посадку и высадку пассажиров, погрузку, выгрузку и сортировку грузов, расформирование и формирование составов поездов, отцепку и прицепку групп вагонов к транзитным поездам. Лишь у одного работника (испытуемого под № 4) уровень развития переключения внимания практически не зафиксирован, но он находит-

ся в пределах допустимого (186-го стандартного значения), следовательно, сотрудник может эффективно выполнять свои профессиональные обязанности (рисунок 2).

Для того чтобы выявить динамику развития процесса оперативного мышления, мы использовали комбинаторные задачи, контрольный срез которых показал эффективность занятий на тренажере ПВК. Так, у 10% работников (двух человек) результат максимальный (8 решенных задач из 8 предъявленных) и до тренировки, и после. Это доказывает эффективность тренажера в поддержании оперативного мышления на должном уровне, что обеспечивает безопасность движения поездов. Максимальные результаты после тренировки также имеют 55% испытуемых (11 сотрудников). У 35% работников (7 человек) показатели повысились. На основании этого можно утверждать, что все сотрудники могут с легкостью принимать оптимальные решения по организации движения поездов и маневровой работы с учетом сложившейся ситуации, а не работать, опираясь на интуицию; быстро и точно решать неожиданно возникающие сложные задачи при дефиците времени, что во многом определяет их профессиональную пригодность (рисунок 3).

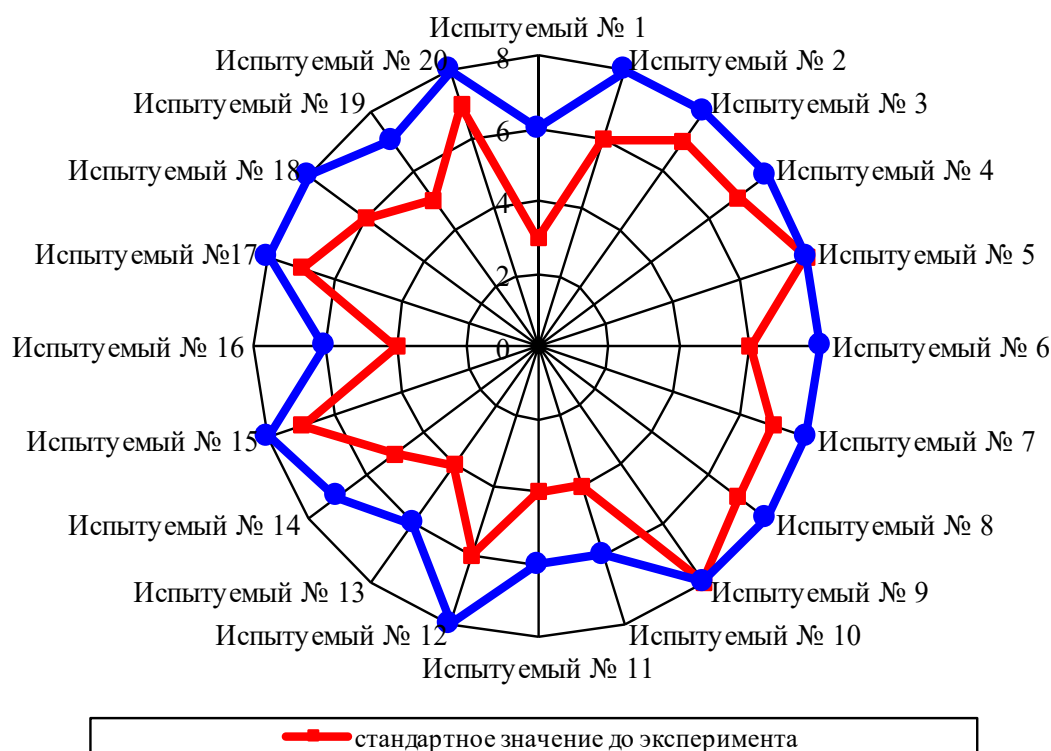

Рисунок 3 – Результаты исследования по комбинаторным задачам

На рисунке 4 представлены результаты исследования по методике «Оперативная память». У испытуемого под № 2 до и после тренировки отмечен максимальный результат, что в очередной раз доказывает эффективность тренажера в поддержании ПВК на должном уровне, обеспечивающем безопасность движения поездов. Также максимальные результаты получили 30% сотрудников (6 человек). У остальных 65% испытуемых (13 человек) присутствует положительная динамика развития оперативной памяти. Таким образом, оперативный персонал станции Красноярск-Восточный после тренировки ПВК улучшил показатели оперативной памяти, обеспечивающей сохранение значимой и необходимой для работы информации (номера поездов, предварительный инструктаж и др.), поступающей от объектов управления. А сложная ее переработка и быстрая выработка оперативных команд позволит работнику в случае непредвиденных ситуаций быстрее и лучше сориентироваться в выполнении профессиональных действий.

Для того чтобы доказать эффективность занятий на тренажере ПВК, мы определили, произошли ли достоверные изменения («сдвиги») в измеряемых показателях, применив непараметрический Т-критерий Вилкоксона (парный), параметрический t-критерий Стьюдента для связанных выборок и критерий χ^2 Пирсона.

Полученное эмпирическое распределение признака не отличается от теоретического распределения (признак нормально распределен) только в тесте Э. Ландольта и тесте «Распределение и переключение внимания» (если распределение меньше 5%, то закон распределения случайной величины отличается от нормального). Поэтому для этих тестовых методик мы применили более мощный t-критерий Стьюдента для связанных выборок с целью определить более тонкие различия. Данный параметрический критерий проверяет равенства средних значений в двух связанных выборках и показывает высокую достоверность различий в значениях до тренировки ПВК и после (таблица 3).

Параметрический t-критерий Стьюдента для связанных выборок выявил очень высокую значимость в показателях до тренировки ПВК и после. Это свидетельствует о том, что уровни концентрации и переключения внимания увеличились после занятий на тренажере.

Для комбинаторных задач и методики «Оперативная память» мы использовали Т-критерий Вилкоксона (парный), который применяется для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых. С его помощью мы определили, является ли сдвиг показателей в каком-то одном направлении более интенсивным, чем в другом (таблица 4).

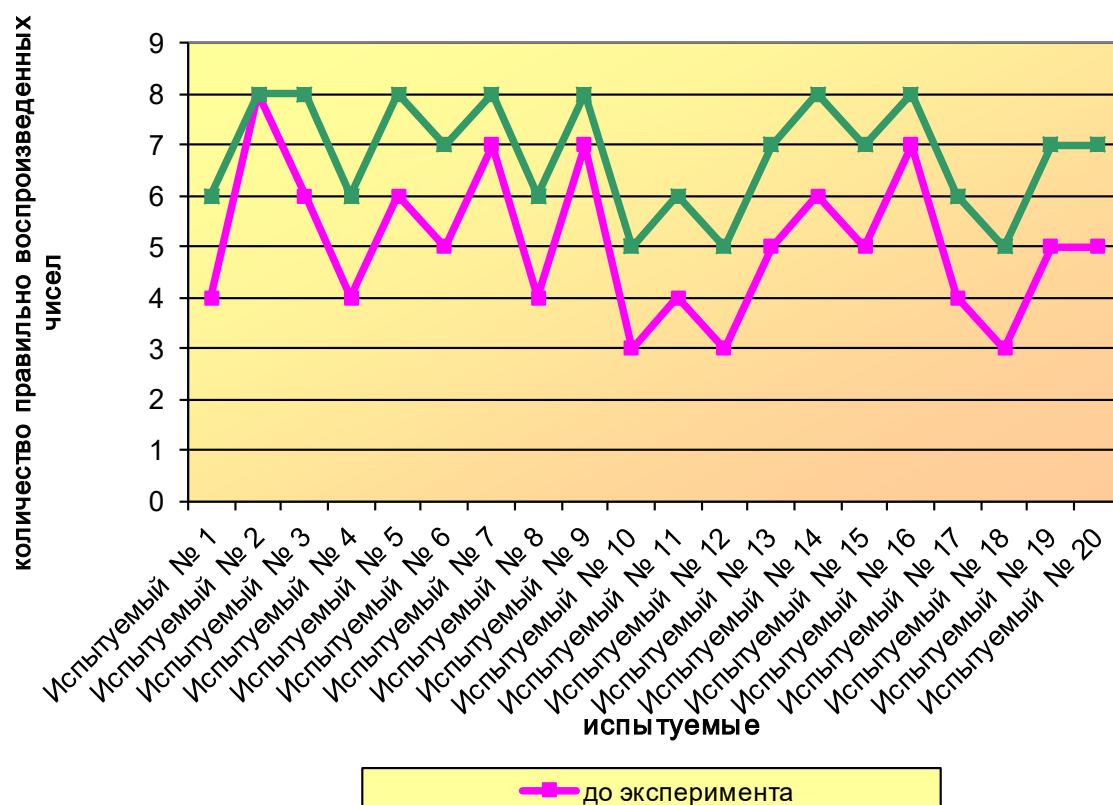

Рисунок 4 – Результаты исследования по методике «Оперативная память»

Таблица 2 – Уровни статистической значимости критерия χ^2 Пирсона

Название методики		р-уровни χ^2 Пирсона
Тест Э. Ландольта	до	16%
	после	20%
Тест «Распределение и переключение внимания»	до	41%
	после	77%
Комбинаторные задачи	до	1%
	после	0%
Методика «Оперативная память»	до	18%
	после	0%

Таблица 3 – Уровни статистической значимости t-критерия Стьюдента для связанных выборок до занятий на тренажере ПВК и после

Название методики	р-значения критерия Стьюдента для связанных выборок
Тест Э. Ландольта	0%
Тест «Распределение и переключение внимания»	0%

Таблица 4 – Уровни статистической значимости T-критерия Вилкоксона (парного) до занятий на тренажере ПВК и после

Название методики	р-значения критерия Вилкоксона (парного)
Комбинаторные задачи	0,005%
Методика «Оперативная память»	0,002%

Непараметрический T-критерий Вилкоксона (парный) показал высокую достоверность различий между показателями до тренировки ПВК и после. А значит, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти увеличился после занятий на тренажере.

Заключение. Изучив итоги исследования, полученные с помощью диагностического инструментария, направленного на выявление ПВК у оперативного персонала станции Ямала, и методов статистического анализа, мы можем говорить, что наша гипотеза подтвердилась.

Исходя из результатов анализа данных, полученных на основе использованных диагностических процедур, мы определили, что все сотрудники допущены к выполнению своих трудовых обязанностей. Но чтобы деятельность оперативного персонала всегда оставалась эффективной и надежной, им необходимо развивать и поддерживать свои профессионально важные качества на должном уровне, который обеспечивает

безопасность движения поездов. В этом, как мы уже убедились, поможет тренажер, специально разработанный для оперативного персонала. С его помощью усиливается деятельность мозга, активизируются оперативные способности: улучшается память, внимание, логическое мышление и другие процессы, необходимые для выполнения эффективной деятельности, а самое главное – тренажер влияет на качество выполнения производственной деятельности оперативного персонала станции.

При помощи методов статистического анализа мы доказали, что занятия на тренажере ПВК действенны как для женщин, так и для мужчин. Использование тренажера для тренировки профессионально важных качеств оперативного персонала железнодорожных станций является эффективным.

Выполнено в рамках реализации договора между Сибирским федеральным университетом и Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова.

Поступила в редакцию 07.04.2022

Социальные и личностные особенности женщин, планирующих прерывание беременности

Лупекина Е.А.¹, Бондаренко М.С.²

¹Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

²Республиканский научно-практический центр радиационной медицины и экологии человека

Проблема нежелательной беременности и аборт – одна из актуальных в современной медицине и психологии. Прерывание нежелательной беременности искусственным путем представляет собой одну из наиболее значимых медико-социальных и психологических детерминант, оказывающих негативное влияние на репродуктивное здоровье и психику женщины. В работе представлены результаты исследования социальных и личностных особенностей женщин, планирующих прерывание беременности.

Цель статьи – определить социальные и личностные особенности женщин, планирующих прерывание беременности.

Материал и методы. Исследование выполнялось на протяжении 2018–2020 гг. и проходило на базе государственного учреждения здравоохранения «Гомельская центральная городская поликлиника» филиал № 8 женская консультация. В нем приняли участие 200 беременных женщин: 100 женщин, планирующих прерывание беременности, и 100 женщин, ожидающих рождения ребенка. Использованные методики: анкета для исследования социальных и личностных особенностей женщин, планирующих прерывание беременности; методика «Шкала тревоги и тревожности» Ч.Д. Спилберга (адаптация Ю.Л. Ханина), методика «Шкала депрессии» А. Бека, пятифакторный личностный опросник (Р. МакКрае, П. Коста). Для математико-статистической обработки данных применялся t-критерий Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Ключевым моментом в принятии решения в ситуации репродуктивного выбора является материальная составляющая, даже при наличии других важных благоприятных условий (наличие опыта материнства и зарегистрированный брак). У женщин, планирующих прерывание беременности, уровень ситуативной и личностной тревожности достоверно выше, чем у женщин, ожидающих рождения ребенка. Женщины, планирующие прерывание беременности, более подвержены депрессии, по сравнению с женщинами, ожидающими рождения ребенка. Женщины, планирующие прерывание беременности, характеризуются как более интровертированные, импульсивные, эмоционально неустойчивые, экспрессивные, в отличие от женщин, ожидающих рождения ребенка.

Заключение. Результаты исследования использованы в практике психологического предабортного консультирования в женских консультациях ГУЗ «Гомельская центральная городская поликлиника». Опыт предабортного консультирования и материалы исследования были представлены в ГУО «Минский областной институт развития образования», «Центр поддержки семьи и материнства» «Матуля» г. Минск, Гомельское благотворительное общественное объединение «Центр поддержки семьи и материнства» «Мамалето», а также в работе IX Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «За жизнь – 2019» в Москве.

Ключевые слова: женщины, планирующие прерывание беременности; ситуативная и личностная тревожность; уровень депрессии; личностные особенности.

Social and Personal Characteristics of Women who Plan to Terminate their Pregnancy

Lupekina E.A.¹, Bondarenko M.S.²

¹Education Establishment “Francisk Skorina Gomel State University”

²Republican Scientific and Practical Center for Radiation Medicine and Human Ecology

The problem of unwanted pregnancies and abortions is one of the urgent problems of modern medicine and psychology. Termination of an unwanted pregnancy by artificial means is one of the most significant medical, social and psychological determinants that have a negative impact on a woman's reproductive health and psyche. The article presents findings of a study of social and personal characteristics of women planning to terminate pregnancy.

The purpose of the article is to determine the social and personal characteristics of women who plan to terminate their pregnancy

Materials and methods. The study was carried out during 2018–2020 and took place on the basis of the state health institution “Gomel Central City Polyclinic” Branch № 8 Women's Clinic. The study involved 200 pregnant women: 100 women planning to terminate their pregnancy and 100 women expecting a baby. The research methods were questionnaire for the study of social and personal characteristics of women planning to terminate pregnancy; method “C.D. Spielberg Scale of Anxiety” (adaptation of Yu. L. Khanin), the method of “A. Beck Scale of Depression”, the Five-Factor Personality Questionnaire (R. McCrae, P. Costa). Student's T-test was used for mathematical and statistical data processing.

Findings and their discussion. The key point in making a decision in a situation of reproductive choice is the material component, even if there are other important favorable conditions (experience of motherhood and registered marriage). Women who are planning to terminate their pregnancy have significantly higher levels of situational and personal anxiety than women who are expecting a child. Women who plan to terminate pregnancy are more likely to be depressed than women who are expecting a baby. Women who plan to terminate pregnancy are characterized as more introverted, impulsive, emotionally unstable, and expressive, in contrast to women who are expecting a child.

Conclusion. The research materials were used in the practice of psychological pre-maternity counseling in women's clinics of Gomel Central City Polyclinic. The experience of pre-abortion counseling and research materials were presented at Minsk Regional Institute for Education Development, the Matulya Family and Motherhood Support Center in Minsk, the Mamaletto Family and Motherhood Support Center in Gomel, as well as at the IX International Festival of Social Technologies in Defense of Family Values "For Life – 2019" in Moscow.

Key words: women planning to terminate pregnancy, situational and personal anxiety, level of depression, personal characteristics.

Одной из наиболее актуальных проблем современной медицины и психологии является проблема нежелательной беременности. Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые большинством стран по развитию служб планирования семьи, темпы снижения числа абортс продолжают оставаться достаточно низкими. Ежегодно в мире проводится около 45 млн абортс. Хотя в Республике Беларусь наблюдается снижение количества абортс, становится все больше женщин, которые прерывают первую беременность.

В Республике Беларусь, по данным национального статистического комитета, за 2019 год было проведено 21,3 тысячи абортс с учетом абортс, выполненных с помощью лекарственных средств (за 2017 г. – 25,2 тыс. абортс, за 2018 г. – 23,3 тыс. абортс). При этом 9,7 тысячи абортс на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет (за 2018 г. – 10,5 тыс.), а также 24,4 тысячи абортс на 100 родов (за 2018 г. – 24,9 тыс.) [1, с. 124].

Проблема изучения социальных и психологических особенностей женщин, планирующих прерывание беременности, в современной психологии остается недостаточно освещенной. Вместе с тем прерывание нежелательной беременности искусственным путем представляет собой одну из наиболее значимых медико-социальных и психологических детерминант, оказывающих негативное влияние на репродуктивное здоровье и психику женщины. Проблема искусственного аборта в гинекологической практике остается актуальной до настоящего времени, так как многие женщины продолжают рассматривать аборт как простую операцию, не учитывая ряд осложнений, которые могут за ней последовать. Изучение данной проблемы имеет большую значимость, так как знание психологии беременных может быть полезным в работе с теми женщинами, кто ставит перед собой выбор о сохранении беременности.

Цель статьи – определить социальные и личностные особенности женщин, планирующих прерывание беременности.

Материал и методы. Исследование выполнялось на протяжении 2018–2020 гг. и проходило на базе государственного учреждения здравоохранения «Гомельская центральная городская поликлиника» филиал № 8 женская консультация. В нем приняли участие 200 беременных женщин: 100 жен-

щин, планирующих прерывание беременности, и 100 женщин, ожидающих рождения ребенка.

Использованные методики: анкета для исследования социальных и личностных особенностей женщин, планирующих прерывание беременности; методика «Шкала тревоги и тревожности» Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина), методика «Шкала депрессии» А. Бека, пятифакторный личностный опросник (Р. МакКрае, П. Коста). Для математико-статистической обработки данных применялся t-критерий Стьюдента.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы отечественных (В.В. Абрамченко, И.В. Добряков, Е.М. Костерина и др.) [2–4] и зарубежных (Дж. Боулби, Д. Винникотт, О. Ранк, М. Эйнсворд и др.) [5–8] авторов, посвященные анализу становления и развития перинатальной психологии и психологии материнства, выявлению психологических особенностей материнства, беременности и родов и их роли в раннем развитии ребенка.

Результаты и их обсуждение. Характеристика социального статуса женщин, планирующих прерывание беременности. По данным нашего исследования (таблица 1), большинство женщин, планирующих прерывание беременности, принадлежат к возрастной категории старше 30 лет или немного моложе. Это возрастные периоды максимально осознанного представления о социальной роли матери.

Преобладающее число женщин, планирующих прерывание беременности, имеют среднее специальное образование, работают (таблица 2). Большинство женщин, планирующих прерывание беременности, состоят в зарегистрированном браке (таблица 4), уже имеют детей (таблица 3), проживают отдельно от родственников.

В качестве ключевых мотивов прерывания беременности женщины выделяют недостаточную материальную обеспеченность, недостаточную жилищную обеспеченность и наличие в семье маленького ребенка.

Таким образом, характеристика социального статуса женщин, планирующих прерывание беременности, показывает, что ключевым моментом в принятии решения в ситуации репродуктивного выбора является материальная составляющая, даже при наличии других важных благоприятных условий (наличие опыта материнства и зарегистрированный брак).

Таблица 1 – Распределение женщин, планирующих прерывание беременности, по возрастным группам

Возраст	Число женщин, планирующих прерывание беременности
До 21 года	1%
21–25 лет	12%
26–30 лет	38%
Более 30 лет	49%

Таблица 2 – Распределение женщин, планирующих прерывание беременности, по показателям социокультурного статуса

Показатель	Число женщин, планирующих прерывание беременности
Род занятия	
Рабочая	48
Служащая	10
Предприниматель	5
Руководитель	4
Домохозяйка	33
Образование женщины	
Высшее	17
Неоконченное высшее	5
Среднее специальное	55
Среднее	23

Таблица 3 – Распределение женщин, планирующих прерывание беременности, по показателям репродуктивной активности

Показатель	Возраст			
	до 21 года	21–25 лет	26–30 лет	более 30 лет
Имеют детей	1	11	38	47
Планируют иметь детей в будущем	0	1	0	1
Не приняли окончательного решения о рождении детей в будущем	0	0	0	1

Таблица 4 – Распределение женщин, планирующих прерывание беременности, по показателям семейного статуса

Показатель	Число женщин, планирующих прерывание беременности
Брак	
Зарегистрирован первый	56
Не зарегистрирован первый	18
Расторгнут первый	16
Зарегистрирован второй	5
Не зарегистрирован второй	3
Расторгнут второй	1
Зарегистрирован последующий	1
Женщина проживает	
Отдельно от родителей	66
Совместно со своими родителями	29
Совместно с родителями мужа	5

Таблица 5 – Распределение женщин, планирующих прерывание беременности, по преобладающим мотивам прерывания беременности

Показатель	Возраст			
	до 21 года	21–25 лет	26–30 лет	более 30 лет
Преждевременность рождения ребенка	0	1	2	1
Недостаточная материальная обеспеченность	0	11	23	15
Недостаточная жилищная обеспеченность	1	13	25	10
В семье уже есть маленький ребенок	1	5	31	38
Нежелание иметь детей (в семье уже есть дети)	0	1	9	15
Прием лекарственных препаратов или алкоголя в первые недели беременности	0	0	1	0
Беременность в результате изнасилования	0	0	0	0
Разрыв отношений с отцом ребенка	0	0	5	4
Неудовлетворительные отношения с отцом ребенка	0	0	0	2
Боязнь реакции родителей на сообщение о настоящей беременности	1	0	0	1
Нежелание доставлять родителям лишние проблемы	1	0	0	1
Родственники настаивают на прерывании беременности	0	0	0	3
Нежелателен пол ребенка	0	0	0	0

Характеристика тревожности женщин, планирующих прерывание беременности. Анализ данных исследования показал, что высоким уровнем ситуативной тревожности характеризуется 21% женщин, планирующих прерывание беременности. Они часто испытывают интенсивные негативные субъективно переживаемые эмоции: эмоциональный дискомфорт, высокое психическое напряжение, постоянное беспокойство, чрезмерную нервозность (рисунок 1).

Умеренный уровень ситуативной тревожности выявлен у 65% женщин, планирующих прерывание беременности. У них умеренно выражены негативные переживания и эмоциональный дискомфорт. В целом их эмоциональное состояние более или менее благополучно, но бывают случаи, когда появляется беспокойство, не обоснованное сложившимися обстоятельствами.

Низким уровнем ситуативной тревожности характеризуется 14% женщин, планирующих прерывание беременности. Они не склонны к переживанию эмоционального дискомфорта, психического напряжения, беспокойства, нервозности в ряде ситуаций, к тому не предрасполагающих.

Анализ данных исследования показал, что высоким уровнем личностной тревожности обладают 32% женщин, планирующих прерывание беременности. Они предрасположены к тревоге и воспринимают большое количество событий как угрожающие, отвечая при этом определенной

реакцией на них. Эти испытуемые склонны испытывать повышенное, необоснованное беспокойство, связанное с угрозой их самооценке и самоуважению (рисунок 2).

Умеренный уровень личностной тревожности выявлен у 58% женщин, планирующих прерывание беременности. Они в умеренной степени предрасположены к тревоге и воспринимают некоторые события как угрожающие; склонны испытывать повышенное, необоснованное беспокойство, связанное с угрозой их самооценке и самоуважению.

Низким уровнем личностной тревожности характеризуются 10% женщин, планирующих прерывание беременности. Низкоразвитая тревожность может свидетельствовать как о нормальном психическом состоянии дел, так и о низкой степени эмоциональной вовлеченности в различные ситуации, сдерживании своих чувств, отрицании негативных эмоций.

Результаты оценки достоверности различий между двумя группами женщин (таблица 6) по уровню ситуативной и личностной тревожности показывают, что ситуативная тревожность выше в группе женщин, планирующих прерывание беременности, чем в группе женщин, ожидающих рождения ребенка ($t = 6,4$ при $p \leq 0,05$). Личностная тревожность выше в группе женщин, планирующих прерывание беременности, чем в группе женщин, ожидающих рождения ребенка ($t = 8,1$ при $p \leq 0,05$).

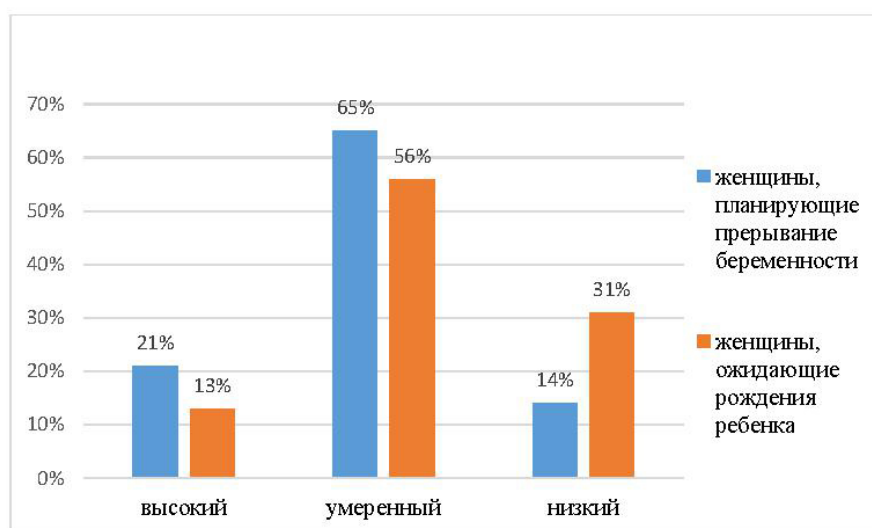

Рисунок 1 – Уровень ситуативной тревожности женщин

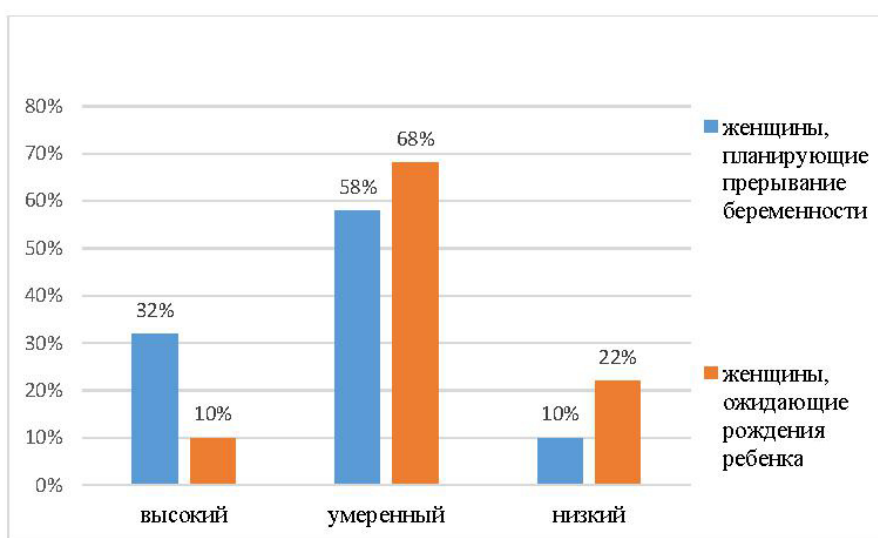

Рисунок 2 – Уровень личностной тревожности женщин

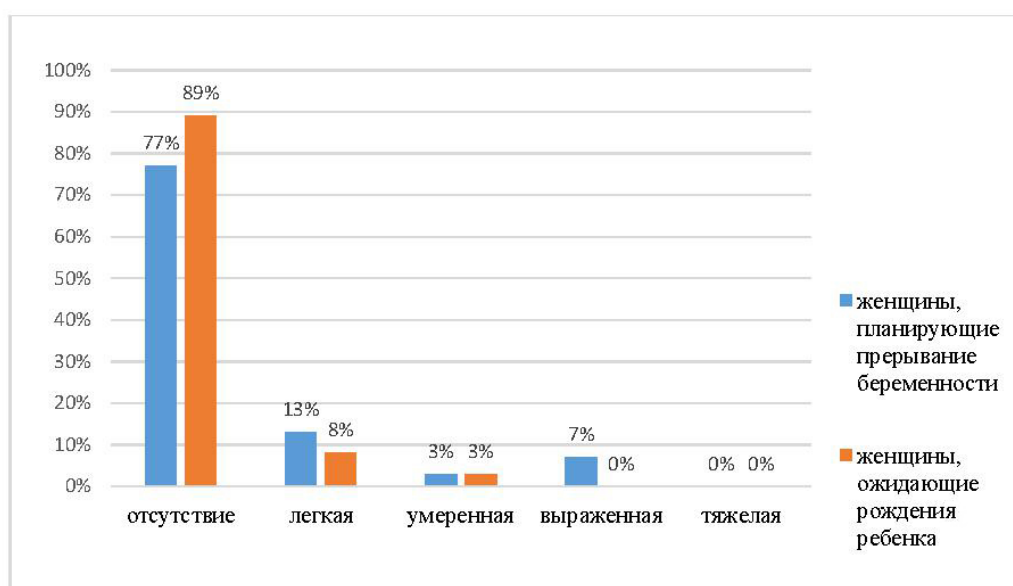

Рисунок 3 – Уровень депрессии женщин

Таблица 6 – Результаты оценки достоверности различий между группами женщин по уровню ситуативной и личностной тревожности

Параметр	Женщины, планирующие прерывание беременности, среднее значение	Женщины, ожидающие рождения ребенка, среднее значение	t	Уровень значимости
Ситуативная тревожность	39,3	33,1	6,4	$p \leq 0,01$
Личностная тревожность	40,4	32,7	8,1	$p \leq 0,01$

Таблица 7 – Результаты оценки достоверности различий между группами женщин по личностным характеристикам

Параметр	Женщины, планирующие прерывание беременности, среднее значение	Женщины, ожидающие рождения ребенка, среднее значение	t	Уровень значимости
Экстраверсия – интроверсия	47,9	62,2	14,3	$p \leq 0,01$
Привязанность – обособленность	62,1	26,1	28,8	$p \leq 0,01$
Самоконтроль – импульсивность	52,1	65,4	16,4	$p \leq 0,01$
Эмоциональная неустойчивость – устойчивость	64,8	38,1	15,5	$p \leq 0,01$
Экспрессивность – практичность	52,6	21,6	12,1	$p \leq 0,01$

Таким образом, у женщин, планирующих прерывание беременности, уровень ситуативной и личностной тревожности достоверно выше, чем у женщин, ожидающих появления ребенка. Это означает, что женщины, планирующие прерывание беременности, по сравнению с женщинами, ожидающими рождения ребенка, испытывают больший эмоциональный дискомфорт, более высокое психическое напряжение, беспокойство. Они более предрасположены к тревоге, более склонны испытывать повышенное, необоснованное беспокойство, связанное с угрозой их самооценке и самоуважению.

Характеристика уровня депрессии женщин, планирующих прерывание беременности. Анализ данных исследования (рисунок 3) показал, что отсутствие депрессивных симптомов отмечается у 77% женщин, планирующих прерывание беременности. Легкая депрессия обнаружена у 13% женщин. Умеренной депрессией характеризуются 3% женщин, планирующих прерывание беременности. Выраженная депрессия выявлена у 7% женщин (рисунок 3).

Таким образом, у 23% женщин, планирующих прерывание беременности, обнаружены симптомы депрессии, что выражается в сниженном настроении, неудовлетворенности собой,

пессимизме, негативной оценке своего будущего, склонности к самообвинению, наличии чувства вины и собственной несостоятельности.

Результаты оценки достоверности различий между группами женщин по уровню депрессии показывают, что уровень депрессии выше в группе женщин, планирующих прерывание беременности, чем в группе женщин, ожидающих появления ребенка ($t = 4,3$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, женщины, планирующие прерывание беременности, более подвержены депрессии, по сравнению с женщинами, ожидающими появления ребенка.

Личностные характеристики женщин, планирующих прерывание беременности. Анализ данных исследования (таблица 8) показывает, что существуют достоверные различия между группами женщин по личностным характеристикам:

– экстраверсия более выражена у женщин, ожидающих рождения ребенка, чем у женщин, планирующих прерывание беременности ($t = 14,3$ при $p \leq 0,05$);

– привязанность более выражена у женщин, планирующих прерывание беременности, чем у женщин, ожидающих появления ребенка ($t = 28,8$ при $p \leq 0,05$);

– самоконтроль более выражен у женщин, ожидающих рождения ребенка, чем у женщин, планирующих прерывание беременности ($t = 16,4$ при $p \leq 0,05$);

– эмоциональная устойчивость выше у женщин, планирующих прерывание беременности, чем у женщин, ожидающих рождения ребенка ($t = 15,5$ при $p \leq 0,05$);

– экспрессивность более выражена у женщин, планирующих прерывание беременности, чем у женщин, ожидающих появления ребенка ($t = 12,1$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, женщины, планирующие прерывание беременности, характеризуются как более интровертированные, т.е. сдержанные, замкнутые, избегающие рассказов о себе, неуверенные в отношении правильности своего поведения; с высокой потребностью в других людях (привязанностью), более импульсивны, склонны к необдуманным поступкам, эмоционально неустойчивы, мало способны контролировать свои эмоции, экспрессивны, легкомысленны.

Выявленные личностные характеристики женщин, планирующих прерывание беременности, оказывают влияние на принятие решения в ситуации репродуктивного выбора. Будучи привязанными к людям, беззаботными и безответственными, склонными к необдуманным поступкам, они не способны нести ответственность за воспитание, развитие ребенка. На фоне погруженности в себя, неспособности контролировать свои эмоции и импульсивные влечения, эти женщины не могут овладеть своим эмоциональным состоянием, поэтому не видят ценности в материнстве. Они испытывают тревогу и беспокойство в отношении того, что им негде будет растить ребенка, недостаточно материальной обеспеченности, что приводит к пессимистичной оценке себя и своего будущего.

Заключение. Цель психологической работы с будущими родителями – содействие формированию ответственного и компетентного родителя. Несмотря на то, что запрос большинства будущих матерей к психологу состоит в подготовке к родам и формулируется как обучение техникам дыхания, обезболивания, снятию страха перед родами и т.п., работа психолога не может сводиться к ответу на этот запрос, хотя в конечном итоге удовлетворяет и его. Психолог, в отличие от большинства родителей, представляет перспективы формирования родительской сферы; качества, которые потребуются от родителя на разных этапах развития ребенка. В его задачи входит диагностика готовности к родительству

на момент обращения и содействие в индивидуальной и групповой работе, укреплению предположений для развития этих качеств.

Работа психолога, направленная на потребностно-мотивационный, ценностно-смысловой и операциональный блоки родительской сферы, в конечном итоге должна привести к укреплению у матери доверия к самой себе как к «достаточно хорошей матери» (Д. Винникотт), к развитию интереса к ребенку, формированию средств взаимодействия с ним, а также пониманию возможностей получения поддержки от социальных структур, которыми они могут воспользоваться в процессе рождения, ухода за ребенком и его воспитания. При этом надо понимать, что хорошо проделанная работа психолога будет способствовать желанию родителя обращаться за психологической помощью и в дальнейшем – в процессе роста и развития ребенка.

Результаты исследования использованы в практике психологического предобортного консультирования в женских консультациях ГУЗ «Гомельская центральная городская поликлиника». Опыт предобортного консультирования и материалы исследования были представлены в ГУО «Минский областной институт развития образования», «Центр поддержки семьи и материнства» «Матуля» г. Минск, Гомельское благотворительное общественное объединение «Центр поддержки семьи и материнства» «Мамалето», а также в работе IX Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «За жизнь – 2019» в Москве.

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь / [редкол. И.В. Медведева и др.]. – Минск, 2020. – 436 с.
2. Абрамченко, В.В. Перинатальная психология: теория, методология, опыт / В.В. Абрамченко, Н.П. Коваленко. – Петрозаводск: ИнтелТек, 2004. – 349 с.
3. Добряков, И.В. Перинатальная психология / И.В. Добряков. – СПб.: Питер, 2015. – 234 с.
4. Костерина, Е.М. Психологическое сопровождение перинатальных потерь / Е.М. Костерина // Перинатальная психология и психология родительства. – 2004. – № 2. – С. 94–107.
5. Patterns of attachment / M.D. Ainsworth [et al.]. – New York: Halsted Press, 1979. – 394 p.
6. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. Н.Г. Григорьевой; под общ. ред. Г.В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
7. Винникотт, Д.В. Семья и развитие личности. Мать и дитя / Д.В. Винникотт; пер. с англ. А. Грузберг. – Екатеринбург: ЛИТУР, 2004. – 390 с.
8. Ранк, О. Травма рождения и ее значение для психоанализа / О. Ранк. – М.: Когито-Центр, 2009. – 239 с.

Поступила в редакцию 28.10.2020

Концептуализация понятия «переживание» в контексте стратегий постнеклассической науки

Морожанова М.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В фокусе внимания статьи дискуссионный вопрос о понятии «переживание». Представлен теоретико-методологический обзор научных достижений отечественных и зарубежных исследователей по изучению феномена переживания.

Цель работы – рассмотреть в методологическом формате постнеклассической парадигмы эволюцию понятия «переживание» и смоделировать целостную концепцию пространства переживания.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых, касающиеся заявленной проблемы. Для реализации поставленной цели базовой являлась парадигма постнеклассической рациональности, которая позволила проанализировать переживание как сложную нелинейную и динамичную систему. С учетом данной специфики для концептуализации феномена использовались следующие методы и подходы научного исследования теоретического уровня: философско-психологический анализ и синтез, систематизация, сравнение, обобщение и интерпретация научных данных, теоретическое моделирование.

Результаты и их обсуждение. Проанализированы психологическое содержание понятия «переживание» и основные трудности его исследования. Рассмотрены компоненты, характеристики и место переживания в структуре сознания личности в различных теоретико-методологических подходах. Раскрыта трансформация интерпретации категории переживания благодаря анализу развития психологической науки. Предложена концептуальная модель переживания, сущность которой обоснована как системный объект, а содержание – как синергическое, индивидуально своеобразное и социокультурно обусловленное единство континуума «личность–активность–среда».

Заключение. Теоретическая значимость заключается в расширении научного представления о переживании и многомерности внутреннего мира личности как в пространстве гуманитарных наук, так и в психологической практике.

Ключевые слова: переживание, постнеклассическая рациональность, концепция, целостность, культура, среда, личность, модель.

Conceptualization of the Concept of Experience in the Context of Post-Nonclassical Science Strategies

Morozhanova M.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The focus of the article is a debatable issue about the concept of experience. A theoretical and methodological review of the scientific achievements of domestic and foreign scientists on the study of the phenomenon of experience is presented.

The purpose of the work is to consider in the methodological format of the post-nonclassical paradigm the evolution of the concept of experience as well as modeling of the holistic concept of the experience space.

Material and methods. The material of this study was the work of well-known foreign and domestic scientists concerning the stated problem. To achieve this goal, the basic paradigm was post-nonclassical rationality, which allowed us to analyze the experience as a complex nonlinear and dynamic system. Taking into account this specificity, the following methods and approaches of scientific research at the theoretical level were used to conceptualize the phenomenon: philosophical and psychological analysis and synthesis, systematization, comparison, generalization and interpretation of scientific data, theoretical modeling.

Findings and their discussion. The psychological content of the concept of experience and the main difficulties of its research are analyzed. The components, characteristics and place of experience in the structure of personality consciousness in various theoretical and methodological approaches are considered. The transformation of the interpretation of the category of experience is revealed due to the analysis of the development of psychological science. A conceptual model of experience is proposed, the essence of which is justified as a system object, while the content as a synergistic, individually peculiar and socioculturally conditioned unity of the continuum "personality–activity–environment".

Conclusion. The theoretical significance lies in the expansion of the scientific understanding of the experience and the multidimensionality of the inner world of the individual, both in the space of the humanities and in psychological practice.

Key words: experience, post-nonclassical rationality, concept, integrity, culture, environment, personality, model.

Переживание относится к тем феноменам, сущность которых на сегодня недостаточно четко определена. В то же время, несмотря на наличие многочисленных исследований, посвященных проблеме переживания, не выясненными и недостаточно раскрытыми остаются такие его аспекты, как отсутствие системной концептуализации этого явления с точки зрения современного научного знания. Систематизация научных подходов к обозначенной проблеме указывает на наличие разнонаправленных подходов как к определению переживания, так и к пониманию его психологических детерминант, что позволяет определить проблемное поле феномена переживания следующим образом: как сфера эмоций и эмоционально окрашенное состояние (Г.М. Бреслав, К. Изард, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов и др.); как целостный психический акт, интерпретируемый в контексте проявлений отношения к ситуации (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.И. Слободчиков, Б.М. Теплов и др.); как особый вид активности, деятельности по преодолению различных критических ситуаций, результатом которой являются изменения во внутреннем мире человека (Ф.Е. Василюк, Т.Д. Карягина, О.Е. Хухлаев и др.); как единица анализа сознания (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Л.А. Пергаменщик, С.Л. Рубинштейн, Л.Р. Фахрутдинова). Таким образом, переживание является одним из сложных психологических конструктов и неудивительно, что на сегодняшний день это понятие, по мнению N. Veresov, «остается неясным» [1].

Актуальным представляется построение целостной концепции переживания, которая имела бы достаточный объяснительный потенциал для решения широкого круга задач психологической, социальной и педагогической теории и практики.

Цель работы – рассмотреть в методологическом формате постнеклассической парадигмы эволюцию понятия «переживание» и смоделировать целостную концепцию пространства переживания. Решение заявленной проблемы предполагает концептуализацию понятия с точки зрения интегративного подхода [2], что позволит расширить возможности и глубину постижения природы феномена переживания.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых, касающиеся заявленной проблемы. Для реализации поставленной цели базовой являлась парадигма постнеклассической рациональности, которая позволила проанализировать переживание как сложную нелинейную динамическую систему. С учетом данной специфики для концептуализации феномена использовались следующие методы

и подходы научного исследования теоретического уровня: философско-психологический анализ и синтез, систематизация, сравнение, обобщение и интерпретация научных данных, теоретическое моделирование.

Результаты и их обсуждение. Взгляды Л.С. Выготского в стремлении к целостности изучения психологии вносят вклад в актуальные и важные результаты, к которым современная психология еще только подходит [3]. В постнеклассической науке принцип холизма ориентирует ученого, с одной стороны, на необходимость целостного изучения предмета исследования, а с другой – на понимание того, что при анализе частей должно присутствовать ощущение целого как контекста изучения реальности.

Взгляды В.А. Петровского на «определение понятий в хаосе возможных определений» способствуют выделению опорных точек, что задает вектор осмысления понятия: «Начальная точка – одно из значений данного термина, представленное в культуре, языке повседневной речи. Другая точка, образующая острие вектора, есть некая психологическая интерпретация данного слова, показывающая нам “где искать” или, точнее, что мы хотим найти. Конечно, начальная и конечная точки этого вектора должны соопределять друг друга так, чтобы между ними могла пробежать молния порождения нового смысла термина» [4, с. 151]. Для выявления категориального смысла понятия «переживание» обратимся к анализу его объема и особенностей применения в массовом дискурсе.

Широкое использование термина «переживать» в повседневной жизни означает расстроиться; подвергнуться какому-то испытанию и пережить его, преодолеть трудности, испытать душевные муки [5]. В толковом словаре С.И. Ожегова слово «жить» трактуется как: существовать, находиться в процессе жизни, бытия, приставка «пере» означает направленность действия через пространство, предмет, повторение, изменение, совершение заново. Поэтому переживание и выражает идею о «пережитом» опыте: как душевное состояние, вызванное сильными ощущениями, впечатлениями [6]. Таким образом, «переживание» употребляется в узком смысле как эмоциональное переживание (чувство); и в широком смысле как любое (прямое или непосредственное переживание) текущее состояние сознания, как длительная деятельность человека в преодолении трудной жизненной ситуации. Проблематичность перевода русского слова «переживание» отмечалась и обсуждалась как русскоязычными, так и англоязычными учеными (Ф.Е. Василюк, Н.Н. Вересов, M. Fleer, F.G. Rey и др.), поскольку

ку английского эквивалента, который мог бы в полной мере передать широту и глубину смысла переживания в русском языке и культуре, нет. Поэтому авторы (Ф.Е. Василюк, Н.Н. Вересов и др.) для разъяснения концепции переживания в англоязычных работах используют его русскоязычную транскрипцию “*perezhivanie*”.

Содержательное психологическое наполнение переживания в настоящее время преимущественно рассматривается в рамках кризисной психологии, отражающей мысль о переживании как форме активности субъекта по преодолению кризисных событий. Научных исследований, в которых анализируются переживания с позиций повседневности (поскольку оно представляет собой динамическую форму существования сознания), и позитивной психологии, способствующих самоактуализации личности, мало. Продуктивной возможностью моделирующего представления выступает осмысление переживания, базовым видением которого является «целостность».

Идея целостного реализуется в подходах и теориях Б.Г. Ананьева, В.П. Зинченко, В.В. Знакова, А.В. Карпова, Б.Ф. Ломова, В.А. Мазилова, К. Мюррей, В.С. Степина, В.Д. Шадрикова и др., выступающих в качестве оснований системной организации психики и ее исследования как сложного комплексного образования. Исходя из позиций психологических систем, одним из способов выявления становления сложных объектов в соответствии с тенденциями развития самой науки является транспективный анализ [7].

По итогам исследования определены трактовки переживания на классическом (досистемном) этапе научного мышления. Переживание рассматривалось с позиций доминирующих принципов отражения, изолированности и проявлялось в виде отдельных эмоциональных, чувственных элементов потока сознания, объективных явлений, которые обнаруживаются в виде физиологических реакций.

Неклассический (системный) этап научной рациональности связан с принципом обратной связи как саморегуляции, открытой для взаимодействия личности и среды. Расширяется поле трактовки содержания понятия переживания, базирующейся на разных позициях, и проявляется в утверждениях о том, что переживание выступает: явлением, тождественным эмоциям; формой эмоции высокой степени рефлексивности (Б.И. Додонов, К. Изард, Е.П. Ильин, А.Ф. Корниенко, Р.С. Немов, К.К. Платонов, В.П. Симонов, О.П. Санникова и др.); осознанным или неосознанным состоянием (О.А. Прохоров и др.); механизмом, который обеспечивает единство социальной и индивидуальной сущности личности, социализацию (Т.Д. Марцинковская и др.); полноценным психическим актом (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.И. Слободчиков и др.); формой активности, процессом, в котором реализуется особая деятельность по перестройке психического мира в ситуации невозможности разрешить критическую ситуацию средствами внешней деятельности (Ф.Е. Василюк, Л.Г. Жедунова, Л.А. Пергаменщик, О.Е. Хухлаев, И. Ялом и др.). Феноменологический и экзистенциальный подходы способствовали раскрытию проблемы переживания смысла человеческого бытия, его развития, становления зрелой личности (Р. Лэнг, А. Лэнгле, А. Маслоу, Р. Мэй, К. Роджерс, В. Франкл и др.). Таким образом, начинает намечаться тенденция к интеграции различных систем, открывая принципы самоорганизации, нелинейности, сложности и целостности.

Постнеклассический этап требует целостного трансдисциплинарного взгляда на процессы самоорганизации, протекающие в системах самой различной природы (физических, биологических, технических, социальных и др.). Соответственно, на первый план выступают поставленные ранее проблемы, не нашедшие должного решения, – проблемы жизненного выбора, смысла, свободы воли, саморегуляции, автономии и самодетерминации. Развертывание понятия переживания происходит во взаимосвязях с хромотопическими и энергетическими характеристиками как способностью видеть жизнь непрерывной, взаимосвязанной и самоидентифицируемой (М.М. Бахтин, Ф.Е. Василюк, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Т.М. Титаренко, Л.Р. Фахрутдинова и др.); с событийным опытом жизненного мира человека (С.Л. Рубинштейн), становлением себя «возможного», выходом за собственные пределы (В.В. Козлов, М.К. Мамардашвили, А. Маслоу, К. Роджерс и др.); в которых представлена духовная жизнь в ее целостности, его индивидуальная и коллективная психика (А.Г. Асмолов, У. Виртц, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, Н. Хачатрян, В.Д. Шадриков и др.).

Таким образом, обозначенная проблематика необходимости углубления исследования переживания в контексте концептуализации его понятия требует обращения к ее изучению в системе координат, задаваемых различными уровнями методологии науки.

На современном этапе происходит формирование разноаспектных подходов к разработкам модели предметного поля психологического знания, направленных на упорядочение фрагментации психологического знания. Так, Е.В. Завгородняя, основываясь на многомерности, разноуровневости, гетеродетерминированности, разномасштабности предметного поля психологии, предлагает

рассматривать его по четырем основаниям. Первым основанием является уровень детерминации (психоприродный, психобиосоциальный, психокультуральный, психоэкзистенциальный); второе основание – сферы выявления психологической локации (внутренние или внешние, глубинные или поверхностные); третье – по критерию продолжительности (пространственные, временные, энергетические и ценностные измерения); четвертое – историко-культурные фокусы внимания [8].

Еще одной интересной с точки зрения настоящего исследования является модель А. Cleeremans, в которой психологическое знание представлено в форме куба сфер психологии, грани которого образуют матрицу различных направлений психологии и описание ее интеграции. Измерение организации (биологическая, индивидуальная, групповая); измерение перспективы (нормальности, изменения и развития, патологии); измерение метода (интервенция, экспериментирование, моделирование) [9].

В социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории описывается возможность интеграции психологического знания, в которой существующее многообразие психологического знания может быть представлено в ряде континуумов – по критерию разнокачественности природ: биологическое–психическое–символическое; по критерию сфер отраженной реальности: осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное; по критерию сфер изучения: личность–окружение–активность. Системообразующим принципом выделенных континуумов выступает культурная обусловленность, которая представляется как общая универсальная интердетерминанта [10].

Схожим источником понимания человека как интегрального объекта природы, его психической организации в контексте методологии интегративного подхода являются труды В.Н. Панфёрова. Автор сформулировал структурную модель психической организации, в соответствии с которой осуществляется описание векторов взаимодействия с объективной и субъективной действительностью, в котором реализуется психический потенциал человека: психофизический (взаимодействие с внешним миром), психофизиологический (взаимодействие с организмом), психорефлексивный (взаимодействие с собственным внутренним миром), деятельностно-психологический (взаимодействие с миром вещей), социально-психологический (взаимодействие с миром людей) [11].

Ряд авторов, наряду с биологическими, психологическими и социальными факторами холистического описания личности, разрабатывают интегральные био-психо-социо-духовные модели [12].

При разработке концептуальной модели психологического пространства переживания мы опирались на вышеназванные модели интеграции, с описанием континуумов, выделенных в социокультурно-интердетерминистской диалогической концепции, поскольку они наиболее полно отвечают задачам преобразования и изменения различных уровней психической реальности человека.

Рассмотрим переживание в континууме разнокачественности природ реальности: биологическое–психическое–социальное. В зарубежной и отечественной литературе накоплен богатый опыт исследований эмоций и сознания как субъективного переживания физиологических процессов (Ф. Бард, У. Джемс, К. Изард, У. Кэнон, К. Ланге, С. Шехтер, П. Экман, Е. Rolls и др.), психосоматических болезней как физической проблемой вытесненных эмоциональных переживаний (З. Фрейд и др.); как внутренней картины болезни (Р.А. Лурия и др.).

Для современной психофизиологии и нейробиологии характерно смещение интересов от исследования нейродинамических основ психики к изучению физиологических процессов в структуре активного, психически опосредованного взаимодействия человека с миром. Технологии нейровизуализации позволили констатировать, что субъективные переживания, возникающие на различных уровнях коры головного мозга, контролируют висцеральные и моторные проявления эмоций, влияют на другие зоны центральной нервной системы и стимулируют изменения в сосудах и внутренних органах. С точки зрения теории аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, живые системы являются автономными системами (эндогенно управляемыми, самоорганизующимися и самопродуцирующимися), нервная система живых существ способна генерировать собственные условия отношения к окружающей среде. Современные исследования показывают, что в мозге создаются новые нейронные пути и изменяются существующие, для адаптации к новому переживаемому опыту, и соответствующему реагированию на последующий переживаемый опыт [13]. Интеграция психологических моделей с нейробиологическими привела к развитию адаптационных, нейрофизиологических (М.М. Bradley, P.J. Lang), и конструктивистских теорий переживания эмоциональных состояний (L.F. Barrett, J.A. Russell) [14].

Таким образом, переживание может быть объяснено в терминах нейробиологических особенностей деятельности мозга, но не может быть исключительно приравнено к какому-либо одному элементу или свойству. Во взаимодействии биохимического, психического и средового (социального и культурного) существуют связи,

каждая из которых выступает как форма проявления и фиксации целостного переживаемого опыта личности, служит его своеобразной проекцией, предопределяет особенности психических процессов и различных форм функционирования человека. Целостность индивидуальности лежит в основе того факта, что любое воздействие хотя бы на один из уровней (социальный, физиологический, психологический и проч.) неизбежно приводит к откликам на всех других уровнях и изменяет текущее состояние организма человека, его психическое состояние.

Далее рассмотрим переживание по критерию сфер отраженной реальности: *бессознательное–осознаваемое–экзистенциальное*. В идеях Ф.В. Басина, Л.И. Божович, Ф.Е. Василюка, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна предполагается первичность переживания в основании психического функционирования и развития человека как источника и единицы сознания. При этом переживание является, с одной стороны, особым типом сознания, а с другой – сама душевная жизнь человека лежит в переживании. В исследованиях проблемы переживания Л.Р. Фахрутдинова приходит к выводу, что его функцией являются переработка, впечатление и встраивание образов в структуры сознания, поскольку имеет непосредственные внутрисистемные связи с рефлексией, бытийным и духовным уровнями сознания, образующими единство [15].

Проблемы отношения человека к миру, переживание и осмысление мира, мироощущение, мировосприятие выступают основополагающими в работах О.Ф. Больнова, А. Маслоу, Ж.-П. Сартра, С.Л. Франка, В. Франкла, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. Идея репрезентации жизненного мира, реальности в целом через призму культурных схем, образцов, моделей, лежит в основе методологических положений о диалогической природе (М.М. Бахтин, В.П. Зинченко, Ю.М. Лотман, В.Ф. Петренко и др.) и знаково-символического и генетически-детерминированного (Л.С. Выготский, Э. Сепир, Б. Уорф, Н. Хомский и др.) механизма функционирования обыденного сознания.

Переживания, которые побуждают человека к действиям, по мнению В.А. Петровского, соответствуют отчасти сознательному в психике, а переживания неопределенно-чувственные относятся к явлениям неосознаваемого или смутно осознаваемого субъектом. К. Юнг расширил представления З. Фрейда, отмечая также коллективный характер бессознательного, проявляющийся через архетипы, которые определяют формальные образцы всех переживаний, представлений и поведения людей. В трактовке бессознательного весьма сходную точку зрения высказал Л.С. Вы-

готский о том, что бессознательное не отделено от сознания, существует динамическая связь между обеими сферами сознания. Как показывает психотерапевтическая практика, в разных пластах психики одновременно сосуществует множество переживаний, которые актуализируются либо остаются вне поля сознания (вытесняются, смещаются, подавляются, проецируются, отрицаются и пр.).

К обсуждаемому континууму следует отнести творческие, ага-переживания, инсайты, озарения как «сверхсознательные» процессы. R. Reber и S. Topolinski на основании описаний момента «Ага!» выделили четыре определяющих признака таких переживаний: внезапность, неосознаваемость, возникновение положительного эффекта до оценки найденного решения, убежденность в правильности решения [16].

Рассмотренные взгляды также согласуются с теорией Ф.Е. Василюка о том, что деятельность переживания опосредствована всеми уровнями сознания, а степень его осознанности может быть разной. Осознать – значит не только ощутить экзистенцию переживания, но и соотнести его с тем предметом, событием, обстоятельствами, миром собственной личности, духовной реальностью, которые его вызывают и на которые это переживание направлено. Неосознанные и неосмысленные эмоции и чувства указывают на отсутствие их соотнесения или на неадекватное соотнесение с аспектами бытия.

Таким образом, связь сознания, ситуации и переживания отражается в процессах адаптации человека к условиям существования, текущего функционирования, полноты жизни с помощью пространственно-временных, когнитивных характеристик, психосемантических образов, обладает культурнообусловленным характером и представляет осознаваемые и неосознаваемые структуры психики, в которых жизнедеятельность человека осуществляется как единство условий сознания и деятельности.

Рассмотрение переживания по критерию сфер изучения *личность–окружение–активность* осуществляется посредством активных взаимосвязей культуры и среды в развитии личности. Именно эта проблема в ее психологическом аспекте является в последнее время одной из главных. К.В. Карпинский отмечает, что личность как субъект деятельности выступает носителем специфической активности, которая направлена на развитие и оптимизацию деятельности, максимально способствующую реализации жизненных отношений личности [17].

Переживания являются неотъемлемой от личности категорией, поскольку личность –

объективно функционирующий, целостный феномен, переменный в процессе онтогенеза (Л.С. Выготский, С.Д. Максименко). Интеграция рационального и эмоционального познания мира – через знания и переживания, через слово и чувство – закладывает условия для развития не только общих, но и духовных способностей, которые определяют поступки и отношения человека, психологическую культуру его личности. Таким образом, личность появляется в сознании как системное аффективное переживание субъектом самого себя, как обобщенное, целостное эмоциональное отношение к себе, основанное на обобщенном эмоциональном переживании. Переживание предстает как процесс встречи внутреннего и внешнего мира, происходящей в сознании человека, и может быть представлено и как единица анализа отношений личности к среде, и как единица анализа сознания.

С точки зрения гуманистической и трансперсональной психологии важным компонентом идентичности, моментом полного ощущения истинного «Я» является пиковое переживание. По мнению А. Маслоу, последствия пикового опыта заставляют человека увидеть себя и мир по-новому, посмотреть на себя более позитивно, жизнь становится стоящей и значимой [18].

Жизненный мир человека состоит из взаимосвязей внутренних процессов и внешнего мира, что раскрывается через координаты психологического пространства и времени личности (М.М. Бахтин, В.А. Ганзен, И.Е. Головах,

А.А. Кроник, К. Левин, J. Boyd, P.G. Zimbardo и др.). В трудах упомянутых выше исследователей отмечаются такие ключевые свойства переживаний, как взаимосвязь с сознанием, эмоциональным состоянием, внутренний диалог, воспоминания о нем, жизненные истории об этом событии, что соответствует смыслу личностного времени. Согласно С.Д. Максименко, переживание принадлежит к таким психологическим явлениям, в которых в едином мгновенном акте сливаются все составляющие. Возникает целостность, которая дальше так и существует, больше не распадаясь. Даже те переживания, которые перестали быть актуальными, сохраняются в таком же целостном виде, образуют опыт личности [19].

Таким образом, переживание является ключевой характеристикой, которая непосредственно связана со смысловым наполнением событий, имеет субъективную окраску и находится в континууме со свойствами психологического пространства и времени личности.

Таким образом, теоретико-методологический анализ, осуществленный с рассмотренных выше позиций, позволил смоделировать психологическое пространство переживания, в котором в единое целое связано время жизни человека и среда его социокультурной реализации (рисунок).

Предлагаемая модель задает теоретическое понимание того, что переживание является понятием интегративного типа, рассматривается как продукт сложных системных взаимовлияний

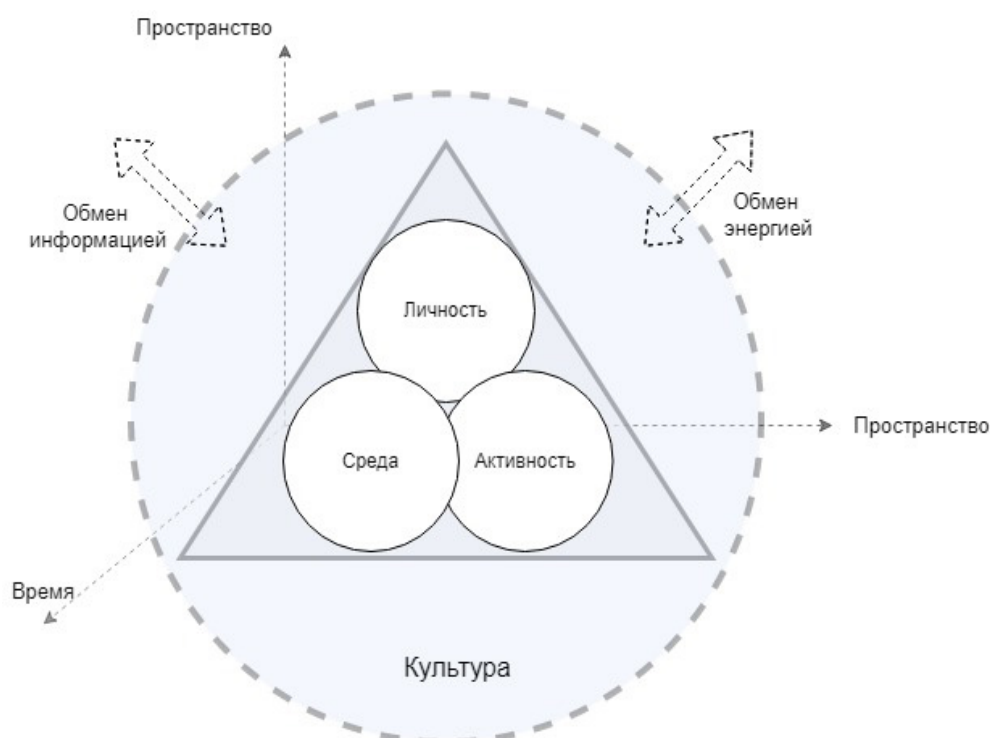

Рисунок – Концептуальная модель переживания

биологической, психологической, социальной контекстуальной динамики, которые разворачиваются в культурном и историческом пространстве-времени. Обладая свойствами гибкости, многовариантности связей и их взаимной обусловленности, переживание не имеет простой линейной причинной связи. Координаты нелинейной динамики модели предполагают мультипричинность и ситуативность развития, протекания, содержательного наполнения переживания, опираются на различные комбинации функционально взаимосвязанных культурных, биологических, психологических и социальных переменных конкретного человека в конкретной ситуации. С каждым взаимодействием система становится сложнее, вбирая в себя результаты предыдущих взаимодействий, поскольку каждое новое переживание проживается сквозь призму жизненного опыта, и в свою очередь, корректирует его, следовательно, делает внутренний мир человека уникальным и неповторимым.

Как положительные, так и отрицательные переживания являются результатом сложных динамических уровневых изменений как компонентов единого процесса, который разворачивается, когда человек сталкивается с проблемой или возможностью. Применительно к переживанию такой ситуацией саморазвития могут выступать моменты пиковых переживаний, кардинально меняющих физическое, психологическое, социальное и духовное жизнеосуществление человека. В результате человек начинает функционировать в новых внутренних и внешних условиях. Именно функционирование человека в новых условиях жизнедеятельности становится объектом психологии переживания как науки постнеклассического типа.

Исходя из вышеизложенных критериев определения категории «переживание», предлагаем следующую дефиницию: *переживание – интегральное образование внутреннего мира человека, многомерность которого проявляется в открытой динамической системе личностных, событийно-содержательных, аффективных, хромотопических характеристик, релевантных социокультурному содержанию пространства его бытия.*

Заключение. Использование плюралистической модели познания, в частности, интеграции парадигмальных идей философских и психологических традиций, позволило с новых позиций интерпретировать разнообразие эмпирических фактов и подходов к изучению переживания и концептуализировать его понятие.

Литература

1. Veresov, N. The concept of perezhivanie in cultural-historical theory: Content and contexts. *Perezhivanie, Emotions and Subjectivity* / N. Veresov. – Singapore: Springer, 2017. – P. 47–70.
2. Мазиллов, В.А. Интеграция научного знания в психологии / В.А. Мазиллов // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – С. 427–458.
3. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
4. Петровский, В.А. Саморегуляция в структуре индивидуальности: кто субъект, кто объект, кто посредник? / В.А. Петровский // Субъект и личность в психологии саморегуляции: [сб. науч. тр.]. – М.–Ставрополь, 2007. – С. 151–172.
5. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М., 1984. – 200 с.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-8243.htm>. – Дата доступа: 05.03.2022.
7. Ключко, В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии / В.Е. Ключко // Субъект и личность в психологии саморегуляции: [сб. науч. тр.]. – М.–Ставрополь, 2007. – С. 68–84.
8. Загородняя, Е.В. Разработка стратегии интеграции психологического знания: проблема предметной области психологии. Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. [4 мая 2021 г.] / под науч. ред. В.А. Мазилова. – Ярославль, 2021. – С. 20–24.
9. Cleeremans, A. The grand challenge for psychology: integrate and fire! *Frontiers in Psychology* [Electronic resource] / A. Cleeremans. – Mode of access: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2010.00012/full>. – Data of access: 14.02.2022.
10. Янчук, В.А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия / В.А. Янчук // Методология и история психологии. – 2018. – № 1. – С. 124–154.
11. Панфёров, В.Н. Методология интегрального синтеза в психологической науке / В.Н. Панфёров, С.А. Безгодова // Психол. журн. – 2015. – Т. 36, № 1. – С. 20–33.
12. Sulmasy, D.P. A Biopsychosocial-Spiritual Model for the Care of Patients at the End of Life / D.P. Sulmasy // *The Gerontologist*. – 2002. – № 42. – P. 24–33.
13. Матурана, У. Дерево познания / У. Матурана, Ф. Варела; пер. с англ. Ю.А. Данилов. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
14. Barrett, L.F. Solving the emotion paradox: Categorization and the experience of emotion / L.F. Barrett // *Personality and Social Psychology Review*. – 2006. – №10. – P. 20–46.
15. Фахрутдинова, Л.Р. Категории переживания, психического состояния и впечатления / Л.Р. Фахрутдинова // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы: сб. ст. Третьей междунар. науч. конф., Казань, 8–10 нояб. 2018 г. / отв. ред.: Б.С. Алишев, А.О. Прохоров. – Казань, 2018. – С. 204–218.
16. Topolinski, S. Gaining insight into the “aha” experience / S. Topolinski, R. Reber // *Current Directions in Psychological Science*. – 2010. – № 19. – P. 402–405.
17. Карпинский, К.В. Соотношение личности и субъекта как проблема психологической науки: Исторические предпосылки и теоретические тенденции / К.В. Карпинский // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Образование и пед. науки. – 2019. – № 3(832). – С. 243–255.
18. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.
19. Максименко, С.Д. Поняття особистості у психології / С.Д. Максименко // Психологія і особистість. – 2016. – № 1(9). – С. 11–17.

Поступила в редакцию 08.04.2022

Подходы к определению понятия коммуникативной компетентности в психологии

Ткачёв И.В.

Белорусский государственный университет

Феномен коммуникативной компетентности, а также его структура характеризуется неоднозначностью и множественностью трактовок. Это связано с тем, что данное понятие является объектом анализа различных наук: психологии, педагогики, лингвистики, социологии и других. Сам термин возник для описания вопросов эффективности коммуникации и речевой деятельности. Междисциплинарный характер данного явления указывает на закономерный интерес ученых к проблеме эффективности коммуникации. Однако исследователи из различных областей научного знания ставят акценты на разных аспектах феномена коммуникативной компетентности, что вызывает сложности с определением его понятия.

Цель статьи – уточнение и операционализация понятия коммуникативной компетентности в рамках психологии.

Материал и методы. Материалом исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные феномену коммуникативной компетентности. В качестве методов изучения применялись метод теоретического анализа и сравнительный метод.

Результаты и их обсуждение. В статье представлен теоретический обзор подходов к определению понятия коммуникативной компетентности в психологических и педагогических исследованиях. Можно выделить два наиболее отличных друг от друга подхода к пониманию феномена: ситуационный и диспозиционный. В рамках ситуационного подхода коммуникативная компетентность рассматривается как субъективное впечатление об эффективности и уместности коммуникативного поведения коммуниканта в конкретной ситуации. В диспозиционном подходе коммуникативная компетентность понимается как интегративное, относительно стабильное психологическое образование или личностное качество, способствующее достижению субъектом поставленных им коммуникативных целей.

Заключение. Коммуникативную компетентность целесообразно рассматривать в терминах способностей, так как она имеет более динамичный характер, нежели личностные качества и свойства. Данный феномен можно определить следующим образом: коммуникативная компетентность – это формирующаяся на базе коммуникативных способностей интегративная система знаний, умений и навыков в области межличностного взаимодействия, обеспечивающая ситуативную гибкость и адаптивность коммуникативного поведения субъекта и способствующая достижению поставленных им коммуникативных целей.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, эффективность коммуникации, коммуникация, общение, межличностное взаимодействие, коммуникативные способности, компетентность, компетенция, компетентностный подход.

Approaches to the Definition of Communication Competency in Psychology

Tkachov I.V.

Belarusian State University

The phenomenon of communication competency, as well as its structure is characterized by ambiguity and multiplicity of interpretations. This is connected with the fact that this concept is the object of analysis of various sciences: psychology, pedagogy, linguistics, sociology and others. The term itself emerged to describe the issues of effectiveness of communication and speech activity. The interdisciplinary nature of this phenomenon indicates the natural interest of scientists to the problem of communication effectiveness. However, researchers from various fields of scientific knowledge put emphasis on different aspects of the phenomenon of communication competency, which causes difficulties with the definition of its concept.

The aim of the article is to clarify and operationalize the concept of communication competency within psychology.

Material and methods. The material of the study was the works of domestic and foreign authors, devoted to the phenomenon of communication competency. The method of theoretical analysis and the comparative method were used as research methods.

Findings and their discussion. The article presents a theoretical review of approaches to defining the concept of communication competency in psychological and pedagogical research. It is possible to distinguish two most different from each other approaches to the understanding of the phenomenon: situational and dispositional. The situational approach considers communication competency as a subjective impression of the effectiveness and appropriateness of communicative behavior of the communicant in a particular situation. In the dispositional approach communication competency is understood as an integrative, relatively stable psychological formation or personal quality that contributes to the achievement of the subject's communicative goals.

Conclusion. Communication competency is appropriate to consider in terms of capacities, as it has a more dynamic nature than personal qualities and traits. This phenomenon can be defined as follows: communication competency is formed on the basis of communicative capacities integrative system of knowledge and skills in the field of interpersonal interaction, which provides situational flexibility and adaptability of communicative behavior of the subject and contribute to the achievement of their communicative purposes.

Key words: communication competency, communication effectiveness, interpersonal interaction, communicative capacities, competency, competence, competence based education.

Феномен коммуникативной компетентности, а также его структура характеризуется неоднозначностью и множественностью трактовок. Во многом это связано с тем, что данное понятие является объектом анализа различных наук: психологии, педагогики, лингвистики, социологии и других. Сам термин возник для описания вопросов эффективности коммуникации и речевой деятельности. Междисциплинарный характер данного явления указывает на закономерный интерес ученых к проблеме эффективности коммуникации. Однако исследователи из различных областей научного знания ставят акценты на разных аспектах коммуникативной компетентности, что в конечном итоге вызывает сложности с определением его понятия.

Говоря об истоках понятия компетентности, стоит отметить, что его становление происходило в рамках развития компетентностного подхода в образовании, зарождение которого началось в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в западной науке. В конце 1980-х компетентностный подход начал развиваться в отечественных исследованиях. Его появление было вызвано необходимостью повышения качества образования и эффективности трудовой деятельности.

Компетентностный подход противопоставлялся традиционной «знаниевой» модели образования. В.А. Болотов и В.В. Сериков отмечают, что в компетентностном подходе «отражен такой вид содержания образования, который не сводится к знаниево-ориентировочному компоненту, а предполагает целостный опыт решения жизненных проблем, выполнения ключевых (т.е. относящихся ко многим социальным сферам) функций, социальных ролей, компетенций» [1, с. 10]. Таким образом, обладание компетентностью связано с готовностью субъекта к решению реальных практических задач. В связи с этим понятие коммуникативной компетентности означает такой уровень сформированности коммуникативных качеств субъекта, который позволяет ему успешно функционировать в обществе в рамках профессионального и обыденного взаимодействия с другими людьми.

Феномен коммуникативной компетентности получил большое развитие в лингвистической науке. В рамках его становления в работах данного направления использовались термины «компетенция» или «языковая компетенция» (М.Н. Вятютнев; N. Chomsky), «коммуникативная компетенция» (И.Л. Бим, В.В. Сафонова; M. Canale, D. Hymes, S. Savignon, M. Swain), «коммуникативная языковая способность» (L. Bachman), «коммуникативная способность»

(J. Van Ek). В лингвистических работах понятие компетенции рассматривается в контексте способности к языковой деятельности на родном и иностранном языках (иноязычная коммуникативная компетенция). В рамках данного направления авторы разрабатывают модели, описывающие набор психологических качеств, умений и знаний языкового и социокультурного характера, необходимых для того, чтобы грамотно общаться на своем и иностранном языках, а также предлагают критерии для оценки коммуникативной компетенции и способы ее формирования (например, Р.П. Мильруд, И.Р. Максимова [2]).

Понятие коммуникативной компетентности также разрабатывается и в социологии. Так, Е.В. Чанкова в результате анализа становления понятия коммуникативной компетентности в социологических теориях в рамках докторской диссертации разработала теоретико-методологический подход к пониманию и исследованию коммуникативной компетентности в условиях изменяющейся социальной реальности [3].

В данной работе будет сделан акцент на подходах к пониманию коммуникативной компетентности в психологии и педагогике. На становление этого понятия в рамках отечественных психологических и педагогических исследований повлияли работы Ю.Н. Емельянова, Ю.М. Жукова, И.А. Зимней, Л.А. Петровской, Е.В. Сидоренко и др. Среди зарубежных авторов, внесших значительный вклад в разработку данного понятия, можно назвать P. Backlund, W. Cupach, J. McCroskey, B. Spitzberg, J. Wiemann и др. В исследованиях коммуникативной компетентности обозначенного направления разрабатываются ее структурные модели, включающие разнообразные коммуникативные качества, способствующие эффективности межличностного взаимодействия, а также критерии их оценки (например, Е.В. Ноздрякова [4]). Коммуникативная компетентность может рассматриваться в рамках определенной профессиональной деятельности, где анализируются необходимые коммуникативные качества, способствующие ее успешности (например, В.А. Манулик, Ю.В. Михайлюк [5]; J. Koronen, S. Julkunen, A. Asai [6]). Данный феномен также изучается в контексте возрастных особенностей, где раскрываются модели и способы формирования коммуникативной компетентности детей дошкольного (например, А.А. Когут [7]), младшего школьного (например, А.А. Заречная [8]), подросткового (например, М.А. Комлева, Е.Е. Дмитриева [9]) возрастов. Немало работ посвящено проблеме формирования коммуникативной компетентности студентов (например, Р.С. Наговицын и др. [10]). Коммуникация охватывает все

сферы жизнедеятельности человека, поэтому область исследований, в рамках которой рассматривается коммуникативная компетентность, очень обширна и многогранна.

Несмотря на большое количество работ и интерес исследователей к проблеме коммуникативной компетентности, однозначного определения понятия указанного феномена в русле психологии нет. Также отсутствуют общепринятые структурные модели данного явления, включающие набор составляющих его компонентов.

Цель статьи – уточнение и операционализация понятия коммуникативной компетентности в рамках психологической науки.

Материал и методы. Материалом исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные феномену коммуникативной компетентности. В качестве методов изучения применялись метод теоретического анализа и сравнительный метод.

Результаты и их обсуждение. Для исследований в данной области характерно использование двух родственных терминов – компетенция (competence) и компетентность (competency). В зарубежной литературе в подавляющем большинстве случаев используется первый вариант. В связи с этим при анализе зарубежных работ мы будем использовать термин «компетенция». В русскоязычных исследованиях понятия «компетенция» и «компетентность» могут: 1) отождествляться и использоваться как синонимы (например, О.И. Муравьева); 2) изучаться безотносительно друг к другу (например, Ю.Н. Емельянов, Л.А. Петровская); 3) компетенция может рассматриваться как более узкое качество, входящее в состав компетентности как интегративной характеристики (например, Л.Н. Булыгина, И.А. Зимняя).

Несмотря на противоречия в толковании соотношения данных понятий, компетентность в русскоязычных исследованиях чаще всего трактуется как сложная интегративная характеристика, способствующая эффективному выполнению той или иной деятельности.

Говоря о понятии «компетенция», И.А. Зимняя отмечает, что на данный момент сформировалось три основные его трактовки [11, с. 154]:

1) педагогическая – компетенция рассматривается здесь как наперед заданное содержание образовательных программ (требование, норма), подлежащее освоению обучающимися (А.В. Хуторской);

2) психолого-практическая – под компетенциями в данном случае изначально понимались различные способности, позже в данное понятие также были включены знания, навыки и разно-

образные личностные качества, необходимые для эффективного выполнения профессиональной деятельности (D. McClelland, J. Raven, L. Spencer и S. Spencer);

3) психолингвистическая – компетенция как осваиваемое и освоенное, но не актуализируемое еще содержание, образ содержания знаний, программ их реализации, способов и алгоритмов действий (N. Chomsky).

Таким образом, исходя из приведенных трактовок, компетентность – понятие более широкого плана по отношению к компетенциям. Последние рассматриваются как более узкие освоенные или подлежащие освоению качества, составляющие компетентность как комплексную характеристику.

На основании анализа литературы можно выделить два основных наиболее отличных друг от друга подхода к пониманию коммуникативной компетентности. В рамках первого данный феномен рассматривают как показатель, характерный для конкретной ситуации. При этом в коммуникативную компетентность здесь включают субъективное впечатление участников коммуникативного процесса об эффективности и уместности коммуникативного поведения говорящего. Такой подход можно назвать ситуационным. Во втором случае коммуникативная компетентность характеризуется как межконтекстуальная, относительно стабильная характеристика. То есть она изучается в качестве устойчивой предрасположенности к компетентному коммуникативному поведению. Этот подход можно обозначить как диспозиционный. Рассмотрим эти два подхода более подробно.

Ситуационный подход к пониманию коммуникативной компетентности в большей степени характерен для зарубежных исследований. Он нашел свое отражение в модели коммуникативной компетенции, предложенной B. Spitzberg и W. Cupach.

Авторы связывают понятие коммуникативной компетенции с функционально эффективной коммуникацией, соответствующей контексту ситуации. Знания (когнитивный компонент), мотивация (мотивационный компонент) и навыки (поведенческий компонент) – относительно независимые конструкторы, которые влияют на коммуникативное поведение субъекта, что позволяет окружающим оценивать степень его компетентности. Мотивация связана с ориентацией на поиск или избегание коммуникации, а также со стремлением быть компетентным коммуникантом; знания включают когнитивное содержание и процессуальную динамику сборки действий; коммуникативные навыки – это повторяющиеся целенаправленные последовательности действий,

участвующие в формировании сообщения и взаимодействии [12].

Важно подчеркнуть, что В. Spitzberg предлагает рассматривать компетентную коммуникацию с точки зрения ее субъективной оценки участниками коммуникативного процесса. Автор пришел к такому заключению в связи с тем, что коммуникативная компетенция всегда связана с контекстом, в котором происходит коммуникация. В разных ситуациях одно и то же коммуникативное поведение может оцениваться по-разному, что говорит о такой характеристике компетентной коммуникации, как уместность [13]. В. Spitzberg считает, что в данном контексте уместность и эффективность коммуникации характеризуют ее как компетентную. Уместность – это степень, в которой человек или его поведение воспринимаются как легитимные, приемлемые или соответствующие контексту. Эффективность – это степень достижения одного или нескольких желаемых результатов в данном контексте [12].

Что касается эмпирических исследований, то в рамках предложенной модели чаще всего используют шкалы для оценки коммуникативных знаний, навыков и мотивации, проявляемых субъектом при взаимодействии с другими людьми. При этом могут анализироваться самоотчеты субъектов, отчеты собеседников с оценками друг друга, а также отчеты стороннего наблюдателя с оценками коммуникантов. Особое внимание уделяется коммуникативным навыкам.

В. Spitzberg и W. Cupach предлагают классифицировать коммуникативные навыки по континууму от более микроуровневых моделей поведения (например, кивки головой, задавание вопросов) до измерений мезоуровня, к которым авторы отнесли четыре широких навыка: внимательность, самообладание, координацию и выразительность. При этом навыки также связываются с их функциями на микро- и мезоуровне. Например, на микроуровне такие навыки, как поощрение / согласие; наклон к партнеру; кивки головой; задавание вопросов; разговоры о партнере; разговоры о себе, составляют навык внимательности на мезоуровне. В свою очередь данный навык на микроуровне может выполнять следующие функции: эмпатия, забота, комфорт, поддержка, интерес. На мезоуровне данные составляющие выполняют функцию интимности при коммуникации с партнером. В итоге на любом уровне составляющие навыков могут быть эмпирически связаны с субъективными оценками уместности и эффективности коммуникации [14].

Таким образом, при такой трактовке коммуникативной компетенции (впечатление об уместности и эффективности коммуникации)

данный феномен рассматривается как нечто менее стабильное, сильно зависящее от ситуации, в которой происходит коммуникация. Фокус внимания в оценке данного показателя направлен как на самого исследуемого, так и на других участников коммуникативного процесса.

Диспозиционный подход к пониманию коммуникативной компетентности, в отличие от подхода, представленного выше, коммуникативную компетентность чаще всего рассматривает как сложное интегративное относительно стабильное психологическое образование, включающее коммуникативные знания, навыки, умения, а также другие индивидуально-психологические качества субъекта, способствующие достижению поставленных им коммуникативных целей. Для измерения коммуникативной компетентности здесь также чаще всего используют разнообразные самоотчетные шкалы. Так как в данном подходе коммуникативная компетентность раскрывается в качестве относительно стабильной характеристики, собираются и анализируются только самоотчеты субъектов о своих собственных коммуникативных качествах.

Существенное влияние на развитие понятия коммуникативной компетентности в отечественной психологии оказали труды Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской и П.В. Растянникова. Они рассматривают коммуникативную компетентность с позиции структуры предметной деятельности. Под коммуникативной компетентностью авторы понимают «систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенном круге ситуаций межличностного взаимодействия» [15, с. 4]. Анализируя возможности диагностики компетентности, авторы выделили в ее составе ориентировочную и исполнительную части. Под ориентировочной составляющей понимаются когнитивные ресурсы, позволяющие ориентироваться в коммуникативной ситуации, планировать коммуникативные действия, а также анализировать и оценивать последствия каждого из потенциальных действий – как прямых, связанных с достижением цели, так и побочных. Исполнительная часть коммуникативной компетентности связана с операциональным составом действия. Основными параметрами исполнительной части являются набор всевозможных коммуникативных техник, а также адекватное и уместное их использование в контексте заданной ситуации. Позже в своей диссертационной работе Ю.М. Жуков наряду с когнитивными (знания) и поведенческими (умения и навыки) аспектами в состав коммуникативной компетентности включает диспозиции (коммуникативные установки и ориентации).

Значительный вклад в разработку исследуемого феномена также внес Ю.Н. Емельянов. Он трактует коммуникативную компетентность как ситуативную адаптивность, свободное владение вербальными и невербальными средствами общения, такую степень сформированности опыта межличностного взаимодействия (обученность взаимодействию с окружающими), которая позволяет субъекту успешно функционировать в обществе в рамках своего социального статуса и способностей. Кроме того, ученый обращает внимание на общественные предпосылки данного феномена, указывая на то, что коммуникативная компетентность связана не только со свойствами самого индивида, но и с изменениями, происходящими в обществе, а также социальной мобильностью субъекта в связи с происходящими изменениями [16].

Аспект ситуативной гибкости как характеристика коммуникативной компетентности прослеживается и в популярном в зарубежных исследованиях определении J. Wiemann. Согласно автору, коммуникативная компетенция – это способность собеседника выбирать доступные коммуникативные модели поведения для успешного достижения собственных межличностных целей во время встречи, сохраняя при этом лицо и линию поведения своих собеседников в рамках ограничений ситуации [17, р. 198]. В модель коммуникативной компетенции он включил пять навыков: аффилиация / поддержка, социальная релаксация, эмпатия, поведенческая гибкость, управление взаимодействием.

Таким образом, из приведенных выше определений понятия коммуникативной компетентности и моделей данного феномена четко прослеживаются два его компонента: когнитивный (знания, опыт межличностного взаимодействия) и поведенческий (навыки и умения). Они обеспечивают ориентировку субъекта в коммуникативной ситуации, а также гибкое, адаптивное коммуникативное поведение, соответствующее контексту ситуации, способствующее достижению поставленных целей. Однако в данных моделях слабо раскрывается мотивационная составляющая феномена. Приобретение знаний, формирование опыта, умений и навыков межличностного взаимодействия невозможно без соответствующей мотивации, которая определяет стремление субъекта к общению. На наш взгляд, при рассмотрении коммуникативной компетентности необходимо учитывать мотивационные факторы, определяющие степень стремления субъекта к общению с другими людьми.

И.Н. Зотова трактует коммуникативную компетентность как систему психологических знаний о себе и о других, умений, навыков в общении,

стратегий поведения в социальных ситуациях, позволяющую строить межличностное общение в соответствии с целями и условиями взаимодействия. В состав феномена автор включает мотивационно-эмоциональный (потребность в общении, стремление к компетентности, эмпатийность); когнитивный (коммуникативные знания, социально-перцептивные способности); поведенческий (модели межличностного взаимодействия, регуляция коммуникативного поведения) компоненты. В структуре феномена, вслед за Е.В. Сидоренко, она выделяет коммуникативные знания, умения и способности [18]. Включение в состав феномена мотивационных факторов характерно для многих исследований в данной области (Р.П. Дондокова, Е.В. Кузнецова, В.Ф. Ремизова, И.С. Трубина и др.). Кроме того, в состав феномена могут включать разноплановые личностные качества. Например, Е.С. Гричановская в модели коммуникативной компетентности выделяет личностный компонент, куда она отнесла следующие свойства: саморазвитие, самостоятельность, самосовершенствование, толерантность, эмпатию, способность к принятию решений [19]. При этом и саму коммуникативную компетентность могут определять как личностное качество (например, И.А. Зимняя, А.С. Никулина, О.Ю. Шубкина).

Личностные качества обычно понимаются как устойчивые, слабо поддающиеся изменениям характеристики личности, формирующиеся в процессе ее жизнедеятельности. В такой трактовке коммуникативная компетентность предстает как явление, которое тяжело целенаправленно развивать. На наш взгляд, корректнее определить коммуникативную компетентность через понятие коммуникативных способностей, так как коммуникативная компетентность имеет более динамичный характер по сравнению с личностными качествами и в большей степени поддается целенаправленному развитию при определенных условиях.

Б.М. Теплов характеризовал способности как индивидуально-психологические особенности, отличающие людей друг от друга; они связаны с успешностью выполнения какой-либо деятельности; способности не сводятся к уже выработанным навыкам, знаниям и умениям субъекта. Учитывая это, вслед за Е.А. Кукуевым, мы определяем коммуникативные способности как «индивидуально-психологические особенности личности, обеспечивающие динамику и эффективность успешности приобретения знаний и формирования навыков, а также выработку на творческой основе умений установления и поддержания взаимодействия на партнерской основе» [20, с. 144].

Таблица – Сравнение ситуационного и диспозиционного подходов к пониманию феномена коммуникативной компетентности

	Ситуационный подход	Диспозиционный подход
Определение	Субъективное впечатление (суждение) об эффективности и уместности коммуникативного поведения, которое зависит от приобретенных знаний и навыков, а также мотивации субъекта	Интегративное, относительно стабильное психологическое образование / личностное качество, позволяющее субъекту достигать поставленных коммуникативных целей
Структура	Когнитивный компонент (знания); поведенческий компонент (навыки); мотивационный компонент (стремление к общению; стремление быть компетентным коммуникантом)	Помимо знаний, навыков и мотивации в структурную модель феномена могут включать личностные качества, влияющие на коммуникативное поведение
Оценка	Оценка направлена как на самого коммуниканта, так и на его партнеров по взаимодействию с целью выявления их впечатления о коммуникативной компетенции оцениваемого субъекта в рамках конкретной ситуации	Анализируются самоотчеты субъектов о своих собственных коммуникативных качествах. Результат измерения рассматривается как относительно устойчивый показатель

Исходя из проведенного анализа работ по проблематике исследуемого феномена, мы предлагаем следующее его определение в рамках диспозиционного подхода. Коммуникативная компетентность – это формирующаяся на базе коммуникативных способностей интегративная система знаний, умений и навыков в области межличностного взаимодействия, обеспечивающая ситуативную гибкость и адаптивность коммуникативного поведения субъекта и способствующая достижению поставленных им коммуникативных целей. Коммуникативная компетентность связана с личностными качествами, влияющими на коммуникативное поведение субъекта, но не является одним из них. Коммуникативные способности субъекта в данном случае рассматриваются как средства формирования коммуникативной компетентности, влияющие на скорость и качество усвоения коммуникативных знаний, умений и навыков. Сама характеристика коммуникативной компетентности означает уже сформированный комплекс, актуальный запас знаний, умений и навыков, способствующих эффективности коммуникации (достижению коммуникативных целей).

В структурном отношении коммуникативную компетентность можно представить в совокупности когнитивного (способность к познанию себя и окружающих, на базе чего формируются коммуникативные знания, умения и навыки), эмоционального (способность к пониманию своих и чужих эмоций, а также к управлению ими, благодаря чему возможна регуляция «эмоционального фона» взаимодействия), поведенческого (сформированные коммуникативные умения, обеспе-

чивающие уместность, гибкость и адаптивность коммуникативного поведения, возможности его контроля и регуляции) и мотивационного (стремление к общению, аффилиации, от чего зависит приобретение опыта межличностного взаимодействия и развитие коммуникативных знаний, умений и навыков) компонентов.

Таким образом, в отличие от предыдущего подхода, в рамках диспозиционного понимания коммуникативной компетентности данный феномен рассматривается как относительно стабильное психологическое образование. Помимо когнитивных, поведенческих и аффективных факторов в рамках данного подхода в модель коммуникативной компетентности могут включаться личностные качества, влияющие на коммуникативное поведение. Выше приведена таблица сравнения ситуационного и диспозиционного подходов.

Заключение. Коммуникативная компетентность является сложным междисциплинарным феноменом, включающим в себя множество разноплановых характеристик. В рамках психологических и педагогических исследований коммуникативная компетентность рассматривается в контексте эффективности (в смысле достижения целей) межличностного взаимодействия в рамках обыденной и профессиональной деятельности. Однозначное определение данного феномена отсутствует. Можно выделить два наиболее отличных друг от друга подхода к пониманию коммуникативной компетентности: ситуационный и диспозиционный. Ситуационный подход представлен в зарубежных исследованиях. Коммуникативная компетенция в данном случае изучается как субъективное впечатление об эффективности

и уместности коммуникативного поведения говорящего в конкретной ситуации. Диспозиционный подход характерен как для зарубежных, так и для отечественных исследований. В его рамках коммуникативная компетентность раскрывается как интегративное, относительно стабильное психологическое образование или личностное качество, способствующее достижению субъектом поставленных им коммуникативных целей. Общим для первого и второго подходов является то, что коммуникативная компетентность связана с когнитивными (знания), поведенческими (навыки, умения) и мотивационными (стремление к общению и компетентности) свойствами субъекта.

Коммуникативную компетентность целесообразнее рассматривать в терминах способностей, так как данное психологическое образование имеет более динамичный характер и в большей степени поддается целенаправленному развитию, чем личностные качества и свойства. В связи с этим коммуникативную компетентность в рамках психологической науки можно определить следующим образом: это формирующаяся на базе коммуникативных способностей интегративная система знаний, умений и навыков в области межличностного взаимодействия, обеспечивающая ситуативную гибкость и адаптивность коммуникативного поведения субъекта и способствующая достижению поставленных им коммуникативных целей.

Литература

1. Болотов, В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.
2. Мильруд, Р.П. Коммуникативная компетенция: владение языком или готовность к иноязычному общению / Р.П. Мильруд, И.Р. Максимова // Иностранные языки в школе. – 2017. – № 7. – С. 2–11.
3. Чанкова, Е.В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: автореферат дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06 / Е.В. Чанкова; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М., 2016. – 45 с.
4. Ноздрякова, Е.В. Модификация диагностической шкалы коммуникативного компетентностного профиля в рамках содержательно-функциональной модели развития коммуникативной компетентности обучающихся / Е.В. Ноздрякова // The Scientific Heritage. – 2019. – № 37-2(37). – С. 45–52.
5. Манулик, В.А. Содержание и структура коммуникативной компетентности врача в контексте профессионально-личностного становления / В.А. Манулик, Ю.В. Михайлюк // Мед. журн. – 2014. – № 2. – С. 153–157.
6. Koponen, J. Sales communication competence in international B2B solution selling / J. Koponen, S. Julkunen, A. Asai // Industrial Marketing Management. – 2019. – Vol. 82. – P. 238–252.
7. Когут, А.А. К вопросу формирования коммуникативной компетентности современных детей старшего дошкольного возраста / А.А. Когут // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 3–2. – С. 142–146.
8. Заречная, А.А. Формирование коммуникативной компетентности у младших школьников / А.А. Заречная // Психолого-педагогические исследования. – 2015. – Т. 7, № 1. – С. 48–55.
9. Комлева, М.А. Особенности развития коммуникативной компетентности у младших подростков / М.А. Комлева, Е.Е. Дмитриева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-4. – С. 365–369.
10. Формирование коммуникативной компетентности студентов на основе индивидуально-дифференцированной технологии / Р.С. Наговицын [и др.] // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 1(49). – С. 54–65.
11. Зимняя, И.А. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение / И.А. Зимняя, И.А. Мазаева, М.Д. Лаптева; под ред. И.А. Зимней. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 400 с.
12. Spitzberg, B.H. (Re)Introducing communication competence to the health professions / B.H. Spitzberg // Journal of Public Health Research. – 2013. – Vol. 2, № 3. – P. 125–135.
13. Spitzberg, B.H. Communication competence as knowledge, skill, and impression / B.H. Spitzberg // Communication Education. – 1983. – Vol. 32, № 3. – С. 323–329.
14. Spitzberg, B.H. The composition of competence: Communication skills / B.H. Spitzberg // Communication Competence / ed. by: A.F. Hannawa, B.H. Spitzberg. – Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. – P. 237–270.
15. Жуков, Ю.М. Диагностика и развитие компетентности в общении / Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская, П.В. Растянников. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 104 с.
16. Емельянов, Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение / Ю.Н. Емельянов. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1985. – 168 с.
17. Wiemann, J.M. Explication and test of a model of communicative competence / J.M. Wiemann // Human communication research. – 1977. – Vol. 3, № 3. – P. 195–213.
18. Зотова, И.Н. Психолого-педагогическая поддержка развития коммуникативной компетентности студентов технического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / И.Н. Зотова; Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 22 с.
19. Гричановская, Е.С. Формирование коммуникативной компетентности студентов экономических специальностей вуза / Е.С. Гричановская // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 163–166.
20. Кукуев, Е.А. К вопросу об определении понятия «коммуникативные способности личности» / Е.А. Кукуев // Сиб. пед. журн. – 2004. – № 3. – С. 143–146.

Поступила в редакцию 02.12.2021

Содержание психологической готовности к обучению в учреждении высшего образования у студентов различных специальностей

Крестьянинова Т.Ю.¹, Тишутин Н.А.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.П. Машерова»

²Учреждение образования «Белорусский государственный университет физической культуры»

В работе изучено содержание психологической готовности студентов 1-го курса различных специальностей к обучению в учреждении высшего образования, проведена оценка психологической и социальной составляющей.

Цель статьи – оценить психологическую и социальную составляющие готовности студентов 1-го курса различных специальностей к обучению в учреждении высшего образования по показателям психологических диагностических методик.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 73 студента 1-го курса Витебского государственного университета имени П.П. Машерова. Компоненты психологической и социальной готовности определяли с помощью 1 и 3 субтестов теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра, методики изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной, методики оценки уровня общительности В.Д. Ряховского, методики диагностики волевого потенциала личности по Н.П. Фетискину.

Результаты и их обсуждение. По результатам 1 и 3 субтестов теста Р. Амтхауэра 62% обследованных первокурсников обладают высоким уровнем индуктивно-вербального мышления и 68,5% – уровнем понятийного мышления, достаточным для освоения программы высшего образования.

Первокурсники как гуманитарного, так и спортивного профиля в большей степени ориентированы на приобретение знаний (68,5% от общего числа обследованных), но в дополнение к этому студенты специальности «Психология» имеют высоко выраженную мотивацию на диплом. Мотивация является переменным компонентом психологической готовности и требует подкрепления через психологическое сопровождение начиная с 1-го курса обучения, когда происходит закладка профессионализма.

Студенты 1-го курса обеих специальностей обладают высоким уровнем коммуникабельности, и вместе с тем у студентов гуманитарного профиля прослеживается сильная положительная связь уровня коммуникабельности с результатами успеваемости.

Представители факультета физической культуры и спорта характеризуются более высоким волевым потенциалом, который положительно коррелирует с показателями успеваемости.

Заключение. Результаты исследования указывают на достаточный уровень готовности первокурсников к получению высшего образования и акцентируют некоторые особенности в зависимости от специальности.

Ключевые слова: психологическая готовность, обучение в учреждении высшего образования, интеллектуальная готовность, волевая готовность, мотивационная готовность, коммуникативная готовность.

Contents of Students' Psychological Readiness for University Studies

Krestyaninova T.Yu.¹, Tishutin N.A.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Education Establishment "Belarusian State University of Physical Education"

First-year students' psychological readiness for university studies is considered. The psychological and social components are evaluated.

The research purpose is to evaluate the psychological and social components of the first-year students' readiness for university studies according to the parameters of psychological diagnostic methods.

Material and methods. 73 first-year Vitebsk State University students took part in the research. The components of psychological and social readiness were identified with the help of 1 and 3 subtests of R. Amthauer Intellect Structure Test, the method of studying university studies motivation by T.I. Ilyina, the method of communication level assessment by V.D. Riakhovskiy; N.P. Fetiskin method of personality will potential diagnostics.

Findings and their discussion. According to the findings of 1 and 3 subtests of R. Amthauer Intellect Structure Test, 62% of the studied first-year students possess high level inductive-verbal thinking and 68,5% – the level of notion thinking sufficient for university curriculum training.

First-year Humanities and Sports students aim at obtaining knowledge (68,5% of those studied), but in addition to it, Psychology students are highly motivated to get the diploma. Motivation is a variable component of psychological readiness and requires support through psychological accompaniment, beginning with the first year when professional training starts.

Both first-year Humanities and Sports students possess high level communicability and, at the same time, Humanities students manifest a strong positive connection between the level of communicability and academic performance.

Physical Training and Sports Faculty students are characterized by a higher will potential which correlates positively with academic performance.

Conclusion. The obtained findings indicate a sufficient level of first-year students' readiness for university studies and emphasize some professional (faculty) training features.

Key words: psychological readiness, university studies, intellectual readiness, will readiness, motivation readiness, communication readiness.

Научение, процесс передачи знания от поколения к поколению, а особенно обучение методикам построения исследовательского процесса, алгоритмам поиска информации и синтезу нового знания являются приоритетным направлением системы образования в любой стране. Сегодняшний мир высоких скоростей и неопределенности предъявляет к студентам высокие требования не только в усвоении учебного материала, но и в готовности постоянной самостоятельной работы, которая будет давать возможность подстраиваться под потребности общества и реализовывать свой личностный потенциал. Профиль образования, в частности спортивный, также вносит свои коррективы в требования к индивидуальным качествам студента.

Успешность обучения студентов в высшем учебном заведении зависит от большого количества факторов: состояния здоровья, материального положения, семейного статуса, возраста, уровня довузовской подготовки, владения студентом навыками самоорганизации, планирования и контроля своей деятельности, престижности учебного заведения, организации в нем учебного процесса, а также в значительной степени от индивидуальных психологических особенностей студентов [1].

Ряд авторов (О.Б. Асриян, Р.В. Кадыров, М.А. Пасынкова, В.В. Чернено, Л.А. Ясюкова) указывают на феномен готовности к обучению в высшем учебном заведении, вкладывая в его структуру физиологические (физическая готовность, состояние здоровья, уровень биологического развития), психологические (интеллектуальная, волевая, мотивационная готовность) и социальные (коммуникативная готовность) составляющие [2–4]. Следовательно, беря в расчет быстро меняющуюся парадигму в образовании, постоянную смену требований к компетентности специалиста, отмечаем необходимость исследования готовности к получению высшего образования студентов 1-го курса с целью выявления физиологических и психологических проблем и своевременной их коррекции в процессе периода адаптации. Современная психология располагает достаточным количеством методик для диагностики качественных и количественных составляющих психологической готовности к обучению в высшем учебном заведении.

Цель статьи – оценить психологическую и социальную составляющие готовности студентов 1-го курса различных специальностей к обучению в учреждении высшего образования по показателям психологических диагностических методик.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 73 студента 1-го курса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (факультет социальной педагогики и психологии (ФСПиП) и факультет физической культуры и спорта (ФФКиС), возраст от 17 до 21 года). В таблице 1 представлено распределение студентов в зависимости от пола и специальности.

Для оценки психологической готовности к обучению в учреждении высшего образования были подобраны следующие методики, выявляющие основные компоненты психологической и социальной готовности (индивидуально-психологические качества, определяющие интеллектуальную и личностную составляющие) [2–5]:

- тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (использовались 1 и 3 субтесты: 1 – самостоятельность мышления, здравый смысл; 3 – способность комбинировать, подвижность и непостоянство мышления, понимание отношений, обстоятельность мышления);

- методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной;

- методика оценки уровня общительности В.Д. Ряховского;

- методика диагностики волевого потенциала личности по Н.П. Фетискину [6].

Для объективизации результата использовали итоги успеваемости зимней экзаменационной сессии. Эти данные позволили нам сопоставить результаты психологического тестирования с фактическими показателями эффективности освоения студентами предметов первого семестра.

В работе использовались стандартные статистические методы из пакета программ SPSS_Statistics_17.0. Статистические данные представлены в виде медианы (Me) и центилей (25%, 75%). Для определения уровня достоверности различий использовали U-критерия Манна – Уитни (P_u). Корреляционный анализ проводился с использованием ранговой корреляции Spearman (r) или корреляции Пирсона в зависимости от распределения полученных данных.

Результаты и их обсуждение. Централизованное тестирование оценивает процент выученной информации из школьных курсов различных предметных образовательных программ и не дает полной информации об интеллектуальной составляющей готовности к обучению в учреждении высшего образования [7]. Исследования российских авторов (В.А. Долгопалов, Л.А. Ясюкова) выявили связь общей способности к обучению с результатами по 1 и 3 субтестам теста Р. Амтхауэра (развитие вербального и понятийного мышления на уровне 11 баллов и выше обеспечивает полноценное усвоение про-

грамм высшей школы) [7; 8]. В таблице 2 представлены результаты исследования интеллектуального развития студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС ВГУ имени П.М. Машерова.

Анализ полученных данных показал, что большинство обследованных первокурсников обладают достаточным уровнем интеллектуальных способностей для освоения программы вуза. В числе студентов 1-го курса обоих факультетов имеются студенты с баллами < 11 по результатам 1 и 3 субтестов теста Р. Амтхауэра. В процентном отношении к общему числу обследованных их больше среди студентов специальности спортивного профиля (на 16,1%).

Личностная составляющая психологической готовности к обучению в учреждении высшего образования представляет собой комплекс личностных качеств: мотивации, волевых установок, коммуникативности [7]. При изучении мотивации к обучению нами выявлено, что первокурсники обоих факультетов в большей степени ориентированы на приобретение знаний (68,5% от общего числа обследованных); студенты специальностей гуманитарного профиля имеют более выраженную мотивацию на диплом, что может свидетельствовать о формальном подходе к получению оценок (таблица 3). На первом курсе у студентов отсутствует профессиональная мотивация, которая предусматривает конкретные побуждения выбора профессии и в дальнейшем

готовности к выполнению обязанностей, связанных с этой профессией [9]. Ряд исследований (В.Ю. Рыбников, 2015; С.В. Чермянин, 2013) показали, что в процессе овладения профессией в высшем учебном заведении, из-за несоответствия воспринимаемой реальности ожиданиям, могут формироваться признаки дезадаптации, вплоть до полной потери мотивации к дальнейшей учебной деятельности. Имея изначально низкую мотивацию к овладению профессией, риск возникновения дезадаптации особенно велик, что обуславливает необходимость своевременного контроля и мотивационной работы не только со студентами, но и сегодняшними школьниками, которые завтра будут абитуриентами.

Благодаря использованию методики В.Д. Ряховского нами выявлено, что большинство студентов (46,8%) 1-го курса, обучающихся по специальностям как гуманитарного, так и спортивного профиля, весьма общительны, любопытны, разговорчивы, охотно высказываются по разным вопросам, легко знакомятся с новыми людьми, им нравится быть в центре внимания, а также они готовы откликнуться на просьбы. Но вместе с тем они склонны переоценивать свои возможности, у них недостаточно усидчивости, терпения и смелости в решении сложных проблем. Среди первокурсников ФФКиС значительная часть студентов с нормальным уровнем коммуникабельности (20,5% к общему числу обследованных,

Таблица 1 – Распределение обследованных студентов в зависимости от пола и специальности (n = 73)

Специальность, факультет	Мужчины	Женщины
Психология, ФСПиП (n = 32)	11	21
Физическая культура и спорт, ФФКиС (n = 41)	25	16

Таблица 2 – Характеристика интеллектуального развития студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС по результатам 1 и 3 субтестов теста Р. Амтхауэра

Специальность, факультет	Индуктивно-вербальное мышление (в баллах)	Количество студентов с баллом 11 и выше (абс. и % к общему числу обследованных)	Количество студентов с баллом < 11 (абс. и % к общему числу обследованных)	Понятийное мышление (в баллах)	Количество студентов с баллом 11 и выше (абс. и % к общему числу обследованных)	Количество студентов с баллом < 11 (абс. и % к общему числу обследованных)
Психология, ФСПиП (n = 32)	12,20	23 (31,9%)	9 (11,9%)	12,55	27 (37,0%)	5 (6,8%)
Физическая культура и спорт, ФФКиС (n = 41)	9,77	22 (30,1%)	19 (26,1%)	11,04	23 (31,5%)	18 (24,7%)

36,6% в группе), любознательных, достаточно терпеливых в общении, отстаивающих свою точку зрения без вспыльчивости, однако не любящих шумных компаний (таблица 4). Возможно, высокие результаты по уровню общительности, полученные у группы студентов спортивного профиля, могут объясняться их спортивной деятельностью, в дополнение к учебе в школе. Поскольку спортсмен, даже в индивидуальных видах спорта, не говоря уже про командные, является весьма социальной активной личностью, которой для успешной реализации себя необходимо находиться в постоянной коммуникации со своими напарниками на тренировке, тренерами и т.д. У школьников, не имеющих каких-либо увлечений, связанных с дополнительными занятиями, помимо школы, может наблюдаться более низкий уровень общительности, который в будущем может влиять как на выбор специальности в учреждении высшего образования, так и в целом на формирование вектора дальнейшего жизненного пути.

Анализируя полученные результаты, нами установлено, что первокурсники обоих профилей специальностей имеют достаточно высокий волевой потенциал: средняя сумма баллов (64,4% к общему числу обследованных) и высокая сумма баллов (45,7% к общему числу обследованных). В разрезе специальностей: 27,9% – студенты ФФКиС, 17,8% – студенты ФСПиП. Студенты владеют навыками управления собой, мобилизации

сил, могут сосредоточиться на задаче, умеют отвлекаться от мешающих воздействий, преодолевать страх и волнение.

Обобщенные результаты сравнительного анализа компонентов психологической готовности студентов 1-го курса специальностей гуманитарного и спортивного профилей представлены в таблице 6. Стоит отметить наличие большого количества компонентов, по которым изучаемые группы студентов различаются между собой, причем по некоторым характеристикам получены более высокие баллы у студентов ФФКиС, а по некоторым – у ФСПиП. Кроме того, обращаем внимание на различный уровень процентного разброса (25–75%) у двух групп по некоторым показателям, что указывает на разницу в однородности психологических особенностей между студентами двух факультетов. Например, по субтесту 3 теста Р. Амтхауэра выявлены более высокие результаты у студентов гуманитарного профиля, но вместе с тем отмечаем, что у целого ряда студентов данного факультета показатели по субтесту 3 находились на более низком уровне, чем у студентов спортивного профиля, однако ряд студентов ФСПиП имели очень высокие баллы по данному виду тестирования, что и сформировало их более высокий общий результат.

Для объективизации полученных данных был осуществлен поиск корреляционных связей между изученными факторами и результатами

Таблица 3 – Мотивация обучения в учреждении высшего образования студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС по результатам методики Т.И. Ильиной

Специальность, факультет	Количество студентов (абс. и % к общему числу обследованных)		
	Шкалы		
	Приобретение знаний	Овладение профессией	Получение диплома
Психология, ФСПиП (n = 32)	17 (23,3%)	1 (1,4%)	14 (17,8%)
Физическая культура и спорт, ФФКиС (n = 41)	33 (45,2%)	3 (4,1%)	6 (8,2%)

Таблица 4 – Уровень общительности студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС по результатам методики В.Д. Ряховского

Специальность, факультет	Количество студентов (абс. и % к общему числу обследованных)						
	Очки						
	0–3	4–8	9–13	14–18	19–24	25–29	30–32
Психология, ФСПиП (n = 32)	–	8 (10,9%)	16 (21,9%)	8 (10,9%)	–	–	–
Физическая культура и спорт, ФФКиС (n = 41)	–	8 (10,9%)	18 (24,9%)	15 (20,5%)	–	–	–

успеваемости по итогам первой экзаменационной сессии студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС (рисунок 1). В группе студентов ФСПиП обнаружены: сильная положительная корреляционная связь результатов успеваемости с результатами субтеста 3 теста Р. Амтхауэра (0,760; $p < 0,05$), средние положительные корреляционные связи с коммуникативностью (0,332) и мотивацией к получению диплома (0,511; $p < 0,05$). У студентов ФФКиС наблюдаются: сильная положительная корреляционная связь результатов успеваемости с результатами субтеста 3 теста Р. Амтхауэра (0,903; $p < 0,05$), средняя положительная корреляционная связь с волевым потенциалом личности (0,335; $p < 0,05$). В обеих группах отмечается средняя отрицательная корреляционная связь между результатами успеваемости и мотивацией к овладению профессией.

Считается, что успешность подготовки студента-будущего специалиста зависит от

его готовности к обучению в учреждении высшего образования: умении быстро включаться в деятельность, способности оптимальной реализации и высокой продуктивности, возможности эффективно осуществлять деятельность в сложных, динамически меняющихся ситуациях [10–12]. Следовательно, необходимо проводить диагностику исходного уровня сформированности компонентов готовности студентов-первокурсников к обучению в учреждении высшего образования с целью выявления недостаточно развитых компонентов готовности. Обладая данной информацией, необходимо привлекать студентов с выявленными недостатками к мероприятиям, направленным на коррекцию и повышение уровня психологической готовности, что позволит повышать эффективность учебного процесса и, соответственно, на выходе из университета формировать специалиста более высокого уровня.

Таблица 5 – Волевой потенциал личности студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС

Специальность, факультет	Количество студентов (абс. и % к общему числу обследованных)		
	Баллы		
	1–12	13–21	22–30
Психология, ФСПиП (n = 32)	–	26 (35,6%)	6 (17,8%)
Физическая культура и спорт, ФФКиС (n = 41)	–	21 (28,8%)	20 (27,9%)

Таблица 6 – Результаты сравнительного анализа компонентов психологической готовности студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС (Me; 25%; 75%)

Компоненты		ФСПиП	ФФКиС	p-уровень
Мотивация	Приобретение знаний	5,4 [4,2; 7,2]	10,8 [7,2; 11,4]	$P_u = 0,0001$
	Овладение профессией	2,5 [0,0; 5,0]	8 [6; 9]	$P_u = 0,0001$
	Получение диплома	5 [1,5; 7,3]	5,5 [5,5; 7,5]	$P_u = 0,0375$
Коммуникативность		12 [8,5; 13,5]	12 [9; 16]	$P_u = 0,5201$
Воля		19,5 [16; 20]	21 [17; 22]	$P_u = 0,0549$
Тест Р. Амтхауэра	Субтест 1	12 [11; 14]	9 [7; 11]	$P_u = 0,0005$
	Субтест 3	13 [11; 15]	11 [9; 12]	$P_u = 0,0032$
Сред. балл		8 [7,1; 8,5]	6,3 [6,3; 7,6]	$P_u = 0,0099$

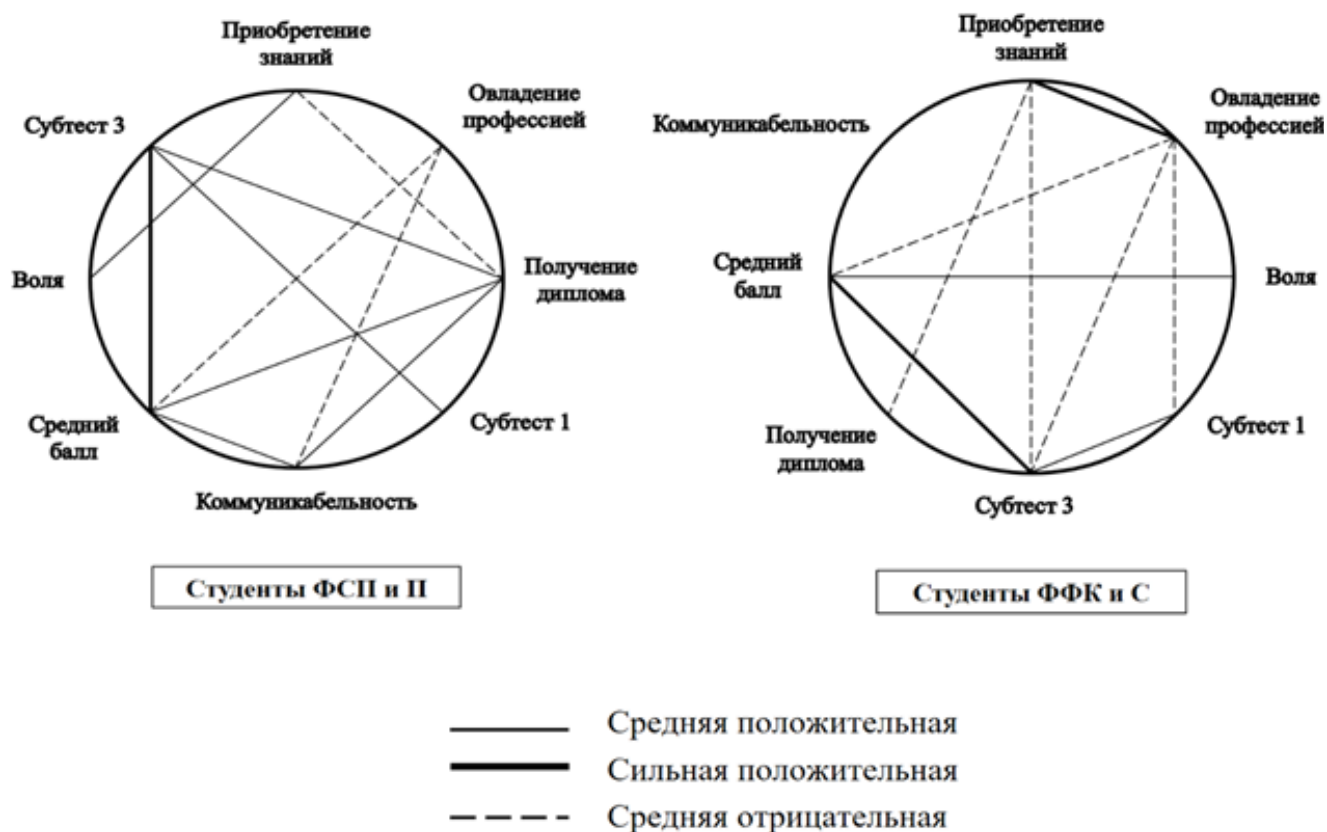

Рисунок – Корреляционная плеяда взаимосвязей результатов успеваемости с компонентами психологической готовности у студентов 1-го курса ФСПиП и ФФКиС

Заключение. Таким образом, изучено содержание готовности студентов 1-го курса различных специальностей к обучению в учреждении высшего образования, проведена оценка психологической и социальной составляющей. Полученные данные указывают на достаточный уровень готовности первокурсников к получению высшего образования и акцентируют некоторые особенности в зависимости от специальности.

По результатам 1 и 3 субтестов теста Р. Амтхауэра 62% обследованных первокурсников обладают высоким уровнем индуктивно-вербального мышления и 68,5% – уровнем понятийного мышления, достаточным для освоения программы высшего образования.

Первокурсники как гуманитарного, так и спортивного профиля в большей степени ориентированы на приобретение знаний (68,5% от общего числа обследованных), но в дополнение к этому студенты специальности «Психология» имеют высоко выраженную мотивацию на диплом. Мотивация является варибельным компонентом психологической готовности и требует подкрепления через психологическое сопровождение начиная с 1-го курса обучения, когда происходит закладка профессионализма.

Студенты 1-го курса обеих специальностей обладают высоким уровнем коммуникабельно-

сти и вместе с тем у студентов гуманитарного профиля прослеживается сильная положительная связь уровня коммуникабельности с результатами успеваемости.

Представители факультета физической культуры и спорта характеризуются более высоким волевым потенциалом, который положительно коррелирует с показателями успеваемости.

Результаты исследования выражаются в определении конкретного уровня готовности к получению высшего образования, которые необходимо использовать для оптимизации психологического сопровождения будущих специалистов, что позволит повысить эффективность учебного процесса и, соответственно, сформировать более компетентного в своей области специалиста.

Литература

1. Кусакина, С.Н. Готовность к обучению в вузе как психологический феномен: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / С.Н. Кусакина; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2009. – 24 с.
2. Асриян, О.Б. О новом подходе в оценке психологической готовности к обучению в вузе (на примере студентов факультета медико-профилактического дела Тихоокеанского государственного медицинского университета) / О.Б. Асриян, Р.В. Кадыров, В.В. Черненко // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2013. – Т. 3, № 4(56). – С. 117–125.

3. Водопьянов, Д.А. Феномен психологической готовности студентов-будущих психологов к профессиональной деятельности / Д.А. Водопьянов // Акмеология. – 2017. – № 4(64). – С. 41–46.
4. Деркач, А.А. Теоретические основы психологической готовности студентов-будущих психологов к профессиональной деятельности / А.А. Деркач, Д.А. Водопьянов // Акмеология. – 2017. – № 2(62). – С. 7–13.
5. Щербаков, Ю.И. Теоретический анализ феномена психологической готовности студентов к педагогической деятельности / Ю.И. Щербаков, В.Ю. Могилевская // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5(60). – С. 299–301.
6. Лымаренко, В.М. Сборник психологических тестов и методик: учеб. пособие / В.М. Лымаренко, О.В. Леонтьев. – СПб.: Ун-т при МПА ЕвразЭС, 2021. – 111 с.
7. Ясюкова, Л.А. Исследование интеллектуальной готовности к обучению студентов СПбГПУ / Л.А. Ясюкова, В.А. Долгополов, О.Е. Пискун // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2012. – Т. 7, № 1. – С. 163–167.
8. Ясюкова, Л.А. Проблемы психологии понятийного мышления / Л.А. Ясюкова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. – 2010. – № 3. – С. 385–394.
9. Чермянин, С.В. Особенности формирования мотивационных установок к практической деятельности у студентов, обучающихся по специальности «Клиническая психология» / С.В. Чермянин, В.Е. Капитанаки, А.С. Скороход // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 4-1. – С. 158–167.
10. Мельничук, А.С. Готовность к обучению в вузе как психологический феномен / А.С. Мельничук // Акмеология. – 2010. – № 4. – С. 56–58.
11. Крестьянинова, Т.Ю. Оценка функционального состояния и физической работоспособности студентов факультета физической культуры и спорта, получающих дополнительную военно-учетную специальность / Т.Ю. Крестьянинова, А.В. Жуков, Ю.В. Гапоненко // Вестн. Витеб. дзярж. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 35–39.
12. Ткач, М.Г. Личностные предпосылки психологической готовности студентов к профессиональной деятельности / М.Г. Ткач, Т.Е. Косаревская // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3. – С. 89–95.

Поступила в редакцию 16.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатырёва Валентина Васильевна – ректор ВГУ имени П.М. Машерова, доктор экономических наук, профессор.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Бондаренко Марина Сергеевна – педагог-психолог Республиканского научно-практического центра радиационной медицины и экологии человека.

Борботько Павел Валентинович – доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Гуминский Максим Николаевич – старший инспектор управления охраны правопорядка и профилактики милиции общественной безопасности управления внутренних дел Витебского облисполкома, магистр юридических наук.

Калиева Гульбахыт Тулпарбековна – доктор экономических наук, профессор Евразийской юридической Академии имени Д.А. Кунаева, Республика Казахстан.

Каратерзи Вероника Александровна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, магистр психологических наук.

Костюкова Светлана Николаевна – заместитель заведующего кафедрой корпоративных финансов по профориентационной работе БГУ, кандидат экономических наук, доцент.

Крестьянинова Татьяна Юрьевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат биологических наук, доцент.

Ложкина Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета, Российская Федерация.

Лупекина Елена Александровна – доцент кафедры психологии УО «ГГУ имени Франциска Скорины», кандидат психологических наук.

Любченко Ольга Анатольевна – заместитель декана по учебной работе факультета обучения иностранных граждан ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук.

Могилёва Екатерина Владимировна – студентка 5-го курса группы «Правоохранительная деятельность» Вятского государственного университета, Российская Федерация.

Морожанова Мария Михайловна – преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, магистр психологических наук.

Пашкевич Надежда Александровна – ассистент кафедры «Экономика, организация строительства и управление недвижимостью» БНТУ, магистр экономических наук.

Первакова Анастасия Сергеевна – студентка 5-го курса группы «Правоохранительная деятельность» Вятского государственного университета, Российская Федерация.

Побяржина Татьяна Павловна – доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат экономических наук.

Поташёва Юлия Леонидовна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Ростовцева Марина Викторовна – заведующий кафедрой психологии развития и консультирования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, доктор философских наук, профессор, Российская Федерация.

Сапаргалиев Хаиржан Умирбекович – кандидат экономических наук, ТОО СП «ТюменьНефтеПродукт», Республика Казахстан.

Сергиевич Татьяна Владимировна – доцент кафедры «Экономика и право» БНТУ, кандидат экономических наук, доцент.

Тишутин Николай Алексеевич – аспирант кафедры физиологии и биохимии УО «БГУФК».

Ткачёв Иван Валентинович – аспирант кафедры социальной и организационной психологии БГУ.

Шматков Игорь Иванович – заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Янч Валерий Вацлавович – декан факультета обучения иностранных граждан ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bogatyreva Valentina Vasilyevna – Rector of Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Bondarenko Marina Sergeyevna – Teacher-Psychologist of the Republican Scientific and Practical Center for Radiation Medicine and Human Ecology.

Borbotko Pavel Valentinovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (History), Assistant Professor.

Huminski Maksim Nikolayevich – Senior Inspector of the Department of Law Enforcement and Prevention of the Police of Public Security of the Department of Internal Affairs of the Vitebsk Regional Executive Committee, Master of Law.

Kaliyeva Gulbakhyt Tulparbekovna – Professor of Kunayev Eurasian Academy of Law, Dr.Sc. (Economics), the Republic of Kazakhstan.

Karaterzi Veronika Aleksandrovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Psychology Department, Master of Psychology.

Kostiukova Svetlana Nikolayevna – Deputy Head in Charge of Career Advising of Belarusian State University Department of Corporation Finance, PhD (Economics), Assistant Professor.

Krestyaninova Tatyana Yuryevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Psychology Department, PhD (Biology).

Lozhkina Tatyana Yevgenyevna – Senior Lecturer of Viatka State University, Law Institute, Department of Constitutional, Administrative Law and Legal Provision of State Service, the Russian Federation.

Lupekina Elena Aleksandrovna – Assistant Professor of Grodno State Francisc Scorina University Psychology Department, PhD (Psychology).

Liubchenko Olga Anatolyevna – Deputy Dean in Charge of Academic Work of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Foreign Citizens Training, PhD (Education).

Mogileva Yekaterina Vladimirovna – Fifth Year Law Enforcement Student of Viatka State University, Law Institute, the Russian Federation.

Morozhanova Mariya Mikhailovna – Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Psychology Department, Master of Psychology.

Pashkevich Nadezhda Aleksandrovna – Assistant of Belarusian National Technical University Department of Economics, Construction Organization and Real Estate Management, Master of Economics.

Pervakova Anastasiya Sergeyevna – Fifth Year Law Enforcement Student of Viatka State University, Law Institute, the Russian Federation.

Pobiarzhina Tatyana Pavlovna – Assistant Professor of Federation of Trade Unions of Belarus Education Establishment International University of MITSO Vitebsk Branch Department of Economics and Information Technologies, PhD (Economics).

Potasheva Yuliya Leonidovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Psychology Department.

Rostovtseva Marina Viktorovna – Head of Development Psychology and Counseling Department of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of the Federal State Autonomous Education Establishment of Higher Education “Siberian Federal University”, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, the Russian Federation.

Sapargaliyev Khairzhan Umirbekovich – JV “TiumenNefteProdukt”, PhD (Economics), the Republic of Kazakhstan.

Sergiyevich Tatyana Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law, PhD (Economics), Assistant Professor.

Tishutin Nikolai Alekseyevich – Postgraduate Student Belarusian State University of Physical Culture Department of Physiology and Biochemistry.

Tkachov Ivan Valentinovich – Postgraduate Student Belarusian State University Department of Social and Organizational Psychology.

Shmatkov Igor Ivanovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Yanch Valeri Vatslavovich – Dean of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Foreign Citizens Training, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет

(-ют);

- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список **литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на нео-

публикованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;
– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Material and methods”;
- section “Findings and their discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Material and methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Findings and their discussion**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated,

as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat. VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 05.05.2022. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 10,53. Тираж 100 экз. Заказ 65.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.